Одно из самых блестящих, самых запоминающихся произведений последних десятилетий.
Interzone

ИГРА ЭНДЕРА

Орсон Скотт Кард

АЗБУКА

Игра Эндера
Орсон Скотт Кард

Аннотация
Орсон Скотт Кард. Игра Эндера
1. Третий
2. Питер
3. Графф
4. Запуск
5. Игры
6. Угощение великана
7. Саламандра
8. Крыса
9. Локк и Демосфен
10. Дракон
11. Veni, vidi, vici
12. Бонзо
13. Валентина
14. Учитель Эндера
15. Говорящий от имени мертвых
Благодарности

Аннотация

Земная цивилизация под угрозой. Уже семь десятилетий человечество ведет безвыигрышную войну с чуждой инопланетной расой, и шансы на победу всё тают. Неужели нет никакой надежды и человечеству придется погибнуть? И такая надежда появляется. На Земле рождается гений, ребенок, которому суждено стать спасителем человечества. Имя его Эндрю Виггин, или Эндер, что значит победитель.

«Игра Эндера» — абсолютный шедевр современной фантастики и редкий случай в истории жанра, когда роман завоевывает в один год две высшие фантастические награды — премии «Хьюго» и «Небьюла». То есть получает одновременно и читательское, и писательское признание.

Орсон Скотт Кард
Игра Эндера

Джефри, который заставляет меня помнить, как юны и как стары могут быть дети

ENDER'S GAME
by Orson Scott Card
Copyright © 1977, 1985, 1991 by Orson Scott Card
All rights reserved
Публикуется с разрешения автора и его литературного агента Barbara Bova Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)
© Е. Михайлик, перевод, 2013
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

1
Третий

— Я смотрел его глазами, я слушал его ушами и говорю: он тот, кто нам нужен. Настолько близок к идеалу, насколько это вообще возможно.

— Ты говорил то же самое о его брате.

— Брат не прошел проверку, его использовать невозможно. По причинам, не имеющим ничего общего со способностями.

— Как и сестру. Да и этот вызывает сомнения. Слишком податлив. Слишком охотно подчиняется воле других людей.

— Если только эти люди — не враги.

— Так что нам делать? Следить, чтобы его все время окружали враги?

— Если потребуется.

— Кажется, ты говорил, тебе нравится этот парень?

— Если он попадет в лапы жукеров… По сравнению с ними я его любимый дядюшка.

— Ладно. В конце концов, мы спасаем мир. Забирай его.

Женщина-наблюдатель мило улыбнулась,

взъерошила ему волосы и сказала:

— Эндрю, по-моему, тебе ужас как надоел этот жуткий монитор. Так вот, у меня хорошие новости. Сегодня ты с ним расстанешься. Мы просто вытащим его. Это будет не больно, ни капельки.

Эндер[1] кивнул. Конечно, это была ложь — про «ни капельки». Но поскольку взрослые врали так всякий раз, когда собирались сделать ему по-настоящему больно, на данное утверждение можно было полагаться как на весьма точное описание ближайшего будущего. Иногда ложь говорит куда больше, чем правда.

— Так что ты, Эндер, просто подойди и сядь вот сюда, на стол для осмотра. Доктор выйдет к тебе через минуту.

Монитора больше нет. Эндер попробовал представить, каково это: на его шее больше нет маленького записывающего устройства.

«Я смогу кувыркаться на кровати, и он не будет давить. Я не почувствую, как он щекочет и нагревается, когда буду принимать душ.

И Питер перестанет ненавидеть меня. Приду домой, покажу ему, что монитора нет, и он увидит, что я тоже не прошел, снова стал обыкновенным

---

[1] Примечания: 1

Искаженное имя Эндрю, а также существительное, означающее приблизительно «тот, кто заканчивает», «финалист».

мальчиком, совсем как он. И все сразу наладится. Он простит мне, что я носил монитор на целый год дольше его. И мы станем…

Наверное, не друзьями, нет. Питер слишком опасен, его так легко рассердить. Но братьями. Не врагами, не друзьями — братьями, которые живут в одном доме. Он перестанет ненавидеть меня, просто оставит в покое. И когда он снова захочет поиграть в жукеров и астронавтов, может, мне не придется присоединяться к нему, я смогу просто уйти куда-нибудь читать книжку».

Но Эндер знал, что Питер все равно не оставит его в покое. Было что-то в глазах Питера, когда на него находило это сумасшедшее настроение… И, вспоминая этот взгляд, этот блеск, Эндер точно знал: уж чего-чего, а Питер его в покое не оставит. «Я учусь играть на пианино, Эндер. Пойдем, будешь переворачивать мне страницы. А-а, мальчик с монитором слишком занят, чтобы помочь своему братцу? Он что, слишком умный? Нет, нет. Не надо мне твоей помощи. Сам прекрасно справлюсь — слышишь, ты, урод мелкий, паршивый Третий!»

— Это будет быстро, Эндрю, — сказал доктор.

Эндер кивнул.

— Монитор специально сделан так, чтобы его

легко было снять. Не причиняя боли, не внося инфекции. Правда, будет щекотно, а еще некоторые люди говорят, что их потом преследует чувство, будто что-то пропало. Ты все ищешь что-то, очень хочешь найти, но не можешь и даже не помнишь, что именно ты потерял. Так вот, я скажу тебе что: ты ищешь монитор. А его уже нет. Но через несколько дней это чувство пройдет.

Доктор выкручивал что-то на загривке Эндера. И вдруг боль, как раскаленная игла, пронзила его от шеи до самого паха. Эндер почувствовал, как судорога сводит спину, как тело резко выгибается назад, — и ударился головой о стол. Он чувствовал, как ноги его бьются в воздухе, а руки сцеплены и до боли выкручивают друг друга, выгибаются арками.

— Диди! — позвал доктор. — Ты мне нужна!

Задыхаясь, вбежала сестра.

— Нужно как-то расслабить мышцы. Ко мне, быстро! Чего ты там копаешься?!

Они что-то передали друг другу — Эндер не видел что. Он рванулся в сторону и свалился со стола.

— Держите его! — выкрикнула сестра.

— Просто зафиксируй его…

— Я не смогу, доктор, он слишком силен…

— Да не вводи все сразу! У него же сердце остановится!

Эндер ощутил, как в шею, чуть выше воротника рубашки, вонзилась игла. Лекарство жгло, но всюду, куда доходил этот огонь, сведенные мышцы постепенно расслаблялись. Теперь он наконец смог заплакать от боли и страха.

— Эндрю, ты в порядке? — спросила сестра.

Эндрю не мог говорить, не помнил, как это делается. Его снова положили на стол, проверили пульс, сделали еще что-то — он плохо соображал, что происходит.

Руки доктора тряслись. Когда он заговорил, его голос тоже дрожал:

— Заставляют ребенка носить эту штуку три года — так чего ж еще ждать?! Мы могли просто выключить его, понимаешь? Взять и выключить. Навсегда отсоединить его мозг.

— Сколько будет действовать наркотик? — спросила сестра.

— Пусть лежит здесь по меньшей мере час. Смотри за ним. Если через пятнадцать минут он все еще не сможет говорить, позовешь меня. Мы ведь и в самом деле могли отключить его. Я не жукер, я не могу предусмотреть все.

Он вернулся в класс к мисс Памфри за пят-

надцать минут до звонка. Он все еще не очень твердо держался на ногах.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Эндрю? — спросила мисс Памфри.

Он кивнул.

— Тебе было плохо?

Он покачал головой.

— Выглядишь ты неважно.

— Я в порядке.

— Тебе лучше сесть, Эндрю.

Он двинулся к своему месту, но через пару шагов остановился. «Что такое? Что я вообще ищу?» Он никак не мог вспомнить.

— Твое место вон там, — подсказала мисс Памфри.

Он сел, но это было не совсем то, он искал что-то другое. Ладно, потом отыщется.

— Твой монитор, — прошептала девочка за его спиной.

Эндер пожал плечами.

— Его монитор, — шепнула она остальным.

Эндер поднял руку и ощупал шею. Там был пластырь. И больше ничего. Монитора нет. Теперь он такой, как все.

— Что, Энди, выперли тебя? — спросил мальчик, который сидел чуть впереди в соседнем

ряду.

Он не мог вспомнить его имя. Питер? Нет, кто-то другой.

— Тише, мистер Стилсон, — сказала мисс Памфри.

Стилсон ухмыльнулся.

Мисс Памфри рассказывала об умножении. Эндер баловался со своим компом: рисовал контуры гористых островов, а затем приказывал компу выдать трехмерное изображение — во всех ракурсах. Учительница, наверное, заметит, что он совсем не слушает ее, но вряд ли станет его беспокоить. Он всегда знал ответ, даже в тех случаях, когда ей казалось, что он не слушает ее.

В углу компа появилось слово и, маршируя, двинулось по периметру экрана. Сначала оно было перевернуто и написано справа налево, но Эндер сумел прочесть его, прежде чем оно добралось до нижнего края экрана и встало как положено:

ТРЕТИЙ.

Эндер улыбнулся. Это он придумал, как посылать сообщения с экрана на экран и заставлять их маршировать, и, когда его тайные враги прибегали к этому методу, чтобы в очередной раз обозвать его, тем самым в действительности они

его хвалили. И вообще, он не виноват, что родился Третьим. Идея принадлежала правительству, это они дали официальное добро — иначе как бы Третий навроде Эндера попал в школу? А теперь еще и монитор сняли. Эксперимент с кодовым названием «Эндрю Виггин» провалился. Будь у них такая возможность, они отменили бы постановление, разрешившее ему появиться на свет. Никаких сомнений. Эксперимент провалился — сотрите файл.

Прозвенел звонок. Ребята выключали компы или лихорадочно допечатывали себе напоминания на следующий день. Кто-то по Сети переписывал задания в свои домашние компьютеры. Парочка крутилась у принтера, ожидая, когда машина отпечатает нечто крайне важное для них. Эндер протянул руки над маленькой детской клавиатурой у края компа и подумал: а каково это — иметь большие руки, как у взрослого? Они должны быть такими неуклюжими, с толстыми неловкими пальцами, с мясистыми ладонями. Конечно, у взрослых и клавиатура побольше, но разве могут их толстые пальцы провести настолько правильную линию, какая получалась у Эндера, — тонкую точную линию, спираль в семьдесят девять витков от центра

до края компа, и чтобы ни один завиток не перекрывал другого! Да, ему было чем заняться, пока учительница нудила про свою арифметику. Арифметика! Валентина научила его арифметике, когда ему было три года.

— У тебя все в порядке, Эндрю?

— Да, мэм.

— Ты опоздаешь на автобус.

Эндер кивнул и встал. Все ребята уже ушли. Но его будут ждать те, плохие. У него на шее уже не было монитора, который видел все, что он видел, и слышал все, что слышал он. Теперь они могут говорить что хотят. Могут даже ударить его — их больше никто не увидит, а значит, никто не придет на помощь Эндеру. У монитора были свои преимущества, ему будет их не хватать.

Конечно, заводилой оказался Стилсон. Он был не крупнее большинства, но больше Эндера. И его окружали подпевалы. Он никогда не ходил один.

— Эй, Третий.

«Не отвечай. Тебе нечего сказать».

— Эй, Третий, мы к тебе обращаемся. Третий, подстилка жукеров, с тобой разговаривают!

«Не могу придумать ответа. Что бы я ни сказал, это разозлит их еще больше. Ничего не скажу».

— Эй, Третий, эй, сопля, тебя вышибли оттуда,

да? Думал, ты лучше нас, но потерял свою маленькую птичку, а вместо этого получил пластырь на шею?

— Вы пропустите меня или нет? — спросил Эндер.

— Мы пропустим его или нет? А что, должны? — Они просто покатывались со смеху. — Да, конечно, мы тебя пропустим. Сначала мы пропустим твою руку, потом задницу, потом, наверное, колено.

— Потерял свою пташку, Третий, потерял свою милашку, Третий, — распевали остальные.

Стилсон толкнул Эндера пятерней, а потом кто-то сзади пихнул его навстречу Стилсону.

— Туда-сюда-обратно! — выкрикнул кто-то.

— Теннис.

— Пинг-понг.

Все это добром не кончится, понял Эндер, и лучше, если не повезет кому-нибудь другому. Поэтому, когда Стилсон протянул руку, чтобы снова его толкнуть, он попытался схватить противника. Но промахнулся.

— Ух ты! Ты что, хочешь драться со мной? Хочешь драться, Тройка несчастная?

Стоявшие сзади схватили Эндера за плечи и крепко сжали.

Эндеру было вовсе не до смеха, но он все же рассмеялся:

— Тебе нужно столько помощников, чтобы побить одного Третьего?

— Мы люди, а не Третьи, жабья рожа. У тебя не хватит силенок даже пукнуть по-настоящему.

Однако они отпустили его. В ту же минуту Эндер поднял ногу как можно выше и ударил что было силы. Он попал Стилсону прямо в грудь. Тот упал. Эндер даже растерялся, так как не рассчитывал сбить противника с ног одним ударом. Ему не пришло в голову, что тот не принимал драку всерьез и не был готов к настоящему отчаянному отпору.

На мгновение остальные расступились. Стилсон лежал не двигаясь, и его дружки, наверное, гадали, уж не умер ли он. А Эндер тем временем лихорадочно соображал, как предотвратить их месть. Они ведь снова встретят его завтра всей бандой.

«Я должен победить сейчас — раз и навсегда. Или придется драться с ними каждый день, и тогда мне не поздоровится».

Эндер в свои шесть лет уже знал неписаные законы ведения войны, знал, как должен вести себя мужчина. Нельзя бить беспомощного, ле-

жащего на земле противника. Так поступают только звери.

Но все же он подошел к неподвижному врагу и ударил его снова, ногой под ребра. Стилсон застонал и откатился в сторону. Эндер снова подошел и снова ударил его ногой — в промежность. Теперь Стилсон не мог даже стонать, он свернулся клубком, слезы градом катились из глаз.

Эндер холодно оглядел остальных:

— Собираетесь напасть все разом? Вместе вы, наверное, здорово меня побьете. Но вы должны помнить, как я поступаю с людьми, которые пытаются сделать мне больно. После того как вы меня побьете, вам останется только гадать, как именно я доберусь до каждого из вас и что из этого выйдет. — Он пнул Стилсона в лицо. Кровь из носа веером брызнула на пол. — Это будет не так, — сказал он. — Это будет хуже.

Эндер повернулся и пошел прочь. Никто не преследовал его. Он свернул за угол, в коридор, ведущий к автобусной остановке, успев при этом услышать чей-то шепот за спиной:

— Черт, ты посмотри, он весь белый…

Затем Эндер уперся головой в стену коридора и плакал, пока не пришел автобус.

«Я совсем как Питер. Стоило забрать у меня

монитор, и я стал совсем как Питер».

2
Питер

— Итак, все закончилось. Как его дела?

— Когда живешь в чьем-то теле несколько лет, привыкаешь к нему. А теперь я смотрю на его лицо и не понимаю, что происходит там, внутри. Я не умею распознавать его чувства по выражению лица, я привык ощущать их.

— Кончай, мы здесь не о психоанализе толкуем. Мы солдаты, а не экстрасенсы. Ты только что видел, как он вышиб дух из вожака этой шайки.

— Он действовал очень обстоятельно. Не просто побил его, он его разбил. Как Мэйзер Рэкхем в бою при…

— Знаю, знаю. То есть, по мнению комитета, он нам подходит.

— В основном. Надо еще посмотреть, как он будет разбираться со своим братом теперь, когда у него нет монитора.

— С братом? А ты не боишься того, что его брат может сделать с ним?

— Ты сам говорил, что в этом деле мы не имеем права рисковать.

— Я снова просмотрел несколько старых записей. Ничего не могу с собой поделать — мне нравится этот парень. Боюсь, мы изуродуем его.

— Конечно. Это и есть наша работа. Мы злые ведьмы. Заманиваем детишек пряниками, а потом суем гаденышей в печку.

— Эндер, даже не знаю, что и сказать… — прошептала Валентина, глядя на пластырь на его шее.

Эндер легко коснулся стены, и дверь бесшумно закрылась за его спиной.

— Ерунда. Я рад, что его больше нет.

— Чего нет? — Питер вышел в прихожую, дожевывая кусок хлеба с ореховым маслом.

Для Эндера Питер не был высоким, красивым десятилетним мальчиком, каким его видели взрослые, мальчиком с густыми темными спутанными волосами и лицом, которое могло бы принадлежать Александру Великому. Эндер смотрел на Питера только для того, чтобы вовремя заметить злобу или скуку — опасные настроения, которые почти всегда означали боль. Как только Питер увидел пластырь, в глазах его вспыхнул многозначительный яростный огонек.

Валентина тоже заметила это.

— Теперь он такой, как мы, — сказала она, пы-

таясь смягчить брата, прежде чем он ударит.

Но Питера уже было не остановить.

— Как мы? Он таскал эту коробку до шести лет. Когда у тебя забрали твою? В три. Я потерял свою, еще и пяти не исполнилось. А этот гаденыш почти добился своего! Мелкий жукер!

«Хорошо, Питер, хорошо, — подумал Эндер. — Выговорись. Лучше слова, чем кое-что другое».

— Ну, теперь-то твои ангелы-хранители не следят за тобой, — сказал Питер. — Теперь им неоткуда узнать, как ты себя чувствуешь, не больно ли тебе. Они не подслушают, что я говорю, не увидят, что я с тобой делаю. А? Как считаешь?

Эндер пожал плечами.

Вдруг Питер улыбнулся и хлопнул в ладоши, изображая хорошее настроение.

— А давай поиграем в жукеров и астронавтов, — предложил он.

— Где мама? — спросила Валентина.

— Ушла, — сообщил Питер. — Я за старшего.

— Пожалуй, я позову папу.

— Зови сколько влезет. Ты же знаешь, его никогда нет дома.

— Давай, — согласился Эндер. — Давай сыграем.

— Ты будешь жукером, — предупредил Питер.

— Дай ему хоть раз побыть астронавтом, — попросила Валентина.

— Не суй свою толстую рожу не в свои дела, дурища! — огрызнулся Питер. — А ты иди наверх и выбери оружие.

Это будет нехорошая игра. И Эндер догадывался, что выиграть ему не удастся. Дети частенько играли в эту игру в коридорах, причем большими компаниями, и жукеры никогда не побеждали. А еще порой игра становилась жестокой. Но здесь, в квартире, она будет жестокой с самого начала, а этот жукер не мог исчезнуть, испариться, как это делали настоящие жукеры в настоящих войнах. Ему оставалось только ждать, пока астронавт не закончит игру.

Питер открыл нижний ящик своего шкафа и вытащил маску жукера. Мама очень расстроилась, когда Питер купил ее. Но встрял папа: мол, оттого, что мы спрячем все маски жукеров и запретим детям стрелять из игрушечных лазерных ружей, война не прекратится. Лучше пусть тренируются, тогда, может, сумеют выжить, когда жукеры вернутся.

«Но сначала мне нужно выжить в этой игре, — подумал Эндер и надел маску, которая, будто огромная ладонь, обхватила его лицо. — Интерес-

но, а что ощущают жукеры? Они ведь не носят маски, у них просто такие лица. Там, у себя дома, в своих мирах, они надевают нашу маску, чтобы поиграть? А как они называют нас? Слизняками, потому что по сравнению с ними мы такие мягкие, такие маслянистые?..»

— Ну, держись, слизняк! — выкрикнул Эндер.

Он едва видел Питера через дырки для глаз.

— Слизняк, значит? — улыбнулся Питер. — Что ж, жукер-крюкер, сейчас посмотрим, как я разобью твою рожу.

Эндер не видел атаки, только понял, что Питер скользнул куда-то в сторону. Маска лишала его периферийного обзора. А потом вдруг появилась боль — его резко ударили по голове сбоку. Он потерял равновесие и упал.

— Плохо видишь, да, жукер? — рассмеялся Питер.

Эндер начал стаскивать маску. Питер поставил ногу на его промежность.

— Не смей! — приказал он.

Эндер снова натянул маску и убрал руки.

Питер надавил. Боль пронзила Эндера насквозь, и он согнулся пополам.

— Лежи ровно, жукер. Проведем-ка мы над тобой вивисекцию. Наконец-то мы взяли одного

из вас живым и теперь хотим узнать, как вы устроены.

— Питер, перестань, — попросил Эндер.

— «Питер, перестань...» Прекрасненько. Значит, вы, жукеры, умеете угадывать наши имена. Прикидываетесь милыми несчастными детишками, чтобы мы вас полюбили, пожалели. Но это не сработает. Я знаю, кто ты такой на самом деле. Из тебя пытались вырастить человека, Третий, но на самом деле ты жукер, и теперь это видно всем.

Он убрал ногу, шагнул вперед и наклонился над братом, уперся коленом ему в живот как раз под ребрами и начал давить всем телом, сильнее и сильнее. Эндеру стало трудно дышать.

— Я могу убить тебя, — прошептал Питер. — Буду давить и давить, пока ты не умрешь. А потом прикинусь, что ничего не знал, не понимал, больно ли тебе, ведь мы просто играли, и мне поверят, и все будет в порядке. А ты умрешь. Да, все выйдет просто замечательно.

Эндер не мог говорить: в легких почти не было воздуха. Питер вполне способен на такое. Сейчас он может шутить, но в следующую секунду перейдет от слов к делу.

— Я так и сделаю, — пообещал Питер. — Что бы ты там ни думал, я абсолютно серьезен. Тебя раз-

решили только потому, что я им понравился. Но я не подошел. А ты был лучше. Они думали, что ты лучше. Но мне не нужен младший брат, который лучше меня. Обойдемся без всяких там Третьих.

— Я все расскажу, — вмешалась Валентина.

— Никто тебе не поверит.

— Поверят.

— Тогда ты тоже, считай, мертва, моя милая младшая сестричка.

— О да, — усмехнулась Валентина. — Этому обязательно поверят. «Я никак не думал, что это убьет Эндрю. А когда он умер, никак не думал, что это убьет и Валентину тоже».

Давление уменьшилось.

— Хорошо. Не сегодня. Вы не всегда будете вместе. Тогда-то и случится несчастный случай.

— Врешь! — выкрикнула Валентина. — Ты не сделаешь ничего подобного!

— Не сделаю?

— И знаешь почему? — спросила она. — Ты мечтаешь со временем войти в правительство, хочешь, чтобы тебя туда избрали. Но что, если твои противники вызнают про твоих брата и сестру, которые погибли при подозрительных обстоятельствах, когда были совсем маленькими? А они это обязательно вызнают, потому что я

написала письмо и оставила в городской библиотеке в своем секретном файле, который откроют в случае моей смерти.

— Дешевый блеф, — фыркнул Питер. — Не держи меня за дурака.

— Я умерла не естественной смертью, сказано там. Питер убил меня, и если он еще не убил Эндрю, то скоро это сделает. Этого недостаточно для судебного приговора, но вполне хватит для полного провала на выборах.

— Значит, теперь ты его монитор, — догадался Питер. — Что ж, хорошенько следи за ним — и днем и ночью. Никогда не оставляй одного.

— Мы с Эндером не дураки. Наши результаты не хуже твоих. А кое в чем даже лучше. Все мы невероятно одаренные чудо-детишки. Но ты не самый умный из нас, Питер, ты просто самый большой.

— О, я знаю. Но придет день, когда ты закрутишься в своих делах, забудешь обо всем — и он останется один. И ты вдруг вспомнишь, кинешься к нему, а он тут как тут, цел и невредим. В следующий раз ты уже не будешь так беспокоиться и прибежишь не так быстро. И каждый раз он будет жив и здоров. И тогда ты решишь, что я все забыл. Пройдут годы. А потом произойдет ужас-

ный несчастный случай, и я найду его тело и буду горько рыдать над ним. Ты, конечно, вспомнишь этот наш разговор, Вэлли, но тут же тебе станет стыдно, ведь ты будешь уверена, что я изменился, что это и в самом деле несчастный случай и что будет очень жестоко напоминать мне слова, которые я сгоряча выпалил однажды в детской ссоре. Только все это будет правдой. Я сделаю это, и он умрет, и ты мне не помешаешь, ты ничего не сможешь сделать. Так что продолжай утешать себя, будто бы я просто самый большой из вас.

— Большего дерьма, чем ты, я и правда не видела, — поморщилась Валентина.

Питер вскочил на ноги и прыгнул на нее. Она увернулась. Эндер сорвал маску. Питер шлепнулся на свою кровать и захохотал. Громко, но с настоящим чувством, аж слезы брызнули из глаз.

— Ну, вы, ребята, какие же вы олухи, самые большие простаки на этой планете!

— Сейчас он скажет, что просто пошутил, — пожала плечами Валентина.

— Это не шутка — игра! Я могу заставить вас, ребята, поверить во что угодно. Могу управлять вами, как марионетками. — Голосом сказочного чудовища он прорычал: — Я убью вас, порублю на

мелкие кусочки и закопаю в мусорной яме! — Он снова засмеялся. — Самые большие простаки во всей Солнечной системе.

Эндер стоял, смотрел, как он смеется, и думал о Стилсоне, о том чувстве, которое сам испытывал, когда нога врезалась в его тело. Вот кого следовало так отделать. Вот кто действительно этого заслужил.

— Нет, Эндер, — прошептала Валентина, как будто прочитав его мысли.

Питер вдруг перекатился на бок, слетел с кровати и встал в стойку.

— О да, Эндер, — пропел он. — В любое время, Эндер.

Эндер поднял правую ногу, снял ботинок, перевернул его:

— Посмотри сюда, на носок. Это кровь, Питер.

— Ох-ох! Я сейчас умру, мне конец. Эндер раздавил гусеницу и теперь собирается раздавить меня.

Ничто не могло его пронять. Питер был убийцей в душе, и никто не знал об этом, кроме Валентины и Эндера.

Мать вернулась домой и вместе с Эндером оплакала потерю монитора. Отец, вернувшись домой, весь вечер радовался: ну надо же какой

прекрасный сюрприз, у них такие замечательные дети, что правительство разрешило им иметь аж троих сразу, — и более того, все останутся в семье, никого не заберут, даже Третьего… Эндер с трудом сдерживался, чтобы не заорать на него: «Да, я знаю, что я Третий, знаю, и, если хотите, я уйду, чтобы вам не было так неловко перед всеми, пожалуйста, простите, что я лишился монитора, что теперь у вас трое детей и нет очевидного объяснения, — вам ведь так неудобно, простите, простите, простите…»

Он лежал на кровати и смотрел вверх, в темноту. Он слышал, как на матрасе над ним беспокойно ворочается Питер. Потом Питер соскользнул со своего второго этажа и вышел из комнаты. Эндер уловил журчащий звук сливаемой воды, потом силуэт Питера появился в дверном проеме.

«Он думает, что я сплю. Хочет убить меня».

Питер подошел к кровати и, конечно, не полез по лестнице к себе наверх. Вместо этого он сделал еще шаг и остановился около Эндера.

Но он вовсе не потянулся за подушкой, чтобы задушить брата. И никакого оружия у него не было.

— Эндер, ты извини меня, пожалуйста, — прошептал он. — Я знаю, каково это, пожалуйста,

прости, я твой брат, и я люблю тебя.

Много позже ровное дыхание Питера сообщило о том, что он наконец заснул. Тогда Эндер сорвал с шеи пластырь. И — во второй раз за сегодня — заплакал.

3
Графф

— Сестра — наше слабое звено. Он ее по-настоящему любит.

— Знаю. Она может испортить все. Он просто не захочет оставлять ее.

— И что же делать?

— Надо убедить его, что пойти с нами он хочет больше, чем оставаться с ней.

— А как ты это сделаешь?

— Солгу ему.

— А если не сработает?

— Расскажу правду. В экстренных случаях нам это разрешено. Мы ведь не можем все спланировать наперед, ты же знаешь.

Завтракал Эндер вяло. Все прикидывал, что его ждет в школе. Как они встретятся со Стилсоном после вчерашней драки. Что будут делать Стилсоновы дружки. Наверное, ничего. Но если бы знать точно! Идти в школу не хотелось.

— Ты не ешь, Эндрю, — заметила мать.

В столовую вошел Питер:

— Доброе утро, Эндер. Спасибо, что оставил

свою намыленную мочалку прямо посреди душевой.

— Только ради тебя, — пробурчал Эндер.

— Эндрю, ты должен что-нибудь съесть.

Эндер протянул вперед руки, сомкнутые в запястьях. Жест означал: вам придется кормить меня внутривенно.

— Очень смешно, — сказала мать. — Я пытаюсь как лучше, но мои гениальные детки плевать на это хотели.

— Это твои гены сделали нас гениями, мам, — вмешался Питер. — От папы мы ничего такого унаследовать не могли.

— Я все слышу, — отозвался отец, не поднимая головы от сводки новостей, которую стол, как обычно, показывал за завтраком.

— Шутка не сработала бы, если б ты не слышал.

Стол загудел: кто-то пришел.

— Кто это? — спросила мать.

Отец нажал клавишу, и на видеоэкране появился человек. Он был одет в военную форму, в единственную форму, которая еще что-то значила, — в комбинезон МФ, Международного флота.

— А я думал, все кончилось, — вздохнул отец.

Питер ничего не сказал, только щедро полил

молоком овсянку.

«Может, теперь не нужно будет сегодня идти в школу?» — подумал Эндер.

Отец приказал двери открыться и встал из-за стола.

— Я разберусь, — сказал он. — Ешьте.

Все остались на месте, но есть никто не стал. Через несколько минут отец возвратился в столовую, подошел к матери и увел ее с собой.

— Ты в большой глубокой луже, — сообщил Питер. — Они пронюхали, что ты сделал с этим Стилсоном, и собираются загнать тебя в тюрьму на астероиды.

— Мне только шесть, идиот. Я несовершеннолетний.

— Ты Третий, жаба. У тебя вообще нет прав.

Вошла Валентина. Растрепанные со сна волосы окружали ее лицо, словно нимб.

— А где папа и мама? Я сегодня слишком больна, чтобы идти в школу.

— Еще один устный экзамен, да? — развеселился Питер. — А знаешь, как «устный» по-латински? Оральный.

— Заткнись, Питер, — вяло огрызнулась Валентина.

— Ты должна расслабиться и получать удо-

вольствие, — ответил Питер. — Ведь могло быть хуже.

— Не знаю, куда уж хуже.

— Это мог быть анальный экзамен.

— Ха-ха, — ответила Валентина. — Так где все-таки папа с мамой?

— Беседуют с парнем из МФ.

Инстинктивно она сразу повернулась к Эндеру. Ведь столько лет они ждали: придет кто-то и скажет, что Эндер прошел, что Эндер нужен.

— Да, да, посмотри на него, — сказал Питер. — Но ты знаешь, это ведь могу быть и я. До них могло дойти наконец, что из нашей семейки я самый лучший. — Питер был явно задет, а потому, как обычно, превратился в настоящую язву.

Дверь распахнулась.

— Эндер, — позвал отец, — пойди-ка сюда.

— Извини, Питер, — поддразнила Валентина.

Отец покачал головой:

— Дети, это не повод для шуток.

Эндер поплелся за отцом в прихожую. Когда они вошли, офицер Международного флота встал, но руку Эндеру не протянул.

Мать нервно крутила на пальце обручальное кольцо.

— Эндрю, — начала она, — вот уж никогда не

думала, что ты способен затеять драку.

— Этот мальчик, Стилсон, сейчас в больнице, — продолжил отец. — Ты хорошо над ним поработал. Бить человека ногами, Эндер… Не думаю, что это было честно.

Эндер покачал головой. Он ожидал, что по поводу Стилсона придет кто-нибудь из школы, но уж никак не офицер флота. Все оказалось куда серьезнее, чем он рассчитывал, однако другого выхода у него просто не было.

— Молодой человек, можете ли вы как-то объяснить свое поведение? — спросил офицер.

Эндер снова покачал головой. Он не знал, что ответить, боялся быть откровенным, боялся, что его слова покажутся еще более чудовищными, чем действия. «Я согласен на любое наказание, — подумал он. — И давайте покончим с этим».

— Мы готовы рассмотреть смягчающие обстоятельства, — сказал офицер. — Но, должен заметить, вы проявили себя нелучшим образом. Пинать в пах, бить ногами по лицу, по телу, когда он уже валялся на земле… Все выглядит так, будто вы получали удовольствие. Будто вам нравилось.

— Это не так, — прошептал Эндер.

— Тогда почему вы это делали?

— Там была его банда, — попытался объяснить Эндер.

— Ну? И это вас оправдывает?

— Нет.

— Объясните, почему вы продолжали его бить, причем ногами. Ведь вы уже победили.

— Когда я сшиб его, то выиграл лишь первый бой. А я хотел выиграть и все остальные, тут же, на месте, чтобы меня оставили в покое.

Эндер ничего не мог с собой поделать: ему было слишком страшно, слишком стыдно за себя, он пытался сдержаться, но снова зарыдал. Он не любил плакать и плакал редко, а теперь — меньше чем за сутки — уже в третий раз. И каждый следующий раз был все хуже. Расплакаться перед матерью и отцом, перед этим военным — это просто ужасно.

— Вы забрали у меня монитор, — всхлипнул Эндер. — Я должен был позаботиться о себе!

— Но ты мог бы попросить помощи у кого-то из взрослых… — начал отец.

Вдруг офицер встал, пересек прихожую, подошел к Эндеру и протянул ему руку:

— Мое имя Графф, Эндер. Полковник Хайрам Графф. Я заведую начальным обучением в Боевой школе в Поясе астероидов. Я пришел, чтобы при-

гласить тебя поступить в эту школу.

После всего…

— Но монитор…

— Последняя стадия тестирования — то, как ты поведешь себя, если забрать монитор. Мы не всегда прибегаем к такому, но в твоем случае…

— И он прошел? — Мать скептически посмотрела на Граффа. — Прошел, отправив другого мальчика на больничную койку? А что бы вы сделали, если бы Эндрю убил его, — дали б моему сыну медаль?

— Не так важно, что он сделал, миссис Виггин, важнее — почему. — Полковник Графф протянул ей папку, набитую бумагами. — Здесь все, что требуется. Ваш сын получил «добро» Отборочной комиссии Международного флота. Конечно, у нас есть ваше письменное согласие, полученное в тот день, когда подтвердили зачатие, иначе мальчику бы вообще не позволили родиться. С самого рождения он принадлежал нам. И он нам подходит.

Когда отец заговорил, его голос дрожал:

— Это жестоко с вашей стороны — дать нам понять, что вы в нем не нуждаетесь, а потом вот так прийти и забрать.

— И эта шарада с мальчиком Стилсонов, — до-

бавила мать.

— Это не шарада, миссис Виггин. Пока мы не знали, что двигало Эндером, мы не могли быть уверены, что он не еще один… В общем, мы хотели понять смысл его действий. Вернее, то, какой смысл в них вкладывал сам Эндер.

— Почему вы называете его этим дурацким прозвищем? — Мать заплакала.

— Он сам себя так называет.

— Что вы собираетесь делать, полковник Графф? — спросил отец. — Просто заберете его и выйдете с ним за дверь?

— Это зависит от многого, — пожал плечами Графф.

— Например?

— Например, от того, захочет ли Эндер пойти со мной.

Плач матери перешел в горький смех.

— Так он может решать сам? Как это мило с вашей стороны!

— Вы двое сделали свой выбор, когда Эндер был зачат. Но сам мальчик еще не мог выбирать. Мобилизованные становятся хорошим пушечным мясом, но офицеров мы набираем только из добровольцев.

— Офицеров? — переспросил Эндер.

И при звуке его голоса все остальные замолчали.

— Да, — кивнул Графф. — В Боевой школе учатся будущие капитаны космических кораблей, коммодоры флотилий и адмиралы флота.

— Не обманывайте ребенка! — рассердился отец. — Сколько мальчишек из вашей Боевой школы действительно поднимается на капитанский мостик?

— К сожалению, мистер Вигин, это секретная информация. Но я могу уверить вас, что ни один из ребят, продержавшихся в школе первый год, не остался без офицерского чина. И ни один не занимал должности ниже первого помощника капитана межпланетного корабля. А это очень большая честь, даже если служить в частях обороны в пределах нашей собственной Солнечной системы.

— И скольким удается продержаться первый год? — нетерпеливо спросил Эндер.

— Всем, кто этого хочет, — ответил Графф.

Эндер чуть не сказал: «Я хочу». Но тут же прикусил язык. Конечно, хорошо больше не ходить в школу, но это не главное: в школе скоро все образуется. Но избавиться от Питера — вот это уже серьезнее, может, это вообще вопрос жизни

и смерти! Только как оставить маму и папу… А Валентину… Стать солдатом? Эндер не любил драться. Ему не нравился стиль Питера — сильный против слабого, но и его собственный — умный против глупого — не нравился тоже.

— Я думаю, — сказал Графф, — нам с Эндером стоит поговорить наедине.

— Нет, — отрезал отец.

— Я не заберу его, не дав вам еще раз увидеть его, — пообещал Графф. — И на самом деле воспрепятствовать мне вы не можете.

Несколько секунд отец враждебно смотрел на Граффа, потом встал и вышел. Мать задержалась на секунду, чтобы сжать руку Эндера. Выходя, она закрыла за собой дверь.

— Эндер, — начал Графф, — если ты пойдешь со мной, ты долго, очень долго не сможешь вернуться домой. В Боевой школе нет каникул. И туда не пускают посетителей. Полный курс обучения закончится, когда тебе будет шестнадцать лет, а первый отпуск ты получишь, и то при определенных обстоятельствах, когда тебе исполнится двенадцать. Поверь мне, Эндер, за шесть, за десять лет люди меняются. Твоя сестра Валентина станет взрослой женщиной, когда ты увидишь ее снова, если, конечно, пойдешь со мной. Вы встре-

титесь как два незнакомца. Ты все еще будешь любить ее, Эндер, но это будет абсолютно незнакомый тебе человек. Видишь, я даже не пытаюсь убедить тебя, что это легко.

— А что насчет мамы и папы?

— Я знаю тебя, Эндер, я внимательно познакомился с записями твоего монитора. Ты не будешь скучать по своим родителям, то есть будешь, но недолго. И они так же быстро забудут тебя.

Вопреки желанию Эндера слезы снова подступили к его глазам. Он отвернулся, но не стал поднимать руки, чтобы вытереть их.

— Они очень любят тебя, Эндер. Но ты должен понять, чего им стоила твоя жизнь. Ты ведь знаешь, они оба из религиозных семей. Твоего отца при крещении нарекли именем Джон Пауль Вечорек. Он католик. И седьмой сын из девяти.

«Девять детей. Невозможно. Преступно».

— Хм, да. Так вот, люди совершают странные поступки ради религии. Ты знаешь про санкции, Эндер. Тогда они были не такими суровыми, но все же. Только первые два ребенка получали бесплатное образование, а с каждым новым ребенком возрастали налоги. Когда твоему отцу исполнилось шестнадцать, он воспользовался Законом о неподчинившихся семьях, чтобы

оставить свою семью, изменил имя и фамилию, отрекся от своей религии и поклялся никогда не иметь более позволенных двух детей. И клялся он от чистого сердца. Он не хотел, чтобы и его детям пришлось пройти через тот стыд, те преследования, которые ему довелось пережить. Ты понимаешь?

— Он не хотел меня.

— Ну, видишь ли, в наши времена никто не хочет Третьего. Было бы странно, если бы тебе так уж обрадовались. Но твои отец и мать — особый случай. Они оба отреклись от веры своих отцов (твоя мать была из мормонов), но их чувства все еще амбивалентны. Ты знаешь, что значит «амбивалентны»?

— Работают в обе стороны.

— Они стыдятся того, что происходят из неподчинившихся семей, и скрывают это. Очень-очень стыдятся. Твоя мать даже боится говорить при посторонних, что родилась в штате Юта, — а вдруг ее в чем-то заподозрят? Твой отец отрицает свои польские корни, потому что Польша до сих пор неподчинившаяся нация, и к ней применяются из-за этого международные санкции. Так что, как понимаешь, третий ребенок, пусть даже рожденный по прямому распоряжению правительства,

полностью разрушает здание, которое они пытаются возвести.

— Понимаю.

— Но на самом деле все еще более запутано. Твой отец назвал вас в честь католических святых. По сути дела, он даже сам крестил вас, всех троих, как только вас привезли из роддома домой. А твоя мать возражала. Они каждый раз ссорились из-за этого. Не потому, что она не хотела, чтобы вас крестили, а потому, что была против католического обряда. Они не смогли по-настоящему отказаться от своей религии. И ты стал символом их гордости: они сумели обойти закон и родить третьего ребенка. Но ты также и напоминаешь об их трусости: они не решились на неподчинение, которое все еще считают правильным, и не стали рожать дальше. А еще ты — причина их дискомфорта, так как мешаешь им прижиться в нормальном законопослушном обществе.

— Откуда вы все это знаете?

— Твои брат и сестра носили мониторы, Эндер. Ты не представляешь себе, насколько это чувствительный прибор. Мы подсоединяемся прямо к твоему мозгу и слышим все, что слышишь ты, даже если ты в этот момент не участвуешь в

происходящем. Но мы участвуем.

— Значит, мои родители и любят и не любят меня?

— Они любят тебя. Вопрос в том, хотят ли они жить рядом с тобой. Твое присутствие в доме — это повод для постоянного беспокойства. Источник напряжения. Понимаешь?

— Но я не виноват.

— Конечно. Тут дело не в том, как ты себя ведешь, а в том, что ты есть. Брат ненавидит тебя, ведь ты живое доказательство того, что он недостаточно хорош. Родители стыдятся тебя, ибо ты олицетворяешь прошлое, от которого они пытаются отречься.

— Валентина любит меня.

— Всем сердцем. Полностью, незамутненно. Она предана тебе, а ты обожаешь ее. Я говорил, что это будет нелегко.

— А что ждет меня там?

— Тяжелая работа. Учеба, как в здешней школе, только мы больше налегаем на математику и программирование. Военная история. Стратегия и тактика. И прежде всего боевая комната.

— А это что такое?

— Военные игры. Все учащиеся школы поделены на армии. День за днем в невесомости

разыгрываются сражения. Никто никого не убивает, но победа или поражение все равно главное. Каждый начинает рядовым, подчиняется приказам. Мальчики постарше — ваши офицеры, их обязанность тренировать вас и командовать вами в бою. Больше я не могу тебе рассказать. Это похоже на игру в жукеров и астронавтов, только с настоящим оружием в руках и товарищами, сражающимися рядом, а твоя судьба, да и судьба всего человечества, будет зависеть от того, как ты учился, как ты сражался. Это тяжелая жизнь, и у тебя не будет нормального детства. Но, видишь ли, у тебя, с твоим-то умом и положением Третьего, нормального детства не будет все равно.

— Значит, в школе только мальчики?

— Нет. Есть и несколько девочек. Им реже удается пройти отбор. Слишком много веков эволюции работают против них. И ни одна из них не похожа на Валентину. Но ты найдешь там братьев, Эндер.

— Таких, как Питер?

— Питера не приняли, Эндер, по тем самым причинам, по которым ты ненавидишь его.

— Я его не ненавижу, я просто…

— Боишься его. Ну, знаешь ли, Питер не так уж плох. За долгое время он был лучшим из тех, за

кем мы наблюдали. Мы попросили твоих родителей, чтобы следующей была девочка (впрочем, они и так ее хотели), в надежде, что Валентина заменит Питера, если будет мягче его. Она оказалась слишком мягкой. И тогда мы заказали тебя.

— Наполовину Валентину, наполовину Питера.

— Если все получится.

— И получилось?

— Насколько мы можем судить, да. Наши тесты очень и очень хороши, Эндер, но они не говорят нам всего. По сути, когда доходит до дела, выясняется, что все наши результаты можно выбросить в помойку. Но это все же лучше, чем ничего. — Графф наклонился и взял руки Эндера в свои. — Эндер Виггин, если бы я выбирал для тебя лучшее, наисчастливейшее будущее, то посоветовал бы остаться дома. Есть вещи куда хуже, чем быть Третьим или иметь старшего брата, который никак не может решить, кто он — человек или шакал. И Боевая школа как раз «куда хуже». Но ты нужен нам. Сейчас в жукеров играют дети, Эндер, но совсем недавно эти твари чуть не стерли нас с лица Земли. Хуже того, малыш. Они застали нас врасплох, превосходили нас численностью и вооружением. И спасло нас

только то, что флотом командовал самый лучший полководец, какой только мог быть. Зови это судьбой, божьей волей, дурацким везением, но у нас был Мэйзер Рэкхем.

Однако теперь его нет, Эндер. Мы выскребли из углов все, что могло произвести человечество, и создали флот, по сравнению с которым предыдущая армада жукеров выглядит стайкой ребятишек, плещущихся в бассейне. У нас есть кое-какое новое оружие. Но всего этого мало, ибо за восемьдесят лет, прошедших с последней войны, они наверняка тоже успели подготовиться. Нам нужны лучшие из лучших, и как можно скорее. Может, ты нам вообще не подойдешь, а может, подойдешь — это пока неизвестно. Не исключено, что ты сломаешься, не выдержав напряжения. Может быть, это разрушит твою жизнь. Возможно, ты возненавидишь меня за мой сегодняшний визит. Но пока есть надежда, что именно благодаря тебе человечество выживет, а жукеры навсегда оставят нас в покое, я буду настаивать на том, чтобы ты сделал это. Чтобы пошел со мной.

Эндер никак не мог сфокусировать взгляд на полковнике Граффе. Этот человек казался далеким, таким маленьким, что его можно взять

кончиками пальцев и положить в карман. Оставить все и отправиться туда, где тяжело, где нет Валентины, папы и мамы!..

А потом он вспомнил те фильмы про жукеров, которые должен смотреть каждый по меньшей мере раз в год. Уничтожение Китая. Битва в астероидах. Смерть, страдания, страх. И Мэйзер Рэкхем, его блистательные маневры и контрманевры, благодаря которым он уничтожил вражеский флот, вдвое превосходивший земной по численности и еще вдвое — по огневой мощи. Маленькие кораблики людей казались такими хрупкими и слабыми. Они были похожи на детей, посмевших вступить в войну со взрослыми. Но люди победили.

— Мне страшно, — тихо сказал Эндер. — Но я пойду с вами.

— Повтори, — попросил Графф.

— Я ведь для этого был рожден, разве нет? Если я не пойду с вами, зачем я вообще появился на свет?

— Не годится, — покачал головой полковник.

— Я не хочу идти, — сказал Эндер. — Но пойду.

Графф удовлетворенно кивнул.

— Ты еще можешь отказаться, пока не сел со мной в машину, — предупредил он. — Но после

этого ты поступаешь в распоряжение Международного флота. Понял?

Эндер кивнул.

— Хорошо. Тогда давай скажем им.

Мать расплакалась. Отец крепко прижал его к себе. Валентина поцеловала его, и ее слеза капнула ему на щеку. Питер пожал ему руку и сказал:

— Везучий маленький упертый гаденыш.

Собирать было нечего. Никаких личных вещей не позволялось.

— В школе тебе выдадут все, что надо, от формы до компа. А игрушки… Там только одна игра.

— До свидания, — сказал Эндер своей семье.

Он потянулся вверх, взял за руку полковника Граффа и вместе с ним вышел за дверь.

— Убей за меня парочку жукеров! — крикнул Питер.

— Я люблю тебя, Эндрю, — прошептала мать.

— Мы будем писать тебе, — пообещал отец.

И, уже садясь в машину, он услышал надрывный крик Валентины:

— Возвращайся ко мне! Я буду любить тебя всегда!

4
Запуск

— Работая с Эндером, мы должны соблюдать очень шаткое равновесие. С одной стороны, необходимо изолировать его настолько, чтобы он сохранил способность к творчеству, — иначе он приспособится к системе и мы потеряем его. С другой стороны, нужно развить в нем способности лидера.

— Дай ему полномочия, и он будет командовать.

— Все не так просто. Мэйзер Рэкхем победил, управляя маленьким флотом. Но к тому времени, когда начнется новая война, всего будет слишком много, даже для гения. Флот очень разросся. Эндер должен научиться взаимодействовать с подчиненными.

— Здорово. Значит, он должен быть и гением, и милым добрым парнем одновременно.

— Не добрым. Добрый позволит жукерам сожрать нас с потрохами.

— Ты собираешься изолировать его?

— Он будет отделен от всех остальных, как

стеной, прежде чем мы достигнем школы.

— Не сомневаюсь. Я буду ждать тебя там. Я видел запись того, что он сделал с тем парнем, Стилсоном. Ты везешь нам очень милого мальчонку.

— Вот тут ты ошибаешься. Он и в самом деле милый. Но не беспокойся. Это мы быстро исправим.

— Иногда мне кажется, тебе нравится ломать всех этих маленьких гениев.

— Это особое искусство, и я очень, очень хорошо им владею. Нравится ли мне это? Пожалуй. Ведь я снова собираю их по кусочкам и делаю лучше, чем прежде.

— Ты чудовище.

— Спасибо. Значит ли это, что я заслужил прибавку?

— Всего лишь медаль. Наш бюджет не резиновый.

Говорят, невесомость может привести к потере ориентации, особенно у детей, так как у них еще не вполне развилось чувство направления. Но Эндер потерял ориентацию прежде, чем покинул поле притяжения Земли. Еще до того, как челнок стартовал.

В группе было еще девятнадцать мальчишек.

Они вы`сыпались из автобуса и загрузились в лифт. Они разговаривали и шутили, толкались и хохотали. Эндер молчал. Он заметил, что Графф и другие офицеры наблюдают за ними. Анализируют. «Все, что мы делаем, важно, — понял Эндер. — То, что они смеются. То, что я не смеюсь».

А может, стоит присоединиться к остальным? Но он не мог придумать ни одной шутки, а их шутки не казались ему смешными. Эндер заглядывал в себя, и там, внутри, не было места смеху. Он боялся, и страх делал его серьезным.

На него надели форму — цельнокроеный комбинезон. Очень странное, непривычное ощущение — когда не чувствуешь ремня на поясе. В новой одежде Эндер казался себе одновременно мешковатым и голым. Всюду работали телевизионные камеры. Словно длинномордые животные, они высовывались из-за плеч согнувшихся, скрюченных людей. Операторы двигались медленно, кошачьим шагом, чтобы камера не дергалась, а шла мягко. Эндер поймал себя на том, что тоже стал двигаться мягко, крадучись.

Он представил себя на телеэкране дающим интервью. Ведущий спрашивает его: «Как вы себя чувствуете, мистер Виггин?» — «В общем, непло-

хо, только очень хочу есть». — «Хотите есть?» — «О да». — «Двадцать часов перед запуском вам не разрешают есть». — «Как интересно. А я и не знал». — «Все мы здесь здорово проголодались, если на то пошло». И все это время, все интервью Эндер и парень с телевидения будут бок о бок мягко скользить перед операторами, двигаясь длинными, кошачьими шагами. Ведущий позволит ему говорить от имени всех присутствующих, хотя Эндер и за себя-то не вполне отвечает. Тут впервые Эндер почувствовал, что ему смешно, и улыбнулся. Ребята рядом с ним тоже смеялись, но по другой причине. «Они думают, я улыбаюсь их шутке, — подумал Эндер. — Но мои мысли гораздо смешнее».

— Поднимайтесь по лестнице по одному, — сказал один из офицеров. — Увидите ряд с пустыми сиденьями, занимайте любое. Окон там нет, так что можете не толкаться.

Это была шутка. Ребята засмеялись.

Эндер шел одним из последних, хотя и не самым последним. Телекамеры все еще были наведены на лестницу. «Увидит ли Валентина, как я исчезаю в недрах челнока? А может, помахать ей рукой или подбежать к оператору и спросить разрешения попрощаться с сестрой?» Он не знал

одного: даже если бы он это сделал, цензура вырезала бы его слова. Мальчики, улетающие в Боевую школу, должны быть героями. Они не могут тосковать по кому бы то ни было. Эндер ничего не знал о цензуре, но понимал: обращаться с подобными вопросами к телекамерам будет неправильно.

Он быстро одолел короткий мостик, ведущий к двери челнока, и, нырнув внутрь, заметил, что стена справа покрыта ковром, совсем как пол. Вот здесь и началась та самая потеря ориентации. Он представил себе, что стена — это пол и он идет по стене. Добрался до второй лестницы и увидел, что вертикальная поверхность за ней тоже покрыта ковром. «Я ползу вверх по полу. Рука за рукой, шаг за шагом».

А потом, просто ради смеха, он представил себе, что на самом деле сейчас не поднимается, а спускается по стене. Пол и потолок практически мгновенно поменялись местами, и он продолжал убеждать себя в таком положении дел, пока не добрался до пустующего места. И, уже сев, понял вдруг, что крепко держится за подлокотники — даже несмотря на то, что гравитация плотно прижимала его к креслу.

Остальные мальчики слегка подпрыгивали на

пружинистых сиденьях, дразнились, толкались, перекрикивались. Эндер вытащил привязные ремни, внимательно изучил их, прикидывая, как они должны соединяться, проходя между ногами, обхватывая пояс и плечи. Он представил себе перевернутый корабль, свисающий с поверхности Земли, будто с потолка, и лишь гигантские пальцы гравитации удерживают его на месте. «Но мы ускользнем, — подумал он. — Вырвемся и упадем с этой планеты».

Тогда он не осознал всего значения этой мысли. И только потом, много позже, вспомнил, что еще до того, как оставил Землю, впервые подумал о ней как о некой, как будто чужой, планете, одной из многих.

— Ну что, осваиваешься? — поинтересовался Графф, стоявший рядом на лестнице.

— Летите с нами? — спросил Эндер.

— Обычно я не летаю за рекрутами, — ответил Графф. — Как-никак я старший офицер. Администратор школы. Нечто вроде завуча. Но в этот раз меня отпустили. Правда, велели побыстрее возвращаться, иначе останусь без работы.

Он улыбнулся, и Эндер улыбнулся в ответ. Ему было уютно с Граффом. Графф хороший. И еще он завуч Боевой школы. Эндер слегка расслабился.

По крайней мере, у него будет там друг.

Взрослые помогли мальчикам пристегнуться, тем из них, кто, в отличие от Эндера, не сообразил сделать это раньше. Потом прождали еще час, а тем временем телевизор, расположенный в носу челнока, рассказывал о челночных перелетах, пересказывал историю освоения космоса и описывал славное будущее, которое ждет величественные корабли Международного флота. Очень скучно и утомительно. Эндер видел такие фильмы раньше. Только раньше он не был пристегнут к креслу внутри самого настоящего челнока. И не свисал вниз головой с живота матери-Земли.

Запуск оказался совсем не страшным, хотя и пощекотал нервы. Тряска, несколько секунд паники, — конечно, таких катастроф, как в ранние времена челночных перелетов, уже очень давно не случалось, но все когда-нибудь происходит снова. Из фильмов никогда не узнаешь, сколько неприятностей можно пережить, лежа на спине в мягком кресле.

А потом все кончилось, и Эндер повис на ремнях в невесомости.

Поскольку он уже привык ориентироваться на новый лад, то вовсе не удивился, когда увидел, как Графф ползет по лестнице задом наперед,

словно спускается к носу челнока. Не поразился и тогда, когда Графф зацепился ногами за скобу, оттолкнулся руками и встал, как в обычном аэроплане.

Но некоторым, похоже, приходилось нелегко. Один из мальчиков издал характерный звук, и Эндер понял, почему им запретили есть аж за двадцать часов до запуска. Рвота в невесомости — не такая уж смешная штука, как кажется.

Самому Эндеру игра Граффа с гравитацией пришлась по вкусу, и он решил как бы продолжить ее. Сначала представил себе, что Графф свисает вниз головой из центрального прохода, а потом переменил точку зрения и увидел его торчащим перпендикулярно из стены. «Притяжение может действовать в любую сторону. Так, как я захочу. Я могу заставить Граффа стоять на голове, а он даже не узнает об этом».

— Что смешного, Виггин?

Голос Граффа был злым и резким. «Что-то я сделал не так, — подумал Эндер. — Может, рассмеялся вслух?»

— Я задал тебе вопрос, солдат! — пролаял Графф.

«Ага. Началось обучение». Эндер видел по телевизору несколько фильмов о военных, и там

всегда много кричали, особенно во время подготовки, прежде чем солдат и офицер становились добрыми друзьями.

— Так точно, сэр, — ответил Эндер.

— Тогда отвечай!

— Я представил себе, что вы зацепились ногами и висите вниз головой. И подумал, что это очень смешно.

Но сейчас, под холодным взглядом Граффа, было совсем не до смеха.

— Тебе, я думаю, это смешно. А кому-нибудь еще?

В ответ прозвучало неровное бормотание, в котором можно было различить несколько «нет».

— А почему, собственно, нет? — Графф окинул всех презрительным взглядом. — Сплошь дураки собрались у нас сегодня здесь. Идиоты с куриными мозгами. Только у одного из вас хватило ума понять, что в невесомости можно выбирать то направление, какое считаешь нужным. Ты понимаешь это, Шафтс?

Мальчик кивнул.

— Вот уж вряд ли. Откуда? Ты не только дурак, но и лжец к тому же. Только у одного парня на сегодняшнем рейсе есть хоть какие-то мозги — у Эндера Виггина. Получше приглядитесь к нему,

сосунки. Он станет коммодором, когда вы еще не вылезете из пеленок. Потому что он в невесомости думает, а вы только блюете.

События развивались совсем не так, как должны были. По логике, Граффу следовало высмеять его, а не выставлять лучшим. Сначала они должны были оказаться по разные стороны, чтобы потом стать друзьями.

— Большинство из вас просто вылетит вон. Привыкайте к этой мысли, сосунки. Большинство из вас кончит Пехотной школой, потому что вам просто-напросто недостает мозгов, чтобы управляться с пилотированием в глубоком космосе. Большинство из вас не стоит даже тех денег, что потратили на этот перелет, ибо в вас нет нужных качеств. Да, возможно, кое-кто справится и, вполне может быть, принесет человечеству хоть какую-то пользу. Но на вашем месте я бы не очень на это рассчитывал. Здесь и сейчас я бы поставил только на одного из вас.

Внезапно Графф сделал заднее сальто, поймал лестницу руками, оттолкнулся от нее ногами и сделал бы стойку на голове, если бы пол был внизу, или повис на руках, если бы пол оказался сверху. Перебирая руками, добрался по проходу до своего места.

— Похоже, ты сделал карьеру, — сказал мальчик, сидевший рядом.

Эндер покачал головой.

— Что, даже разговаривать теперь не хочешь? — обиделся мальчик.

— Я не просил его об этом, — прошептал Эндер.

И вдруг почувствовал острую боль в макушке. А потом опять. За спиной кто-то хихикнул. Мальчик, сидевший прямо за ним, наверное, отстегнул свои ремни, чтобы дотянуться до него. Еще один удар по голове. «Отстань, — подумал Эндер, — я ничего тебе не сделал».

Снова удар по голове и снова смех. Графф что, не видит? Он наконец вмешается или нет? Новый удар. Еще сильнее. По-настоящему больно. Где же Графф?

Потом вдруг Эндер все понял. Графф намеренно спровоцировал их. Это было куда хуже того, что он видел в фильмах. Когда над тобой издевается сержант, остальные принимают твою сторону. Но когда офицер отдает тебе предпочтение, тебя начинают ненавидеть.

— Эй, дерьмоед, — послышалось сзади, и его опять ударили по голове. — Как тебе это нравится? Что, супермозг, кайфуешь?

Последовал еще один удар, да такой сильный,

что Эндер чуть не заплакал от боли.

Если это Графф его подставил, значит никто не поможет. Придется справляться самому. Эндер приготовился к следующему удару. «Сейчас», — подумал он. И — да, его ударили. Было больно, но сейчас он пытался рассчитать, когда последует очередной удар. Вот. Как раз, точно. «Ты попался», — подумал Эндер.

И когда сосед сзади снова потянулся, чтобы ударить, Эндер вскинул обе руки, схватил его за запястья и изо всех сил рванул.

При нормальной силе тяжести мальчик врезался бы в спинку кресла и здорово расшиб себе грудь. В невесомости же он сорвался со своего места и, кувыркаясь, улетел к потолку. Эндер не ожидал этого, так как не сообразил, насколько нулевая гравитация увеличивает даже его детскую силу. Мальчик пролетел через кабину, врезался в потолок, от него отскочил в кресло одного из своих товарищей, размахивая руками, вылетел в проход и, вопя во все горло, ударился о переборку пилотской кабины. Его левая рука при этом неестественно подвернулась вниз.

Все это длилось считаные секунды. Графф мгновенно оказался рядом, поймал парня и ловко перебросил его вдоль прохода своему помощ-

нику.

— Левая рука. По-моему, перелом, — сказал он.

Уже через минуту мальчику дали обезболивающее, осторожно уложили обратно в кресло, и один из офицеров начал напылять на сломанную руку гипс.

Эндера тошнило. Он всего-навсего хотел перехватить удар. Нет! Нет, он хотел сделать ему больно, поэтому дернул изо всех сил. Он не желал, чтобы наказание вышло настолько публичным, но сейчас его противник ощущал именно ту боль, которой добивался Эндер. Его просто подвела невесомость. «Я Питер. Я точно такой, как он». И Эндер ненавидел себя за это.

Графф стоял у кабины пилотов:

— Вижу, до вас не сразу доходит. Ваши жиденькие мозги никак не могут воспринять очевидный факт. Вас привезли сюда, чтобы сделать солдатами. В ваших старых школах, в бывших семьях вы, наверное, считались крупной рыбой, крепкими и хитрыми парнями Но мы отбираем лучших из лучших, и только с такими людьми вам теперь придется иметь дело. И когда я говорю, что Эндер Виггин лучше всех, ловите намек, пустоголовые. Не связывайтесь с ним. В Боевой школе и раньше случались смертельные случаи. Я понятно

объяснил?

Весь остаток полета было очень тихо. Мальчик, сидевший рядом с Эндером, старался не касаться его.

«Я не убийца, — повторял себе Эндер снова и снова. — Не Питер. Что бы Графф ни говорил, я не такой. Я всего-навсего защищался. И очень долго терпел. Ждал. Я не такой, как он говорит».

Голос из динамика объявил, что они приближаются к школе. Двадцать минут ушло на то, чтобы сбросить скорость и войти в док. Эндер пропустил всех вперед. Остальные, в общем довольные, что он остался позади, карабкались по лестнице в том направлении, которое было низом, когда они отчаливали. Графф ждал в конце узкой трубы, ведущей из челнока в сердце Боевой школы.

— Ну, Эндер, как тебе полет? — весело спросил Графф.

— Я думал, вы мой друг. — Несмотря на все усилия, голос Эндера дрогнул.

Графф посмотрел на него слегка озадаченно:

— С чего ты это взял?

— Потому что вы… Потому что вы говорили со мной хорошо и честно. Потому что вы не лгали.

— А я и сейчас не лгу, — сказал Графф. — В мои обязанности не входит быть другом. Я должен

создавать лучших в мире солдат. Лучших в истории войн. Нам нужен Наполеон. Или Александр. Только Наполеон под конец проиграл, а Александр быстро сгорел и умер молодым. Нам нужен Юлий Цезарь. Но он хотел стать диктатором, и его за это убили. А нам нужен военный гений без недостатков. И моя задача — сотворить его, а также мужчин и женщин, которые станут его помощниками. И нигде не сказано, что я должен быть другом маленьких мальчиков.

— Вы заставили их ненавидеть меня.

— Ну и что? Что ты теперь будешь делать? Забьешься в угол? Станешь лизать их маленькие задницы, чтобы они тебя снова полюбили? Только одно может заставить их перестать ненавидеть тебя. Ты должен быть настолько хорош, чтобы они не могли тебя не замечать. Я заявил, что ты лучше всех. И черт возьми, тебе придется таким стать.

— А если не смогу?

— Тогда плохо. Слушай, Эндер, мне действительно жаль тебя. Ты одинок и напуган. Но жукеры все еще там, в космосе. Десять, сто, миллион чужаков, миллион миллионов, насколько нам известно. У них несметное число кораблей и неизвестное нам оружие. И они жаждут пустить

это оружие в ход, чтобы уничтожить нас. Речь идет не о судьбах мира, Эндер. Только о нас, о человечестве. Если мы все погибнем, на биосферу это никак не повлияет, природа просто перейдет на другую ступень эволюции. Но человечество не хочет умирать. Как вид, оно развивалось, чтобы выжить. А выживаем мы только благодаря тому, что создаем гениев. Мы стараемся, стараемся, и вот раз в несколько поколений такой гений рождается среди нас. И изобретает колесо. И огонь. И поднимается в воздух. Строит город, объединяет народ, создает империю. Ты хоть что-нибудь из этого понимаешь?

Эндеру казалось, что понимает, но он не был уверен и потому промолчал.

— Нет. Конечно нет. Постараюсь объяснить попроще. Все люди рождаются свободными, за исключением тех случаев, когда в них нуждается человечество. И похоже, человечество нуждается в тебе. Думаю, оно нуждается и во мне тоже: я должен определить, на что ты годишься, Эндер. Мы оба можем совершать какие угодно плохие, отвратительные поступки, но если с нашей помощью человечество выживет, значит мы выполнили свое предназначение.

— Выходит, мы лишь орудия?

— Человек и есть орудие, которым пользуются другие люди, чтобы помочь нам всем выжить.

— Это ложь.

— Нет. Это просто половина правды. О другой ее половине можешь не беспокоиться, пока мы не выиграем войну.

— Война закончится еще до того, как я вырасту.

— Очень надеюсь, что ты ошибаешься, — заметил Графф. — Между прочим, сейчас ты еще сильнее вредишь себе. Остальные ребята наверняка обсуждают наш с тобой разговор. Что там делает старина Эндер Виггин? Правильно, опять подлизывается к Граффу. Если ты прослывешь любимчиком учителей, тебе точно конец.

«Иными словами, вали, оставь меня в покое».

— До свидания, — сказал Эндер и, перебирая руками, двинулся по туннелю вслед за остальными.

Графф смотрел ему вслед.

— Неужели тот самый? — спросил один из учителей рядом.

— Бог знает, — ответил Графф. — Но если нет, лучше бы ему появиться, да поскорее.

— А может, он вообще не появится, — сказал учитель.

— Возможно. В таком случае, Андерсон, Бог — жукер. И можешь меня цитировать.

— Всенепременно.

Они немного постояли молча.

— Андерсон!

— Мм?

— Малыш не прав. Я его друг.

— Знаю.

— Он чист. У него золотое сердце.

— Я читал доклады.

— Андерсон, подумай только, что мы из него сделаем…

— Лучшего полководца за всю историю человечества, — ни секунды не колеблясь, ответил Андерсон.

— А потом взвалим на его плечи ответственность за судьбу мира. Ради него самого я надеюсь, он нам не подойдет. Очень надеюсь.

— Да не беспокойся ты так. Жукеры могут перебить нас всех еще до того, как он закончит школу.

— Спасибо, — улыбнулся Графф. — Мне сильно полегчало.

5
Игры

— Прими мое восхищение. Сломанная рука — это штрих настоящего мастера.

— Все произошло случайно.

— Неужели? А я-то уже объявил тебе благодарность в приказе.

— Это было чересчур. Тот гаденыш чуть ли не в герои выбился. Это могло напрочь сорвать подготовку остальных. Я надеялся, Эндер позовет на помощь.

— На помощь? Я думал, ты больше всего ценишь в нем то, что он сам справляется со своими трудностями. Когда он там, в космосе, столкнется с вражеским флотом, ему никто не придет на помощь, как ни зови.

— Да кто ж мог знать, что чертов сосунок вылетит из кресла и врежется прямо в переборку?

— Еще один красочный пример идиотизма военных. Если бы у тебя были хоть какие-то мозги, ты сделал бы настоящую карьеру. Стал бы страховым агентом, например.

— Можно подумать, ты у нас супермозг.

— Нам нужно свыкнуться с тем, что мы — второй сорт. И что судьба человечества в наших руках. Зато какое восхитительное ощущение власти, не правда ли? В частности, потому, что, если на сей раз мы проиграем, нас просто некому будет критиковать.

— Никогда об этом не думал. Но лучше не проигрывать.

— Посмотрим, как Эндер справится. Если мы его уже потеряли, если он не сможет, кто следующий? Кто еще?

— Я составлю список.

— Заодно подумай на досуге, как спустить Эндера с привязи.

— Я тебе уже говорил. Его нужно держать в полной изоляции. Он должен твердо уверовать, что ни при каких обстоятельствах ему никто никогда ни в чем не поможет. Если он хоть на мгновение заподозрит, что есть какой-то другой выход, более легкий путь, он потерян для нас раз и навсегда.

— Ты прав. Если он вдруг решит, что у него есть друг, — это будет конец.

— Ему можно иметь друзей. Но не родителей.

Когда Эндер появился в комнате, все остальные уже выбрали себе койки. Он остановился на по-

роге, глядя на единственную незанятую кровать, нижнюю у двери. Потолок был низкий. Эндер мог достать до него, подняв руку. Нижние койки были установлены прямо на полу. Мальчики исподтишка наблюдали, делая вид, будто занимаются чем-то своим. Согласившись на худшее место в комнате, Эндер тем самым провоцировал их на новые издевательства. Это было очевидно, но и поменяться с кем-либо кроватями вряд ли получится.

Поэтому он широко улыбнулся.

— Вот спасибо, — сказал он без всякого сарказма, так искренне, словно ему досталось лучшее место. — А я уж думал, придется кого-то просить, чтобы мне уступили нижнюю койку у двери.

Он сел и заглянул в открытый шкафчик у изголовья кровати. С внутренней стороны дверцы была приклеена инструкция:

> ПОЛОЖИТЕ
> РУКУ НА СКАНЕР, РАЗМЕЩЕННЫЙ В ИЗГОЛОВЬЕ, И ПОВТОРИТЕ СВОЕ ИМЯ ДВАЖДЫ.

Эндер отыскал сканер (лист туманного пластика), положил на него левую руку и произнес:

— Эндер Виггин. Эндер Виггин.

Сканер на мгновение загорелся зеленым светом. Эндер закрыл шкафчик и попробовал открыть его. Не смог. Тогда он снова положил руку на сканер и сказал:

— Эндер Виггин.

Шкафчик распахнулся. Но в нем открылись еще три отделения.

В первом лежали четыре таких же комбинезона, как и тот, что был на нем, плюс один белый, парадный. Во втором отделении оказался маленький комп, совсем как в школе. Значит, с учебой не покончено. А в третьем, самом большом, находилась необыкновенно шикарная вещь. На первый взгляд она напоминала скафандр, настоящий скафандр, со шлемом и перчатками, только не герметичный, не предназначенный для работы в открытом космосе. Костюм был скроен так, чтобы плотно облегать все тело — даже специальная толстая прокладка присутствовала, — а снаружи он был достаточно жестким.

И еще там лежал пистолет. Выглядел он совсем как лазер — с дулом из цельного куска толстого прозрачного стекла. Но вряд ли детишкам выдадут настоящее боевое оружие…

— Это не лазер, — объяснил кто-то.

Эндер поднял голову. Этого человека он раньше

не встречал. Молодой. С добрыми глазами.

— …Но испускает достаточно плотный, сфокусированный луч дюйма три диаметром, — продолжал тот. — И бьет как минимум метров на сто.

— А зачем эта штуковина нужна? — спросил Эндер.

— Для одной из игр, в которые мы играем во время отдыха. Кто-нибудь еще открыл свои шкафчики? — Незнакомец огляделся. — Вы должны закодировать свои имена, последовав инструкции внутри на дверце. Без этого вы свои шкафчики открыть не сможете. Здесь вы будете жить весь первый год учебы в Боевой школе, так что выбирайте себе место и осваивайтесь. Обычно мы разрешаем вам самим выбрать старшего офицера и поселить его на нижней койке у двери, но, как я заметил, это место уже занято. Кодировка изменению не подлежит. Так что решайте сами. Обед через семь минут. Пойдете по световым точкам на полу. Ваши цвета — красный, желтый, желтый. Куда бы вас ни хотели направить, это всегда будут красный, желтый, желтый — три точки рядом, и вы должны следовать за ними. Итак, парни, какой у вас световой код?

— Красный, желтый, желтый.

— Очень хорошо. Меня зовут Дэп. На ближайшие несколько месяцев я ваша мама.

Мальчики рассмеялись.

— Смейтесь сколько хотите, но помните. Если вы потеряетесь, заблудитесь в школе, что вполне возможно, не пытайтесь соваться во все двери подряд. Некоторые из них ведут в открытый космос. — (Снова смех.) — Лучше найдите кого-нибудь и скажите, что ваша мама Дэп, и меня сразу отыщут. Или назовите ваши цвета, и вам высветят дорожку, ведущую домой. Если у вас есть проблемы, приходите ко мне, поговорим. Помните: я здесь единственный, кому платят за то, чтобы он обращался с вами хорошо. Но наглеть не стоит. Наглецу я бью по лицу. О'кей?

Все опять засмеялись. Дэп сразу обрел полную комнату друзей. Сердца перепуганных ребятишек нетрудно покорить.

— А теперь скажите, где сейчас низ?

Ему показали.

— Отлично. Но там, куда вы показали, располагается космос. Корабль вращается, и это заставляет вас думать, будто низ — там. На самом же деле пол заворачивает вот так. И если идти в том направлении достаточно долго, то вернешься к тому месту, откуда отправился. Только я не

советую. Потому что в той стороне живут учителя, а еще дальше, за ними, — ученики постарше, которые очень не любят, когда всякие залетные шатаются по их владениям. Вы рискуете получить пинок под зад. Впрочем, этих самых пинков вам в любом случае не избежать. Но насчет этого ко мне не бегать, понятно? Тут Боевая школа, а не ясли.

— А что же нам делать? — спросил очень маленький негритенок, занимавший верхнюю койку рядом с Эндером.

— Не хотите, чтобы вас пинали, придумайте сами, как этого избежать. Но предупреждаю: никаких убийств. И членовредительств. Это против правил. Я слышал, по дороге сюда уже имело место покушение на убийство. Правда, дело закончилось всего лишь сломанной рукой. Но если подобное повторится, кое-кого отправят на лед. До всех дошло?

— А что значит «отправиться на лед»? — спросил мальчик с загипсованной рукой.

— Это когда ваше личное дело замораживают. Закрывают. А вас отправляют обратно на Землю. Это значит вылететь из Боевой школы.

Все избегали смотреть на Эндера.

— Так что, парни, пакостничать тут нужно с

умом. Намек понят?

Дэп ушел. На Эндера так никто и не посмотрел.

Эндер чувствовал, как откуда-то изнутри поднимается страх. Ему было не жалко того парня, которому он сломал руку. Очень уж тот напоминал Стилсона. И, как Стилсон, уже собирал свою банду, в основном из ребят покрепче. Они сейчас смеялись чему-то в дальнем конце комнаты, и время от времени кто-нибудь из них поворачивался, чтобы глянуть на Эндера.

Эндер всем сердцем рвался домой. Происходившее здесь не имело ничего общего со спасением мира. Теперь у него нет монитора. Он беззащитен. И ему снова придется противостоять банде, только живут они теперь в одной комнате. Снова Питер, но уже нет Валентины.

Страх не покинул его и во время обеда: в столовой никто не подсел к нему. Ребята болтали обо всем понемногу: о большом табло на стене, о еде, об учениках постарше. Эндер мог только наблюдать из своего угла.

На табло светился рейтинг армий. Число побед и поражений, результаты недавних игр. Некоторые из ребят постарше, очевидно, держали пари на результат следующей игры. Ячейки напротив двух армий, Мантикор и Гадюк, сейчас мигали

— там должен был высвечиваться счет последней игры, но пока было пусто. Эндер решил, что эти армии, должно быть, играют прямо сейчас.

Затем он заметил, что старшие ребята все делятся по цвету формы. Иногда двое или трое в формах разного цвета заговаривали друг с другом, но, как правило, все старались держаться своих. Залетные, самые младшие — те, что прилетели с Эндером, — и две-три группки мальчишек чуть постарше были одеты в простые голубые комбинезоны. Но старшие ученики, те, кто уже был разделен на команды, одевались куда более ярко. Эндер попробовал угадать, какая форма какой армии принадлежит. С Пауками и Скорпионами было проще всего. Затем он вычислил Пламя и Прилив.

Большой мальчик подошел и сел рядом с ним. По-настоящему большой, лет двенадцати или тринадцати. Совсем взрослый.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — отозвался Эндер.

— Я Мик.

— Эндер.

— Это правда твое имя?

— Когда я был маленький, меня так звала сестра.

— Неплохая кликуха для этого места. Эндер. Финиширующий. Тот, кто все заканчивает.

— Надеюсь.

— Но похоже, Эндер, ты в своей группе за жукера.

Эндер пожал плечами.

— Я заметил, ты ешь совсем один. В каждой залетной команде есть такой. Тот, кого все избегают. Иногда мне кажется, учителя это нарочно подстраивают. Сволочи они. Скоро ты и сам это поймешь.

— Ага.

— Так ты жукер?

— Наверное, да.

— Ну и наплюй. Великое дело. — Он отдал Эндеру свою булочку и забрал у него пудинг. — Ешь калорийную пищу, набирайся сил.

Мик набросился на пудинг.

— А ты? — спросил Эндер.

— Я? Я ничто. Пук в системе кондиционирования. Я всегда рядом, но бо`льшую часть времени никто об этом не знает.

Эндер слабо улыбнулся.

— Да, смешно, но это не шутка. Я тут так ничего и не добился. Да и вообще, слишком большой уже. Скоро меня отошлют в следующую школу, но не

в Тактическую — это не про мою честь. Видишь ли, лидером я никогда не был, а туда попадают только те, кто может им стать.

— А как стать лидером?

— Эх, если б я это знал, думаешь, сидел бы тут? Вот сколько здесь парней моего возраста ты видишь?

Немного. Но Эндер не сказал этого вслух.

— Мало. Хотя это значит, что не один я пойду на мясо для жукеров. Таких, как я, хватает. А остальные — они все теперь командиры. У всех парней из моей залетной команды теперь собственные армии. Только не у меня.

Эндер кивнул.

— Послушай меня, малыш. Я хочу дать тебе добрый совет. Обзаводись друзьями. Целуй задницы, если потребуется, только так можно стать лидером. Но если тебя начнут презирать… В общем, ты меня понял?

Эндер снова кивнул.

— Не-а, ни фига ты не понимаешь. Все вы, залетные, одинаковы. Ничегошеньки не знаете. Космос в башке. Вакуум. Но стоит в вас чему-нибудь попасть, как вы сразу рассыпаетесь на кусочки. Кончишь, как я, не забудь: кое-кто тебя предупреждал. Это единственное, что я могу для

тебя сделать. И больше ничего хорошего ни от кого лучше не жди.

— И чем же я тебя так растрогал? — спросил Эндер.

— Что, сильно умный? Заткнись и жри.

Эндер заткнулся. Мик ему не понравился. И он знал, что ни при каких обстоятельствах не кончит так, как он. Может, учителя планировали для него именно такую судьбу, но Эндер не собирался следовать их планам.

«Я не буду жукером в своей группе, — подумал Эндер. — Не для того я оставил Валентину, маму, папу и прилетел сюда, чтобы меня отправили на лед».

И, поднимая вилку ко рту, он вдруг представил, что вся семья рядом, как раньше, как всегда. Он точно знал, куда повернуть голову и как поднять глаза, чтобы увидеть маму, которая пытается уговорить Валентину не хлюпать. Знал, где сидит отец, уткнувшись в свои новости, но все же притворяясь, будто участвует в беседе. А вон там Питер, который делает вид, что вытаскивает из носа раздавленную горошину. Некоторые шутки у Питера все же были смешными.

Напрасно он о них вспомнил. Эндер почувствовал, как изнутри поднимается плач, и с усилием

проглотил комок в горле. Тарелка перед глазами расплывалась.

Нет, плакать нельзя. Участия тут ждать не от кого. Дэп никакая не мать. А любое проявление слабости покажет всем здешним стилсонам и питерам, что этого парня можно сломать. И Эндер сделал то, что делал всегда, когда Питер принимался мучить его, — начал возводить двойку в степень. Один, два, четыре, восемь, шестнадцать, тридцать два, шестьдесят четыре. И дальше, дальше, все дальше, пока числа в голове держатся: сто двадцать восемь, двести пятьдесят шесть, пятьсот двенадцать… На шестидесяти семи миллионах ста восьми тысячах восьмистах шестидесяти четырех он засомневался, ему показалось, что он пропустил ноль. Здесь должны получиться десятки миллионов, сотни миллионов или просто миллионы? Он начал удваивать снова и снова сбился. Надо начать сначала. Надо удваивать, пока сможешь удержать в голове числа. Боль ушла. Слезы высохли. Он не станет плакать…

И он продержался до ночи, до той самой минуты, когда потускнел свет и другие мальчишки начали звать своих матерей, отцов или собак. Только тогда Эндер не выдержал и едва слышно окликнул Валентину. Он слышал, как вдалеке,

там, внизу, в холле, звенит ее голосок, видел, как мама подходит к его двери проверить, все ли в порядке, слышал, как отец смеется перед телевизором, и вдруг четко осознал, что этого больше никогда не будет. «Я увижу их снова только в старости, мне будет по меньшей мере двенадцать. Почему я согласился? Почему повел себя как дурак? Ходить в школу — да это же пустяк. Каждый день видеть Стилсона. И Питера. Ну и что? Питер просто маленький мальчик. Я не боюсь его».

— Хочу домой, — прошептал он.

Таким шепотом он обычно кричал от боли, когда Питер мучил его. Этот шепот никому не был слышен, порой даже самому Эндеру.

И непрошеные слезы могли сколько угодно литься на простыню, ведь всхлипы были настолько слабыми, что даже одеяло не дергалось, настолько тихими, что никого не могли потревожить. Но боль была здесь, стояла комком в горле и пеленой перед глазами, горела в груди, жгла лицо. «Хочу домой!»

Дэп вошел в спальню и тихо заскользил между кроватями, тут поправляя свисающую руку, там касаясь чьего-то лба. Но везде, где он проходил, плач не угасал, а становился сильнее. Одного доброго прикосновения в этом пугающем месте

было достаточно, чтобы заставить разрыдаться любого. Но не Эндера. Когда Дэп приблизился, слезы высохли. Такую притворную маску он надевал при родителях, когда Питер был жесток с ним, а он не смел это показать. «Спасибо тебе за это, Питер. За сухие глаза и беззвучный плач. Ты научил меня скрывать свои чувства. Сейчас мне это нужно больше, чем когда бы то ни было».

Здесь была школа. Каждый день занятия. Чтение. Цифры. История. Видеозаписи кровавых сражений в космосе, когда морские пехотинцы размазывали свои внутренности по стенке корабля жукеров. Голографические имитации чистых и бескровных звездных битв, когда корабли просто превращались во вспышки света, а истребители ловко уничтожали друг друга в глубокой тьме. Было чему поучиться. Эндер трудился так же напряженно, как все. Все они впервые в жизни участвовали в некоем бою, и впервые в жизни соперниками были одноклассники, по меньшей мере равные им по интеллекту.

Но жили они ради игр. Ради игр, которые заполняли часы между сном и пробуждением.

Дэп повел всех в игровую комнату на второй день. Она находилась на самом верху, куда выше тех палуб, на которых мальчики жили и учились.

Они долго поднимались по лестницам туда, где гравитация была слабее, пока наконец не увидели пещеру с зазывно мерцающими огнями.

Некоторые игры были им известны, в такие они играли дома. Были простые игры и трудные. Эндер сразу прошел мимо двухмерных автоматов и направился к голографическим, туда, где парили в воздухе объекты и играли мальчики постарше. Он оказался единственным залетным в этой части комнаты, и время от времени кто-нибудь из старших пихал его в спину: «А ты что тут делаешь? А ну, ноги в руки и низенько над полом отсюда». И он действительно улетал прочь — тут ведь была очень низкая гравитация, — порой довольно далеко, пока кто-то или что-то не останавливало его полет.

Каждый раз, однако, Эндер возвращался, разве что старался сменить позицию, чтобы посмотреть на игру с другой стороны. Он был слишком мал ростом и не видел клавиш, с помощью которых старшие управляли игрой, но это и не имело значения. Он считывал движения игроков по тому, что происходило в воздухе. Видел, как игравшие роют в темноте световые туннели, как корабли противника ищут эти туннели, а отыскав, идут по ним, чтобы уничтожить врага.

Игрок мог ставить ловушки: мины, плавающие бомбы, делать мертвые петли, попадая в которые вражеский корабль бесконечно крутился на месте. Некоторые играли очень хорошо. Другие быстро проигрывали.

Эндеру больше нравилось, когда двое играли друг против друга. Им приходилось пользоваться туннелями друг дружки, и вот тут очень быстро становилось понятно, кто из них чего стоит как стратег.

Через час или около того стало скучновато. К тому времени Эндер уже разобрался в правилах игры, вычислил принципы, которыми руководствовался компьютер, и был уверен, что сможет обыграть кого угодно, главное — освоить клавиатуру. Когда противник ведет себя вот так, уходи в спираль; когда ведет себя этак, делай петлю. Заляг у ловушки и жди. Или расставь семь ловушек и замани туда врага. Ничего сложного — играй себе, пока компьютер не перейдет на такой уровень быстродействия, что человеческие рефлексы за ним просто не поспеют. Никакого удовольствия. Ему куда больше хотелось сыграть с другими ребятами. Которые так долго играли с компьютером, что теперь пытаются имитировать его, даже когда играют друг с другом. Думают, как

машины, а не как дети.

«Я могу разбить их вот так. А могу вот так».

— Давай сыграем, — предложил он мальчику, который только что выиграл.

— Будь я проклят, это еще что такое? — воскликнул тот. — Жучок или жукер?

— Мы только что приняли на борт груз свежих гномов, — пояснил второй.

— Да, но оно разговаривает! Ты вообще знал, что они умеют разговаривать?

— Понятно, — сказал Эндер. — Боишься, что даже две из трех у меня не выиграешь.

— Выиграть у тебя, — усмехнулся парень, — легче, чем поссать в душе.

— И вполовину не так приятно, — добавил кто-то.

— Меня зовут Эндер Виггин.

— Слушай меня, ты, мелкая рожа. Ты никто. Понял? Никто, въезжаешь? Пока не застрелил своего первого, ты вообще не человек. Дошло?

У сленга больших мальчишек был собственный ритм, и Эндер быстро подхватил его:

— Если я никто, чего боишься? Думаешь, не сделаешь меня в двух из трех?

Теперь уже все остальные начали терять терпение.

— Пришиби этого сосунка по-быстрому, и дело с концом.

Эндер занял место за незнакомой клавиатурой. Его руки были очень малы, но, к счастью, управление оказалось несложным. Чуточку экспериментов — и он разобрался, какие клавиши каким оружием управляют. Корабль передвигался при помощи стандартного крутящегося во все стороны шара. Сначала у Эндера игра шла туго. Его противник, имени которого он все еще не знал, вырвался вперед. Но Эндер быстро учился и к концу играл уже много лучше.

— Доволен, залетный?

— Две из трех.

— Ага, щас. Мы на это не договаривались.

— Ну да, ты разбил меня в моей первой в жизни партии, — ответил Эндер. — Нашел чем гордиться. Попробуй сделать это еще раз.

Они начали вторую партию, и к ее середине Эндер достаточно разобрался в управлении, чтобы продемонстрировать парочку маневров, с которыми его противник явно никогда раньше не сталкивался. Они совершенно не укладывались в привычную схему боя, и он не знал, что делать. Победа далась Эндеру нелегко, но все же он победил.

Большие мальчишки сразу перестали смеяться и подшучивать. Третья игра прошла в полном молчании. Эндер выиграл быстро и уверенно.

Когда игра закончилась, один из старших сказал:

— Пожалуй, пора заменить эту машину. На ней любой олух выиграет.

Ни одного поздравления. Только полное молчание, когда Эндер уходил.

Но ушел он недалеко, просто отошел в сторонку и оттуда стал наблюдать, как следующая пара игроков пытается освоить трюки, которые он им только что продемонстрировал. «Олух, значит? — Эндер внутренне усмехнулся. — Они меня не забудут».

Он чувствовал себя превосходно. Он выиграл, выиграл у тех, кто был старше. Наверное, не у самых лучших, но победа сняла близкое к панике ощущение, что он залез не на свою территорию, что Боевая школа слишком тяжела для него. Оказалось, все, что нужно, — это изучить игру, разобраться, как что работает, а потом можно использовать систему. Или даже улучшить ее.

Но именно времени у него и не было. Ожидание могло обойтись слишком дорого. Мальчик, которому он сломал руку, жаждал мести. Его

звали Бернард, как вскоре выяснил Эндер, но свое имя он произносил на французский манер, без последней буквы. Французы славились своим стремлением к исключительности и настаивали на том, чтобы их дети изучали стандартный язык только с четырех лет, лишь после того, как усвоят французский. Акцент делал Бернарда интересным и экзотичным, сломанная рука придавала ему ореол мученика, а его садизм притягивал всех любителей чужой боли.

И Эндер стал их врагом.

Его донимали мелочами: пинали его койку всякий раз, когда входили или выходили в дверь, били под локоть, когда он шел с полным подносом в столовой, ставили подножки на лестницах. Эндер быстро научился не оставлять ничего вне шкафчика. А еще он научился оглядываться по сторонам и быть всегда настороже. Однажды Бернард назвал его Раззявой, и на некоторое время эта кличка прилипла, правда потом об этом забыли.

Порой Эндер очень злился. Не на Бернарда, конечно. Злиться на него было глупо и бесполезно, такова уж была его природа — природа палача. Эндера доводило до бешенства то, как охотно большинство подчинялось этому самому палачу.

Они ведь знали, что месть Бернарда несправедлива, это же он первым ударил Эндера, а Эндер только отвечал на насилие, но почему-то все вели себя так, как будто не присутствовали при этом. Так или иначе, при первом же взгляде на Бернарда становилось понятно, что он просто гадина. Куда же все смотрели?

Кроме того, Эндер не был его единственной мишенью. Бернард создавал свое королевство.

Со своей окраины Эндер наблюдал, как Бернард выстраивает иерархию. Некоторым ребятам, полезным ему, он беззастенчиво льстил. Другие охотно становились его слугами и выполняли все желания, несмотря на презрительное обращение.

Но некоторых правление этого некоронованного монарха раздражало.

Эндер внимательно наблюдал за всеми, кто не хотел мириться с властью Бернарда. Шен был малорослым, амбициозным и вспыльчивым. Его легко было поддеть. Бернард быстро обнаружил это и прозвал Шена Червяком.

— Это потому, что он такой ма-аленький, — объяснял Бернард, — а еще он все время извивается. Полюбуйтесь, как он виляет задом при ходьбе.

Шен взрывался, но все только громче смея-

лись.

— Только посмотрите на его зад! Настоящий червяк!

Эндер ничего не сказал Шену, чтобы никто не подумал, будто он, Эндер, пытается создать собственную конкурирующую банду. Он просто сидел в углу со своим компом на коленях и всем своим видом демонстрировал, будто с головой погружен в занятия.

Вот только занятия эти не имели ничего общего с учебой. Он программировал комп так, чтобы тот каждые тридцать секунд посылал некое сообщение. Сообщение адресовалось всем, было кратким, а главное — метким. Главная сложность состояла в том, чтобы скрыть свое авторство. Только послания учителей были анонимными, а на записках мальчиков автоматически проставлялось имя. Эндер пока не взломал систему защиты школы, поэтому учителем прикинуться не мог, но он придумал другой выход из положения: завел в систему дело несуществующего ученика, которого смеха ради окрестил Богом.

И только когда послание было готово, Эндер попытался привлечь внимание Шена. Тот, как и все остальные, наблюдал за весельем Бернарда и его шестерок. Они сейчас передразнивали учи-

теля математики, который имел привычку вдруг обрывать себя на полуслове, останавливаться и оглядываться с таким видом, будто сошел с поезда не на той станции и теперь не знает, где находится.

Наконец Шен огляделся по сторонам. Эндер кивнул ему, улыбнулся и показал на комп. Шен озадаченно пожал плечами. Эндер слегка приподнял свой комп и снова ткнул туда пальцем. Шен потянулся к своему компу. Вот тогда Эндер и отправил послание. Шен сразу увидел его, прочел и громко рассмеялся. Потом посмотрел на Эндера, как бы спрашивая: это ты придумал? Эндер пожал плечами, всем своим видом показывая, что не знает, кто это сделал, но точно не он.

Шен снова засмеялся, и несколько ребят, не связанных с Бернардом и его компанией, тоже достали свои компы. Каждые тридцать секунд послание появлялось на каждом работавшем компе, бодрым маршем пересекало его и исчезало. Теперь уже смеялись многие.

— Чего ржем? — заинтересовался Бернард.

За мгновение до того, как Бернард начал обводить спальню суровым взглядом, Эндер успел стереть улыбку, заменив ее выражением страха, который испытывали сейчас многие из присут-

ствующих. А Шен, конечно, только улыбнулся еще шире. Бернард скривил рот и приказал одному из своих шестерок принести комп. И тоже прочел:

ПРИКРОЙ
СВОЮ ЗАДНИЦУ. ЕЮ ИНТЕРЕСУЕТСЯ БЕРНАРД.
БОГ

Бернард покраснел от злости.

— Кто это сделал?! — заорал он.

— Бог, — ответил Шен.

— Сам знаю, что не ты! — рявкнул Бернард. — У того, кто придумал это, куда больше мозгов, чем у какого-то червяка.

Минут через пять послание Эндера исчезло, а немного спустя появилось послание от Бернарда:

Я ЗНАЮ, ЧТО ЭТО ТЫ.
БЕРНАРД

Эндер не поднял головы. Он вел себя так, словно не получал никакой записки. «Бернард просто хочет поймать меня, хочет, чтобы я себя выдал. Он ничего не знает».

Хотя, конечно, если бы он и знал, ничего бы

не изменилось. Бернарду надо восстанавливать репутацию, а значит, он с новой силой примется преследовать Эндера. Бернард не может перенести, чтобы над ним смеялись. Он должен показать, кто здесь главный. И на следующее утро Эндера сшибли с ног в душе. Один из приятелей Бернарда сделал вид, что споткнулся о его ногу, и заехал Эндеру коленом в живот. Эндер принял это безмолвно. Он все еще наблюдал, все еще не хотел открытой войны.

Но в тайной войне, войне компов, он уже подготовил следующую атаку. И когда он вернулся из душа, Бернард в ярости пинал койки и орал на остальных мальчишек:

— Заткнитесь! Я этого не писал!

А по экранам непреклонно маршировало послание:

МНЕ НРАВИТСЯ ТВОЯ ПОПКА. ПОЗВОЛЬ МНЕ ПОЦЕЛОВАТЬ ЕЕ.
БЕРНАРД

— Я ничего подобного не писал! — орал Бернард.

Шум и крик продолжались уже довольно долго, когда в дверях появился Дэп.

— О чем шумим? — спросил он.

— Кто-то посылает сообщения, используя мое имя. — Бернард был мрачен.

— Какие сообщения?

— Не важно.

— Для меня важно.

Дэп подхватил ближайший комп, принадлежавший мальчику, который занимал койку над койкой Эндера. Прочел, слегка улыбнулся и возвратил комп хозяину.

— Интересно, — сказал он.

— И вы не собираетесь выяснять, кто это сделал? — вспыхнул Бернард.

— А я это и так знаю.

«Да, — подумал Эндер. — Систему слишком легко взломать. Она и рассчитана на то, чтобы ее взламывали, хотя бы частично. Они знают, что это я».

— И кто же? — заорал Бернард.

— Ты кричишь на меня, солдат? — вкрадчиво уточнил Дэп.

И мгновенно настроение в комнате изменилось. Ярость дружков Бернарда и плохо скрываемое злорадство остальных сменились трезвым спокойствием. Власть собиралась говорить.

— Никак нет, сэр, — поджал хвост Бернард.

— Всем известно, что система автоматически

вставляет имя автора.

— Но я не писал этого! — вновь завопил Бернард.

— Кричишь? — поднял брови Дэп.

— Вчера кто-то создал послание за подписью Бога, — сообщил Бернард.

— В самом деле? — удивился Дэп. — Я и не знал, что Он подключается к нашей сети.

Дэп повернулся и вышел из захлебывающейся хохотом комнаты.

Попытка Бернарда стать королем провалилась — его покинули все, кроме горстки самых преданных шестерок. И самых жестоких. Поэтому Эндер знал: пока не закончится период выжидания, ему придется туго. Но взлом системы сделал свое дело. Бернард вынужден был держаться в рамках, и теперь все ребята, которые хоть чего-то стоили, вышли из-под его влияния. И — что было лучше всего — Эндер добился этого, не отправляя противника на больничную койку.

Новый способ понравился ему куда больше, и он с чистой совестью занялся следующим важным делом — изобретением системы защиты для собственного компа. Встроенные программы, совершенно очевидно, никуда не годились. Если их мог расколоть шестилетний ребенок,

значит их поставили туда как игрушку, а не как настоящее средство защиты. «Еще одна игра, придуманная для нас учителями. Но в эту игру я играю хорошо».

— Как ты сделал это? — спросил его за завтраком Шен.

Эндер про себя отметил, что впервые залетный из его класса сел с ним за один стол.

— Что именно?

— Послал записку под фальшивым именем. И подписался Бернардом! Это было здорово. Его теперь зовут Задоглядом. При учителях — просто Глядящим, но все же знают, куда он глядит.

— Бедный Бернард, — пробормотал Эндер. — Он такой нежный, такой чувствительный.

— Кончай, Эндер. Ты взломал систему. Расскажи, как ты это сделал?

Эндер покачал головой и улыбнулся:

— Спасибо, что считаешь меня таким уж гениальным. Я просто первым заметил то послание, вот и все.

— О'кей. Можешь не объяснять, — согласился Шен. — Но все-таки это было здорово. — Помолчав, он добавил: — Я что, действительно виляю задом, когда хожу?

— Не. Ну разве что совсем немножко, — успо-

коил его Эндер. — Просто делай шаги покороче, вот и все.

Шен кивнул.

— Но единственным, кто обратил на это внимание, был Бернард.

— Он свинья, — сказал Шен.

— Свиньи в целом вполне даже нормальные, — пожал плечами Эндер.

— Ты прав, — рассмеялся Шен, — я к ним несправедлив.

Эндер засмеялся следом, и еще двое залетных подхватили их смех. Одиночество Эндера подошло к концу. Но война только начиналась.

6
Угощение великана

— В прошлом у нас уже были разочарования. Мы следили за кандидатами годами, надеялись, что они пройдут, и все кончалось крахом. Самое приятное в Эндере то, что он твердо решил отправиться на лед в первые же полгода.

— Да?

— Неужели ты не видишь, что происходит? Из всех возможных ***умных*** *игр он прилип именно к Угощению Великана. У малыша тяга к самоубийству? Почему ты раньше об этом не сообщал?*

— Ну, все когда-нибудь сталкиваются с Великаном.

— Но Эндер никак не может выйти из этой игры. Как Пинюэл.

— Таких, как Пинюэл, много, но это проходит. Тот был единственным, кто на самом деле покончил с собой. И не думаю, что причиной тому было Угощение Великана.

— А я готов голову прозакладывать, что это так. Кроме того, посмотри, что Эндер сделал со своей группой.

— Он не виноват, ты же знаешь.

— Мне все равно. Виноват не виноват — он отравляет всю группу. Они должны были начать сплачиваться, привязываться друг к другу, а там, где он стоит, провал в милю шириной.

— Я так или иначе не собирался оставлять его в таком состоянии надолго.

— Что ж, лучше начинай придумывать что-то новое. Эта группа больна, и он источник болезни. Вылечишь его — вылечишь остальных.

— Это я был источником болезни. Я хотел изолировать его, и это сработало.

— Ладно, дай ему время поработать с другими мальчиками. Посмотрим, как он справится.

— Как раз времени у нас и нет.

— Именно потому, что у нас нет времени, мы не будем торопиться с мальчиком, у которого столько же возможностей превратиться в монстра, сколько в военного гения.

— Это приказ?

— Не беспокойся, запись ведется. Она всегда ведется. Твоя задница прикрыта, отправляйся к дьяволу.

— Если это приказ, тогда я…

— Это приказ. Не трогай его, пока не увидим, как он уладил дело в своей группе. Графф, я с тобой

язву наживу.

— Не суйся в мою школу, а занимайся своим флотом, и не будет у тебя язвы.

— Флоту нужен боевой командир. Я не могу ничем заниматься, пока у меня нет главнокомандующего.

Они неуклюже влетели в боевую комнату, как малыши, впервые попавшие в глубокий бассейн, и повисли на перилах вдоль стен. Невесомость пугала, дезориентировала. Вскоре они поняли, что, если не двигать ногами, дела идут куда лучше.

Больше всего мешали костюмы. Было очень тяжело делать точные движения. Костюм медленнее сгибался, оказывал больше сопротивления, чем та одежда, которую они обычно носили.

Эндер ухватился за перила и подогнул колени. Он заметил, что, с одной стороны, костюм замедлял движения, а с другой — многократно усиливал их. Начать движение — да, было труднее, чем обычно, но зато, когда мускулы уже переставали действовать, ноги костюма продолжали двигаться в заданном направлении, сохраняя мощную инерцию. Приложи вот *столько* усилий, и костюм их удвоит. Конечно, этим еще надо научиться пользоваться. Поэтому лучше пораньше начать.

Все еще держась за перила, он сильно оттолкнулся от стены обеими ногами, неожиданно проделал заднее сальто, ноги пролетели над головой, и он ударился спиной о стену. Удар оказался сильнее, чем он рассчитывал, руки сорвались с перил, и Эндер полетел кувырком через всю боевую комнату.

Несколько бесконечных секунд он надеялся сохранить прежнее ощущение верха и низа, его тело пыталось выпрямиться, принять вертикальное положение в согласии с тяготением, которого не было. А потом он заставил себя думать иначе. Он летел, кувыркаясь, прямо к стене. Значит, стена — это низ. Мгновенно он снова стал хозяином положения. Он вовсе не летел, а падал. Вернее, не падал — нырял. Теперь он мог выбирать, как именно коснется поверхности.

«Я лечу слишком быстро, чтобы зацепиться. Зато могу смягчить удар, если, коснувшись стены, сделаю кувырок вперед. Затем я оттолкнусь под углом…»

Все произошло не совсем так, как он задумал. Эндер сделал кувырок, оттолкнулся, но угол рассчитал неправильно. И у него не было времени сориентироваться — Эндер врезался в соседнюю стену раньше, чем успел сообразить, что проис-

ходит. Впрочем, тут ему повезло — совершенно случайно он понял, как при помощи ног можно управлять углом отскока. Прочие мальчики все еще жались к стене. А он возвращался. Он сумел вовремя затормозить, ухватился за перила и повис под совершенно невероятным углом по отношению к остальным. Опять попробовал по-другому посмотреть на свою позицию, изменить угол зрения. Теперь мальчики не висели на стене, а лежали на полу, и их позиция была не более странной, чем его собственная.

— Что ты пытаешься сделать? Покончить с собой? — спросил его Шен.

— Попробуй, — предложил Эндер. — Костюм защищает от травм, а полетом можно управлять, если отталкиваться ногами — вот так.

Он попытался показать изобретенное им движение.

Шен покачал головой: мол, он не самоубийца. Но один из других мальчиков оттолкнулся от стены и полетел — не так быстро, как Эндер, поскольку начал не с заднего сальто, но все же. Эндеру даже не надо было видеть его лицо, он и так понял, что это Бернард. А вторым сразу же снялся Алай, лучший друг Бернарда.

Эндер следил, как они пересекают огромную

комнату. Бернард пытался перевернуться, принять вертикальное положение по отношению к тому, что считал полом. Алай же подчинился движению и готовился оттолкнуться от стены. «Неудивительно, — подумал Эндер, — что Бернард сломал себе руку тогда, в челноке. Он весь сжимается, когда летит. Паникует». Любопытная информация, надо запомнить на будущее.

А вот еще немного полезной информации. Алай и Бернард полетели в разные стороны (Алай нацелился на угол комнаты), и их пути расходились все больше. Бернард неуклюже, с грохотом, врезался в стену и, отлетев, продолжил полет, тогда как Алай легко, по очереди оттолкнулся от трех поверхностей у самого угла и, не потеряв скорости, развернулся, чтобы лететь обратно. Он победно гикнул, и клич повторили все наблюдавшие за ним. Некоторые из мальчишек даже забыли, что ничего не весят, и отпустили перила, чтобы похлопать в ладоши. Теперь они медленно дрейфовали у стены, размахивая руками и пытаясь плыть.

«Так, а вот это проблема, — подумал Эндер. — Что делать, если дрейфуешь в воздухе? Ни от чего ведь не оттолкнешься».

Им завладело искушение тоже отпустить пери-

ла и попробовать решить новую задачу методом проб и ошибок. Но он наблюдал за остальными мальчиками, видел их бесплодные попытки исправить свое положение и не мог придумать ничего такого, чего бы они уже не предприняли.

Придерживаясь за пол одной рукой, Эндер задумчиво нащупал игрушечный пистолет, прикрепленный к костюму спереди, чуть ниже плеча, и вспомнил о ручных ракетах, которыми пользовались морские пехотинцы, когда брали на абордаж вражеские космические станции. Он вытащил пистолет из кобуры и осмотрел его. В спальне он уже нажимал на его кнопки, но безуспешно. Возможно, здесь, в боевой комнате, пистолет заработает. Ни инструкции, ни надписей рядом с кнопками не было. Спусковой крючок Эндер обнаружил сразу — у него, как и всех детишек, всегда был игрушечный пистолет. Рядом находились две клавиши, которые легко доставались большим пальцем. И еще несколько кнопок с нижней стороны дула — до них можно было дотянуться только свободной рукой.

Эндер прицелился в пол, нажал на спусковой крючок и почувствовал, как пистолет нагревается. Он убрал палец, и оружие мгновенно остыло. На полу на несколько мгновений образовался

маленький кружок света.

Эндер прижал большим пальцем красную клавишу и снова надавил на крючок. То же самое.

Тогда он нажал белую клавишу. Вспышка белого света озарила все вокруг, но пистолет остался совершенно холодным.

Красная клавиша заставляла пистолет работать как лазер (вот только Дэп говорил, что это совсем не лазер), а белая превращала в лампу. Ни то ни другое не поможет при маневрировании.

Итак, все зависит от того, как оттолкнешься от стены, от курса, который задашь в самом начале. Это значит, что при старте или столкновении надо быть предельно осторожным и точным, иначе можно остаться дрейфовать посредине пустоты.

Эндер снова оглядел боевую комнату. Несколько ребят дрейфовали около стен, яростно размахивая руками и пытаясь достать перила. Кто-то налетал друг на друга и весело хохотал; другие взялись за руки и как будто водили хоровод. Лишь очень немногие держались за стены и спокойно наблюдали.

Одним из таких наблюдателей, как заметил Эндер, был Алай, устроившийся на соседней стене неподалеку. Повинуясь импульсу, Эндер оттолкнулся и быстро полетел к нему. Уже в воз-

духе он сообразил, что понятия не имеет, о чем говорить. Алай был другом Бернарда. Что Эндер может сказать ему?

Но изменить курс было уже невозможно. Поэтому он выпрямился и, глядя прямо перед собой, начал отрабатывать легкие движения рук и ног, которые позволяли ему разворачиваться то в одну сторону, то в другую… И, увлекшись, слишком поздно понял, что взял неверный прицел. Он хотел приземлиться рядом с Алаем, а вместо этого несся прямо на него.

— Эй, хватай мою руку! — крикнул Алай.

Эндер выбросил руку вперед. Алай подхватил его, принимая на себя часть удара, и помог довольно-таки мягко опуститься на стену.

— Здорово получилось, — одобрил Эндер. — Надо бы потренироваться и отработать этот способ.

— Ага, и я про это подумал, да только всех совсем разморило, — ответил Алай. — А что будет, если мы отплывем вместе? Мы, наверное, сможем оттолкнуться друг от друга и полететь в разные стороны.

— Ага.

— Ну?

«Правильно ли будет, если мы сделаем что-нибудь вместе?» Эндер ответил на этот вопрос, взяв

Алая за запястье и приготовившись оттолкнуться от стены.

— Готов? — спросил Алай. — Давай.

Поскольку они оттолкнулись с разной силой, то сразу начали вращаться вокруг друг друга. Эндер слегка пошевелил рукой, потом изогнул ногу. Вращение замедлилось. Он повторил движения. Мальчики перестали вращаться и теперь просто дрейфовали.

— Ты мастер выдумывать трюки, Эндер, — заметил Алай, и это была высшая похвала. — Давай разлетаться, пока не врезались вон в ту кучу.

— И встретимся в том углу. — Эндер не хотел, чтобы этот мостик, ведущий во вражеский лагерь, вдруг рухнул.

— Кто последний, тот пердит в молочные бутылки! — выкрикнул Алай.

Они начали маневрировать медленно и осторожно, пока не оказались лицом к лицу — руки широко разведены, колени упираются друг в друга.

— Теперь просто разлетаемся? — спросил Алай.

— Я тоже никогда раньше этого не делал, — ответил Эндер.

Они оттолкнулись друг от друга. Их понесло

куда быстрее, чем они ожидали. Эндер на полной скорости врезался в группу мальчишек и остановился совсем не у той стены, у которой рассчитывал. Оглянувшись по сторонам, он быстро сориентировался и отыскал взглядом угол, в котором должен был встретиться с Алаем. Алай уже направлялся туда. Эндер проложил маршрут, который предусматривал два столкновения со стенами, зато позволял обогнуть большую группу из кружащихся в воздухе мальчишек.

Когда Эндер наконец прибыл на место, Алай притворился, будто бы спит, зацепившись руками за смыкавшиеся углом перила.

— Ты выиграл.

— Ну и где твоя коллекция бутылок-перделок? Я хочу ее увидеть, — ухмыльнулся Алай.

— Я храню ее в твоем шкафчике. Ты что, не заметил?

— Я думал, это мои носки.

— Мы больше не носим носков.

— Ну да, точно…

Напоминание о том, что дом теперь так далеко, несколько уменьшило радость от освоенных новых трюков в невесомости.

Эндер достал пистолет и рассказал то, что узнал о двух разноцветных клавишах.

— А что будет, если выстрелить в человека? — спросил Алай.

— Не знаю.

— Попробуем?

— Можем поранить кого-нибудь, — покачал головой Эндер.

— Тогда почему бы нам не пальнуть друг по другу? В ногу или там в руку? Я не Бернард, я никогда не мучил кошек ради удовольствия.

— Хм.

— Вряд ли это так уж опасно, иначе нам бы не дали такие пистолеты.

— Но мы теперь солдаты.

— Выстрели мне в ногу.

— Нет, лучше ты мне.

— Давай вместе.

Они выстрелили одновременно. И тут же Эндер почувствовал, как штанина его костюма становится жесткой в суставах — от колена до щиколотки.

— Ты замерз? — спросил Алай.

— Не нога, а доска.

— А давай еще кого-нибудь заморозим, — предложил Алай. — Начнем нашу первую войну. Мы против них.

Они заулыбались. Потом Эндер предложил:

— Давай позовем Бернарда.

— Кого? — Алай удивленно поднял брови.

— И Шена.

— Этого маленького косоглазого вертижопа?

Эндер решил, что Алай шутит:

— Ну, не всем же быть ниггерами.

— Мой дед убил бы тебя за это, — ухмыльнулся Алай.

— Мой прапрадед продал бы его раньше.

— Ладно. Приглашаем Бернарда и Шена, а всех прочих жуколюбов замораживаем.

Через двадцать минут все присутствовавшие оказались замороженными. Все, кроме Эндера, Бернарда, Шена и Алая. Эти четверо летали по комнате с гиканьем и хохотом, пока не появился Дэп.

— Вижу, вы уже научились пользоваться вашим снаряжением, — сказал он.

Потом Дэп нажал что-то на пульте управления, который держал в руке. Все медленно подплыли к той стене, у которой он висел. Он пролетел между замерзшими мальчиками, касаясь их и размораживая застывшие костюмы. Затем все в один голос принялись вопить, как нечестно было со стороны Бернарда и Алая стрелять по ним без предупреждения, когда они не были готовы.

— А почему вы не были готовы? — поинтересовался Дэп. — У вас было столько же времени, сколько у них. Вы просто валяли дурака, кувыркаясь, как пьяные утки. Все, хватит ныть, мы начинаем.

Эндер отметил про себя, что, по общему мнению, бой выиграли Бернард и Алай. Что ж, прекрасно. Бернард знал, что Эндер и Алай вместе научились пользоваться пистолетами. И стали друзьями. Все прочие могут подумать, что Эндер наконец присоединился к группе Бернарда. Но это было не так. Эндер вошел в новую группу. Группу Алая. И Бернард тоже, сам того не сознавая.

Впрочем, это и не было очевидным: Бернард по-прежнему лез впереди всех и гонял шестерок с поручениями. Но теперь Алай ходил сам по себе и, когда Бернард взрывался, мог буквально парочкой шуток заставить его выпустить пар. Когда пришло время избирать старосту залетных, Алая избрали почти единогласно. Бернард несколько дней ходил мрачный, но потом снова повеселел, мир был восстановлен, и жизнь вошла в новую колею. Залетные больше не были разделены на приверженцев Бернарда и отщепенцев Эндера. Алай стал мостом между ними.

Эндер сидел на своей койке с компом на ко-

ленях. Это было время личных занятий, и он играл в Свободную игру. Эта игра была своего рода бесконечной и абсолютно непредсказуемой — школьный компьютер все время привносил в нее новые элементы, добавлял новые лабиринты и загадки. Можно было долго исследовать понравившийся фрагмент, но стоило оставить его на какое-то время, и он бесследно исчезал, а на его месте возникало что-нибудь другое.

Некоторые приключения были забавными, другие — довольно-таки напряженными, когда требовалось действовать быстро, чтобы остаться в живых. Эндер умирал множество раз, но это нормально, так всегда бывает в играх — тебя часто разделывают на котлеты, пока не освоишься как следует.

На экране появилась фигурка маленького мальчика. Вскоре он превратился в медведя, затем — в большую мышь с длинными тонкими лапками. Мышь пробиралась под бесконечным нагромождением из шкафов, буфетов и прочей мебели. Раньше Эндер выбирал кошку, но это наскучило ему — слишком легко было ускользать, да и все закоулки он тут изучил.

«Сегодня я в мышиную норку не полезу, — сказал он себе. — Этот Великан уже достал. Дурацкая

игра, в нее никогда не выиграть. Что бы я ни выбрал — все неправильно».

Но он все же нырнул в норку и по маленькому мосту перебрался в сад. Обогнул сторонкой уток и москитов-истребителей. С москитами было скучно, поскольку победить их не представляло никакого труда, а если застрять среди уток, можно было превратиться в рыбу. Эндеру не нравилось быть рыбой, это напоминало ему о боевой комнате, о том, как однажды он плавал там замороженным битый час, до самого конца занятий, пока Дэп не освободил его.

Вскоре он очутился среди покатых холмов. Начались оползни. Раньше он тут все время попадался — превращался в огромную лужу крови, вытекающую из-под груды камней. Но затем Эндер научился избегать оползней, главное — бегать по склонам под углом и держаться как можно выше.

Потом, как всегда, оползни прекратились, теперь склоны усеивали большие обломки скал. Холм вдруг раскололся пополам, и в трещине вместо глины показался белый хлеб — мягкий, душистый, поднимавшийся как на дрожжах. Корка трескалась и опадала большими кусками. Фигурка теперь двигалась медленнее, провали-

ваясь в поры. Наконец Эндер спрыгнул с буханки и оказался на столе — огромный ломоть хлеба позади, столь же огромный кусок масла сбоку. А прямо — сам Великан. Сидит, положив голову на руки, и смотрит на Эндера. Фигурка Эндера по величине — как расстояние от подбородка до бровей Великана.

— Пожалуй, я откушу тебе голову, — сказал Великан, он это всегда говорил.

На сей раз, вместо того чтобы убежать или, наоборот, остаться на месте, Эндер подвел свою фигурку к самому лицу Великана и пнул его ногой прямо в челюсть.

Великан вывалил громадный язык, и Эндер упал на стол.

— Поиграем в угадайку? — предложил Великан.

Не сработало. Значит, Великан может играть только в угадайку. Дурацкий компьютер. Миллионы возможных сценариев в оперативной памяти, а Великан играет только в одну-единственную тупую игру.

Великан, как обычно, поставил на стол перед ним два гигантских — по колено Эндеру — прозрачных стакана. Которые, тоже как обычно, были наполнены жидкостями разного цвета. Вот

тут на компьютер грех было жаловаться — цвета их и консистенция никогда не повторялись, во всяком случае Эндер такого не помнил. Сейчас в одном из стаканов плескались густые сливки. Содержимое второго шипело и дымилось.

— В одном — яд, в другом — нет, — сообщил Великан. — Угадай правильно, и я возьму тебя в Волшебную страну.

Для того чтобы угадать, нужно было засунуть голову в один из стаканов и отхлебнуть. Эндер всегда ошибался. Иногда голова просто растворялась. Иногда его охватывал огонь. Несколько раз он падал в стакан и тонул. Или падал на стол, зеленея и разлагаясь на ходу. Смерть всегда была какой-нибудь отвратительной, и Великан всегда смеялся.

Эндер знал, что все равно умрет, что бы ни выбрал. Это было жульничество, а не игра. После первой смерти его фигурка возникнет на столе Великана, чтобы угадывать снова. После второй его отбросит на холмы, к оползням. Затем — на мостик в саду. Потом — в мышиную норку. А потом, если он снова доберется до Великана и умрет, станет темно, по экрану побежит надпись: «Свободная игра окончена», и он, Эндер, очнется на своей койке, усталый и дрожащий, и еще долго

потом не сможет заснуть.

Игра была мошенничеством от начала до конца, но Великан все время твердил про Волшебную страну, про дурацкую сказочную Волшебную страну для трехлеток, страну, где, возможно, живут какие-нибудь не менее дурацкие Матушка Гусыня, Пак-Мэн и Питер Пэн, страну, которая была ему совершенно ни к чему. Он хотел попасть туда только потому, что для этого нужно было победить Великана.

Эндер хлебнул сливок, вздулся и начал подниматься в воздух, как воздушный шарик. Великан смеялся. Эндер снова был мертв.

Он сыграл еще раз, и теперь жидкость затвердела, словно бетон. Голова Эндера так и застряла в стакане, а Великан разрезал его вдоль хребта, очистил от костей, как рыбешку, и начал поедать, не обращая внимания на дергавшиеся руки и ноги.

Эндер ожил среди холмов и решил, что дальше не пойдет. Даже позволил оползням один раз накрыть его. Тем не менее, перейдя в следующую жизнь, он, весь взмокший и дрожащий, принялся карабкаться по холмам, пока те не стали хлебом, и вот наконец он снова стоит на столе Великана, возле прозрачных граненых стаканов.

В них были уже другие жидкости. Одна бурлила, а по поверхности второй гуляли волны, как на море. Он попробовал угадать, какая смерть ждет его в каждом из стаканов. «Наверное, из моря вынырнет рыба и проглотит меня. А в дыму я, скорее всего, задохнусь. Ненавижу эту игру. Все это нечестно. Глупо. Мерзко».

И вместо того чтобы погрузить лицо в один из стаканов, он опрокинул ударом ноги правый, потом левый, увернулся от кулаков Великана, кричавшего: «Жулик! Обманщик!» — и прыгнул ему прямо на лицо. Вскарабкался по губам, по носу и обеими руками вцепился в глаз. Глаз начал крошиться, как мягкий сыр. Великан кричал, а фигурка Эндера все глубже и глубже зарывалась ему в глаз.

Великан рухнул на спину. Пока он падал, пейзаж изменялся, и, когда огромное тело коснулось земли, вокруг уже поднимались тонкие, будто кружевные, деревья. Из леса вылетела летучая мышь и опустилась на лоб мертвого Великана. Эндер заставил свою фигурку выбраться из глаза.

— Как ты сюда попал? — спросила летучая мышь. — Сюда никогда никто не заходит.

Эндер, конечно, не мог ответить. Он просто

наклонился, взял пригоршню того вещества, из которого состоял Великаний глаз, и протянул летучей мыши.

Она взяла и полетела своей дорогой, крича во все горло:

— Добро пожаловать в Волшебную страну!

Он сделал это. Добрался. Теперь пора отправляться в путь. Надо спуститься с лица мертвого Великана и посмотреть, что его ждет впереди, чего именно он добился.

Вместо этого Эндер вышел из игры, выключил комп, сунул его в шкафчик, разделся и с головой залез под одеяло. Он не собирался убивать Великана. Ему хотелось играть, а его поставили перед выбором: либо самому умереть, либо убить другого. Одно достаточно жутко, а другое еще хуже. «Я убийца. Даже играя, я не могу не убивать. Питер бы мною гордился».

7
Саламандра

— Приятно знать, что Эндер способен на невозможное, правда?

— Смерти игрока, то, как они сделаны, всегда вызывало у меня тошноту. А еще я всегда считал, что Угощение Великана — самая извращенная часть всей этой ***умной*** *игры. Но подумать только, он вырвал у Великана глаз, прямо с головой туда нырнул! И мы собираемся доверить ему командование флотом?*

— Главное — он выиграл в игре, в которой победить невозможно.

— Теперь ты переведешь его?

— Мы хотели посмотреть, как он справится с Бернардом. Он справился на отлично.

— Ну да, но, как только он справляется с одной задачей, ты сразу подсовываешь ему другую, еще тяжелее. Ты вообще собираешься дать ему отдохнуть?

— Еще месяца два, а может, и все три он будет со своей группой. Для ребенка три месяца — это очень долго.

— А тебе никогда не приходило в голову, что эти мальчики вовсе не дети? Вспомни, как они действуют, как говорят, они совсем не похожи на своих ровесников на Земле.

— Они просто самые умные дети в мире. Каждый в своей области.

— И что с того? Они разве не должны вести себя как дети? Они не нормальные, все до одного. И ведут себя как какие-нибудь исторические фигуры. Наполеон и Веллингтон, Цезарь и Брут.

— Наша задача — спасать мир, а не исцелять страждущие сердца. В тебе слишком много жалости.

— Генерал Леви не способен на жалость. Так утверждают журналисты. Но пожалуйста, не мучай этого парня.

— Ты что, шутишь?

— Я хотел сказать — не мучай больше необходимого.

За обедом Алай уселся напротив Эндера:

— Я наконец раскусил, как ты послал ту записку. Ну, с именем Бернарда.

— Я? — удивился Эндер.

— Кончай, кто ж еще? Сам Бернард ее не посылал, в этом я уверен. Шен не очень-то ладит со своим компом. И я точно знаю, что это не был

я. Кто еще остается? Но не важно. Я понял, как подделать входные данные нового ученика. Просто создаешь парня по имени Бернард-пробел, Б-е-р-н-а-р-д, чтобы компьютер не воспринял это как повтор уже имеющегося имени.

— Может сработать, — согласился Эндер.

— Ну да, ну да. Оно и сработало. Но ты додумался до этого практически в первый же день.

— Да с чего ты взял, что это я? Может, это Дэп решил разыграть Бернарда, чтоб тот не слишком задавался?

— Я выяснил кое-что еще. От твоего имени я ничего послать не могу.

— Правда?

— Если в послании так или иначе упоминается Эндер, тебя сразу выбрасывает из системы. А еще я не сумел забраться в твои файлы. Ты построил свою систему защиты.

— Возможно.

Алай улыбнулся:

— Я тут залез в файлы одного типа и кое-что нахимичил. Этот парень дышал мне в затылок, должен был вот-вот расколоть школьную систему. В общем, мне нужна защита, Эндер. Твоя защита.

— Если я дам ее тебе, ты поймешь, как она ра-

ботает, и сможешь взломать мои файлы.

— Я? Да ты что? — возмутился Алай. — Я, твой самый близкий друг?!

— Хорошо, я установлю тебе защиту, — рассмеялся Эндер.

— Прямо сейчас?

— Дай хоть доесть.

— Ты никогда не доедаешь.

Чистая правда. После обеда на подносе Эндера всегда что-то оставалось. Он посмотрел на тарелку и решил, что уже сыт:

— Ладно, пошли.

В спальне Эндер присел рядом со своей койкой и сказал:

— Тащи сюда свой комп, я тебе кое-что покажу.

Но когда Алай принес комп, Эндер все еще сидел около закрытого шкафчика.

— Что такое? — спросил Алай.

В ответ Эндер положил руку на сканер. «Код неверен», — выдал шкафчик и не открылся.

— Кто-то потанцевал у тебя на голове, мама, — пропел Алай. — Кто-то съел твое лицо.

— Ты по-прежнему уверен, что тебе нужна моя система защиты?

Эндер встал и отошел от койки.

— Эндер, — позвал Алай.

Тот обернулся. Алай держал в руках маленький листочек бумаги.

— Что это?

— Ты что, не видел? — изумленно уставился на него Алай. — Он лежал на твоей кровати. Наверное, ты на него сел.

Эндер забрал у Алая листок.

> ЭНДЕР ВИГГИН ПЕРЕВОДИТСЯ В АРМИЮ САЛАМАНДР. КОМАНДИР — БОНЗО МАДРИД. ПРИКАЗ ВСТУПАЕТ В СИЛУ С НАСТОЯЩЕГО МОМЕНТА. КОД: ЗЕЛЕНЫЙ, ЗЕЛЕНЫЙ, КОРИЧНЕВЫЙ. ЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО С СОБОЙ НЕ БРАТЬ.

— Ты умный, Эндер. Но в боевой комнате я ничуть не хуже тебя.

Эндер покачал головой. Повышение — самая идиотская вещь, какую он только мог себе представить. Залетных не повышают, пока им не исполнится восемь. А Эндеру еще нет и семи. К тому же ребята из одной группы всегда присоединялись к армиям вместе, в одно и то же время. И все армии одновременно получали свежее пополнение. Но на других кроватях не было никаких приказов о переводе.

И надо же, именно сейчас, когда все наконец

начало налаживаться! Бернард научился жить в мире со всеми, даже с Эндером, а Эндер нашел себе настоящего друга — Алая. Только его жизнь начала налаживаться…

Эндер протянул руку, чтобы поднять Алая с койки.

— Так или иначе, армии Саламандр сильно повезло, — сказал Алай.

Эндера так взбесила несправедливость этого перевода, что на глаза его навернулись слезы. «Я не должен плакать», — велел он себе.

Алай заметил слезы, но был достаточно деликатен, чтобы не показать этого.

— Они гады, Эндер. Даже не разрешают тебе взять с собой личные вещи.

— Может, вообще раздеться и топать туда нагишом? — улыбнулся Эндер. Он все-таки сумел сдержать свои эмоции.

Алай улыбнулся в ответ:

— Я их понимаю, приятель. Ты лучший из нас. Наверное, они хотят побыстрее научить тебя всему на свете.

— Не думаю, — возразил Эндер. — Единственное, чего мне всегда хотелось, так это иметь друга.

Алай, посерьезнев, кивнул.

— Ты всегда будешь моим другом. Лучшим из моих друзей, — сказал он. А потом улыбнулся. — Давай иди, мочи жукеров.

— Уже бегу, — ухмыльнулся Эндер.

Неожиданно Алай поцеловал Эндера в щеку и прошептал ему на ухо:

— Салам.

Затем покраснел, отвернулся и ушел на свою койку в другом конце спальни. Эндер догадался, что в слове и поцелуе было что-то запретное. Возможно, религия, объявленная вне закона. Или это слово имело некое тайное значение только для самого Алая. Но что бы оно ни означало, Эндер понял: для Алая оно было священным. Этим словом он как бы открылся перед Эндером. Точно так же когда-то поступила мать Эндера — когда он был совсем маленьким, еще до того, как ему на шею посадили монитор. Она тогда думала, что он спит, и, положив руки ему на голову, начала молиться над ним. Эндер никогда не говорил об этом даже с ней, но бережно хранил это воспоминание о святости, о маме, которая любила его даже в те минуты, когда считала, что никто не видит и не слышит ее. Вот и Алай доверил ему дар, настолько священный, что даже Эндеру не дозволялось знать о его значении.

Что можно было сказать после этого? Алай добрался до своей койки и повернулся к Эндеру. На мгновение их глаза понимающе встретились. Потом Эндер вышел.

В этой части корабля не было зелено-зелено-коричневой полоски огоньков — значит, нужно было искать ее в местах общественного сбора. Но обед скоро заканчивался, и Эндеру не хотелось идти к столовой. А вот в игровой комнате сейчас наверняка никого нет.

Ни одна игра не подходила его сегодняшнему настроению. Он прошел в дальний конец пещеры, сел за один из общих компов, загрузил личную игру и быстро попал в Волшебную страну. Теперь Великан был мертв, и Эндеру пришлось осторожно спускаться со стола, перебираться на ножку опрокинутого стула, а оттуда спрыгивать на землю. По пути ему попалась стая крыс, объедающих огромное тело, но Эндер заколол одну булавкой, выдернутой из рваной рубашки Великана, и после этого крысы больше не появлялись.

Труп Великана уже почти разложился. Падальщики и стервятники объели все, что можно было объесть, а бактерии вволю потрудились над внутренними органами, и теперь на земле лежала покалеченная и выпотрошенная мумия: зубы,

оскаленные в вечной, застывшей улыбке, пустые глазницы, скрюченные пальцы рук. Эндер вспомнил, как обеими руками терзал этот глаз, когда тот еще жил и светился умом и коварством. Сейчас Эндер был настолько раздражен и взбешен, что ему хотелось снова совершить это убийство. Но Великан успел уже стать частью пейзажа, и срывать на нем злость было бесполезно.

Эндер всегда заглядывал в замок Королевы Червей, где было много интересных игр, но ни одна из них не привлекала его сейчас. Он обогнул огромное тело и зашагал вверх по течению ручья к границе леса. Там оказалась детская площадка с горками, решетками, по которым можно было лазить, качелями и каруселями, где, весело смеясь, играла дюжина ребятишек. Эндер подошел поближе и вдруг обнаружил, что компьютер превратил его в ребенка, хотя обычно во всех играх главный герой был взрослым. Теперь же он стал меньше всех детей на площадке.

Он встал в очередь, ведущую к горке. Никто не обращал на него внимания. Эндер вскарабкался на горку, посмотрел, как мальчик, шедший впереди него, съезжает по длинной спирали, потом тоже сел и оттолкнулся.

Эндер не проехал и секунды по блестящей по-

лированной поверхности, как провалился сквозь металлическое покрытие и упал на землю. Эта горка не могла или не хотела удерживать его. И решетки тоже. Какое-то время он мог цепляться за них, но потом одна из перекладин исчезала, и он срывался. На качелях он мог качаться, пока сиденье не взлетало достаточно высоко, а затем тут же падал. Когда карусель набирала скорость, перила растворялись в воздухе и центробежная сила выбрасывала его с круга.

Другие дети тоже издевались над ним. Они смеялись, их смех был жестоким, оскорбительным. Они окружали его и долго тыкали в него пальцами, прежде чем вернуться к своим играм.

Эндер хотел было наброситься на них, пошвырять их всех в ручей, но вместо этого просто развернулся и пошагал в лес. Он отыскал там тропинку, которая вскоре превратилась в старую дорогу, мощенную булыжником. Дорога сильно заросла, но идти по ней было можно. Время от времени по сторонам возникали приглашения войти в ту или иную новую игру, но Эндер не останавливался, так как хотел узнать, куда ведет дорога.

Наконец он вышел на поляну, посредине которой стояли колодец и столб с надписью: «Утоли

жажду, путник». Эндер подошел, заглянул в колодец и почти сразу же услышал злобное ворчание. Из леса появилась дюжина кровожадных волков с человеческими лицами. Эндер сразу узнал их — это были те дети с площадки. Только теперь у них выросли длинные острые зубы. Безоружного Эндера мгновенно разорвали на части и съели.

В первый раз он воскрес на том же самом месте, и его снова съели, несмотря на попытку нырнуть в колодец.

В следующее воскрешение его вернули на детскую площадку. И снова дети смеялись над ним. «Да смейтесь сколько хотите, — подумал Эндер. — Я знаю, кто вы на самом деле». Он сбил с ног одну из девчонок. Та поднялась и в ярости бросилась за ним. Эндер заманил ее на горку. Конечно, он провалился, но девочка, уже почти настигшая его, провалилась вместе с ним. Ударившись оземь, она превратилась в волчицу и осталась лежать под лестницей — мертвая или просто оглушенная.

Одного за другим Эндер заводил оборотней в ловушки. Но прежде чем он прикончил последнего, волки вдруг ожили, хотя обратно в детей не превратились. И Эндера снова растерзали.

А еще через мгновение Эндер, весь мокрый от

пота и дрожащий, очнулся на столе Великана. «Пора заканчивать эту игру, — подумал он. — Мне ведь еще нужно отыскать свою новую армию».

Вместо этого он слез со стола, обошел кругом тело Великана и направился к игровой площадке.

Теперь, как только его противник ударялся оземь и превращался в волка, Эндер оттаскивал тело к ручью и сталкивал туда. Плоть сразу начинала шипеть и пузыриться так, словно в ручье была кислота, а потом волк бесследно растворялся, поднявшись над ручьем облаком черного дыма. Эндер легко расправился со всеми оборотнями, хотя под конец дети гонялись за ним уже по двое и по трое. Затем Эндер вернулся на лесную поляну. Там его никто не поджидал, и он смог спокойно спуститься в колодец по веревке от ведра.

В сумрачной подземной пещере тускло мерцали драгоценные камни. Сокровища лежали повсюду грудами, однако Эндер равнодушно прошел мимо. Уже потом, обернувшись, он заметил, что среди сокровищ блеснули чьи-то глаза. Обильно накрытый стол тоже не привлек его внимания. Он также миновал клетки, свисающие с потолка пещеры, в которых сидели очень странные, но вполне дружелюбные создания. «По-

играю с вами потом», — подумал Эндер. Наконец он подошел к двери, на которой сверкающими изумрудами были выложены слова:

КОНЕЦ СВЕТА.

Эндер не сомневался ни секунды. Открыл дверь и шагнул.

Он стоял на небольшой площадке на самой вершине утеса и смотрел на густой зеленый лес, уже окрашенный отчасти в осенние тона, на проплешины вспаханных полей, на телеги, запряженные волами, на маленькие деревушки, на замок, поднимавшийся вдалеке, на плывущие у самых ног пушистые облака. Небо оказалось сводом пещеры, с которого спускались громадные сталактиты, облепленные драгоценными камнями.

Дверь тихо закрылась за его спиной. Эндер продолжал смотреть вниз. Этот мир был так прекрасен… Эндер даже не думал, какая игра его ждет дальше, выживет он или умрет. Он отыскал этот мир, и прекрасное зрелище было ему наградой. Поэтому, не думая о последствиях, он просто взял и прыгнул с площадки.

Эндер летел вниз, к излучине горной реки, прямо на острые скалы, но белая тучка про-

скользнула между ним и землей, подхватила его, понесла далеко-далеко, к башне высокого замка, через открытое окно, внутрь, и оставила в комнате, где не было дверей, а окно выходило в глубокую и, безусловно, смертельную пропасть.

Всего минуту назад он легко бросился со скалы, но сейчас засомневался.

Маленький коврик у очага вдруг развернулся и превратился в длинную тонкую змею с острыми зубами.

— Я твой единственный выход, — прошипела змея. — Самый лучший выход — смерть.

Эндер огляделся, пытаясь найти оружие, но тут экран неожиданно потемнел. Вдоль его края замерцали слова:

НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЕСЬ СВОЕМУ КОМАНДИРУ.
ВЫ ОПАЗДЫВАЕТЕ.
ЗЕЛЕНЫЙ, ЗЕЛЕНЫЙ, КОРИЧНЕВЫЙ.

Кипя от ярости, Эндер выключил комп, отправился к стенке с указателями, нашел там зелено-зелено-коричневую полосу, коснулся ее и последовал за ней. Огоньки зажигались перед ним, указывая дорогу. Темно-зеленый, светло-зеленый и коричневый цвета напомнили ему

раннюю осень в королевстве, которое он отыскал во время игры. «Я должен вернуться туда, — сказал он себе. — Эта змея очень длинная. Я смогу по ней спуститься с башни и отыщу свою дорогу. Наверное, это место названо Концом Света, потому что там кончаются все игры. Я смогу прийти в одну из деревень и стать обычным маленьким мальчиком. Буду играть и работать, как все, никого не буду убивать, и меня убивать никто не станет… Я буду просто жить».

Но как это — «просто жить»? Эндер не знал, что это такое. Правда, ему очень хотелось попробовать.

Армия могла включать в себя куда больше, чем одну залетную группу, а потому и армейские спальни отличались огромными размерами. Комната оказалась длинной и узкой. Койки стояли двумя рядами. Спальня тянулась так далеко, что можно было заметить, как в противоположном конце изгибается пол, следующий ободу огромного колеса — комплекса Боевой школы.

Эндер остановился у двери. Несколько ребят, сидевших в проходе, смерили его взглядами, но все они были много старше, а потому не удостоили Эндера вниманием. Они продолжали свою беседу, лежа или облокотясь на койки. Говорили,

конечно же, о сражениях — старшие мальчики всегда говорили только о них. Все ребята в комнате были выше Эндера. Десяти— и одиннадцатилетние возвышались над ним, как башни. Тут даже самым младшим было восемь, а Эндер и среди своих сверстников не мог похвастаться ростом.

Он попытался определить, кто здесь командир, но большинство мальчишек были полураздеты. У многих на коленях стояли компы, но занимались лишь несколько человек.

Эндер шагнул в спальню. Вот тут-то его и заметили.

— Чего тебе надо? — требовательно спросил мальчик, лежавший на верхней койке у двери.

В этой комнате он был самым большим — на щеках его уже пробивались клочковатые бакенбарды. Эндер пару раз сталкивался с ним в коридорах.

— Ты не Саламандра.

— Но, похоже, мне суждено ею стать, — ответил Эндер. — Зеленый, зеленый, коричневый, правильно? Меня перевели к вам.

И он показал привратнику листок бумаги. Тот потянулся, чтобы взять его, но Эндер отдернул руку:

— Я должен отдать это лично Бонзе Мадриду.

К разговору присоединился второй парень. Ростом он был поменьше привратника, но все равно куда больше Эндера.

— Не Бонзе, пустая башка, а Бонзо. Это испанское имя. Бонзо Мадрид. Оно не склоняется. Акви носотрос хабламос эспаньол, сеньор Гран Федор.

— Ты, должно быть, Бонзо? — спросил Эндер, на этот раз произнеся имя правильно.

— Не-а. Я просто чертовски талантливая полиглотша. Петра Акарнян. Единственная девчонка в армии Саламандр. Правда, яйца у меня побольше будут, чем у кого-либо в этой комнате.

— Мама Петра, она говорит… — пропел один из ребят. — Она говорит, она говорит…

— Говна говорит, говна говорит, говна говорит! — подпел ему другой.

Многие рассмеялись.

— Кстати, между нами, — отозвалась Петра, — если Боевой школе когда-нибудь решат прописать клизму, ее воткнут прямиком в зелено-зелено-коричневое.

Эндер был в отчаянии. И без того все работало против него: маленький, нетренированный, неопытный — он и так будет раздражать новых товарищей своим ранним переводом в армию

старших. А теперь, пусть чисто случайно, он подружился с белой вороной армии Саламандр. После этой встречи их имена надолго соединятся в сознании остальных. Вот уж повезло, нечего сказать. Эндер глядел на хохочущие лица, и на мгновение ему показалось, что тела мальчиков покрыты шерстью, а из открытых ртов торчат острые клыки. «Неужели я единственный человек в этом страшном месте? А все остальные только звери, жаждущие разорвать меня?»

Но потом он вспомнил Алая. Нет, конечно. В каждой армии есть хоть один, кого стоит узнать поближе.

Внезапно, хотя команды никто не отдавал, смех оборвался, и в комнате воцарилась тишина. Эндер повернулся к двери. В проходе стоял мальчик, высокий и стройный, с прекрасными черными глазами и четко очерченными губами, как будто говорившими об утонченности натуры. «За этой красотой я пойду куда угодно, — сказало что-то внутри Эндера. — Я хочу видеть мир этими глазами».

— Кто ты? — спокойно спросил мальчик.

— Эндер Виггин, сэр, — ответил Эндер. — Переведен из своей группы в армию Саламандр.

Он протянул приказ.

Мальчик взял бумагу быстрым уверенным движением, не коснувшись руки Эндера.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался он.

— Почти семь.

— Я спросил, сколько тебе сейчас, а не сколько почти, — все так же спокойно пояснил командир.

— Мне шесть лет, девять месяцев и двенадцать дней.

— Сколько ты успел прозаниматься в боевой комнате?

— Пару месяцев. Чувствую себя вполне уверенно там.

— Вас обучали боевым маневрам? Ты знаешь, что значит быть частью взвода? Вас обучали совместным действиям?

Эндер ни о чем таком даже не слыхивал. Он покачал головой.

Мадрид оценивающе поглядел на него:

— Ясно. Как ты скоро узнаешь и сам, офицеры, управляющие этой школой, и особенно майор Андерсон, который заведует всей игрой, очень любят всякие розыгрыши. Армия Саламандр только-только начала подниматься из позорного забвения. Из последних двадцати сражений мы выиграли двенадцать. Мы здорово удивили

Крыс, а также Скорпионов и Гончих и готовы бороться за место лидера. И конечно, мне тут же подсовывают совершенно бесполезного, нетренированного, безнадежно отсталого и недоразвитого бойца, то есть тебя.

— Он не очень рад знакомству с тобой, — констатировала Петра.

— Заткнись, Акарнян, — отрубил Мадрид. — К одному испытанию нам добавляют другое. Но какие бы препятствия ни ставили офицеры на нашем пути, мы все еще…

— …Саламандры! — в один голос рявкнули солдаты.

И вдруг Эндер взглянул на происходящее совсем с другой стороны, его внимание как будто переключилось. Это своего рода обряд, ритуал. Мадрид вовсе не пытался сделать ему больно. Он просто хотел справиться с неожиданной ситуацией и использовать ее для укрепления своей власти внутри армии.

— Мы огонь, который пожрет их целиком: их внутренности и потроха, сердца и умы. Много языков огня, но один костер.

— Саламандры! — повторился выкрик.

— И даже *этот* не ослабит нас, — сказал Мадрид.

На мгновение Эндер позволил себе надежду.

— Я буду стараться, я быстро учусь… — начал было он.

— Я не разрешал тебе говорить, — оборвал его Мадрид. — Я обменяю тебя при первом же удобном случае. Скорее всего, в придачу к тебе придется отдать ценного бойца, но, пока ты так мал, ты более чем бесполезен. В сражении от тебя не будет толку, ты будешь заморожен одним из первых. А сейчас в нашей армии каждый замороженный солдат влияет на исход игры. Лично я ничего против тебя не имею, Виггин, но лучше бы тебе набираться опыта за чей-нибудь еще счет.

— Правда, он душка? — спросила Петра.

Мадрид спокойно шагнул к девочке и ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Звук получился негромким — Бонзо коснулся ее только кончиками пальцев, но на щеке вспыхнули мгновенно четыре ярко-красные отметины, и мелкие капельки крови проступили там, где ногти содрали кожу.

— Вот мои распоряжения, Виггин, и, надеюсь, их не придется повторять дважды. В боевой комнате во время тренировок ты будешь держаться в стороне. Разумеется, твое присутствие обязательно, но, поскольку ни к одному из взводов ты не при-

надлежишь, ты не будешь принимать участия в отработке маневров. Когда нас вызовут на бой, ты быстро оденешься и явишься вместе со всеми к воротам, но пройдешь через них только спустя четыре минуты после начала игры. Удаляться от ворот тебе запрещается. Доставать оружие и стрелять запрещается. И так до конца игры.

Эндер кивнул. Значит, он опять никто и ничто. Остается надеяться, что вышеупомянутый обмен не заставит себя ждать.

А еще он заметил, что Петра не закричала от боли, даже не подняла руку, чтобы коснуться щеки, хотя одна из царапин сильно кровоточила, красная струйка сбегала по подбородку на шею. И пускай она паршивая овца в этой армии, но, раз Бонзо Мадрид не хочет быть другом, ничто не мешает Эндеру подружиться с Петрой.

Ему указали на койку в дальнем конце спальни. Верхнюю. Лежа на ней, он не видел двери — мешал изгиб потолка. Мальчишки, занимавшие койки рядом с ним, выглядели утомленными и угрюмыми. Отбросы армии Саламандр. Никто из них даже жестом не поприветствовал Эндера.

Эндер положил ладонь на дверь шкафчика — ничего не произошло. Тут он сообразил, что шкафчик вообще не заперт. На дверцах всех

четырех отделений были кольца: потяни — и откроется. Теперь он в армии, и своих вещей ему иметь не полагается.

В шкафчике лежала форма. Не бледно-голубая, как у новичков, а темно-зеленый с оранжевой отделкой комбинезон армии Саламандр. И он был явно велик. Но наверное, армейские комбинезоны просто не рассчитаны на шестилеток.

Эндер начал снимать новую форму, когда заметил, что по проходу в его сторону движется Петра Акарнян. Он соскользнул с койки на пол, чтобы поприветствовать ее.

— Расслабься, парень, — бросила она. — Я не офицер.

— Ты командуешь взводом, да?

Рядом кто-то хихикнул.

— С чего ты взял это, Вигин?

— Твоя койка у самой двери.

— Просто я лучший стрелок в этой проклятой армии, а еще Бонзо боится, что я устрою революцию, если взводные не будут приглядывать за мной. Как будто с такими парнями можно устроить хоть что-нибудь стоящее. — Она презрительно махнула рукой в сторону мрачных ребят на соседних койках.

«Что она делает? Хочет, чтобы все меня еще

больше возненавидели?»

— Ну, хуже меня-то быть трудно, — пожал плечами Эндер, пытаясь убедить своих будущих соседей, что вовсе не разделяет ее презрения.

— Я девчонка, — сказала она, — а ты шестилетний сосунок. У нас так много общего. Почему бы нам не стать друзьями?

— Домашние задания я за тебя делать не стану.

Петра не сразу поняла, что это шутка.

— Ха, — наконец улыбнулась она. — Ну да, ведь вы, залетная мелюзга, учитесь совсем по-другому. Начисто забываешь об этом, когда втягиваешься в армейские дела. Нам преподают историю, стратегию, тактику, все про жукеров и математику — то, что может понадобиться, когда мы станем пилотами или командирами кораблей. Скоро сам увидишь.

— Итак, мы друзья. И что я буду с этого иметь? — спросил Эндер, подражая ее нарочито небрежной манере вести разговор.

— Бонзо не даст тебе тренироваться. Он просто прикажет взять в боевую комнату комп и заниматься, пока все остальные будут работать. В каком-то смысле он прав — боится, что необученный сосунок будет раз за разом срывать его маневры, которые он столько отрабатывал. —

Она вдруг перескочила на полужаргонную речь:
— Бонзо этот — долбаный зануда, слышь?.. Может ссать в тарелку и ни капельки не прольет.

Эндер ухмыльнулся.

— Боевая комната открыта все время. Если хочешь, можем пойти туда, когда будем свободны, и я покажу тебе кое-что из того, чему научилась. Я не лучший солдат в школе, но свое дело знаю и уж точно умею больше, чем ты.

— Если ты не против, — сказал Эндер.

— Начнем завтра утром после завтрака.

— А если комната уже занята? Когда я был среди залетных, мы отправлялись туда как раз после завтрака.

— Не проблема. В школе девять боевых комнат.

— Никогда про это не слышал.

— А у них один вход. Центр Боевой школы — ось нашего колеса — состоит из боевых комнат. Они не вращаются вместе с остальной станцией. Вот поэтому там всегда ноль — я говорю о тяготении. Они просто стоят на месте. Не крутятся, у них нет ни верха, ни низа. Но устроено все так, что дверь каждой боевой комнаты выходит в тот коридор, которым мы пользуемся. Ты заходишь, станция сдвигается, и — опля! — свободная боевая комна-

та к услугам следующего посетителя.

— О-о-о.

— Ну, договорились? Сразу после завтрака.

— Хорошо.

Она двинулась прочь.

— Петра, — окликнул ее Эндер.

Она оглянулась.

— Спасибо.

Петра ничего не ответила. Просто повернулась и зашагала дальше.

Эндер снова взобрался на койку и окончательно стащил комбинезон. Он лежал на кровати голый и возился со своим новым компом, пытаясь выяснить, что сделали учителя с его кодами доступа. Ну конечно, они не стали ничего ломать — просто взяли и стерли всю его систему защиты. Здесь ему ничего не принадлежало — даже файлы в его компе.

Лампы слегка потускнели. Скоро пора спать. А Эндер не знал, где душевая.

— Первая дверь налево, — сказал мальчик, лежавший на соседней койке. — Мы делим душевую с Крысами, Белками и Кондорами.

Эндер поблагодарил и спрыгнул в проход.

— Эй! — окликнул его мальчик. — Нельзя идти так. Вне спальни мы всегда носим форму.

— Даже в туалет?

— Особенно туда. И тебе запрещено разговаривать с ребятами из других армий. Что в уборной, что за едой. Это может сойти с рук только в игровой комнате, ну и, конечно, когда учитель прикажет. Но если Бонзо застукает тебя, ты покойник, понял?

— Спасибо.

— И… да, Бонзо рассвирепеет, если увидит, что ты разгуливаешь нагишом перед Петрой.

— Но она сама была раздета, когда я вошел.

— Она делает что хочет. А тебе нельзя. Приказ.

И весьма глупый. Петра пока ничем не отличалась от мальчиков. Дурацкое правило. Оно отделяло Петру от остальных, разделяло армию. Просто бред. Как Бонзо ухитрился возглавить армию, не зная таких простых истин? Алай был бы куда лучшим командиром. Он-то знает, как объединять людей.

«Я тоже знаю, — подумал Эндер. — Когда-нибудь я тоже стану командиром».

Он мыл руки в душевой, когда кто-то заговорил с ним:

— Эй, слышь, а в армию Саламандр теперь что, всех подряд берут? Даже младенцев?

Эндер не ответил. Просто вытер руки.

— Не, глядите! Саламандры теперь даже сосунками не брезгуют! Только посмотрите на него. Он может пройти у меня между ногами и даже яйца мне не заденет…

— Потому что у тебя их нет, Динк, — ответил кто-то.

И уже на выходе из душевой Эндер услышал:

— Да это же Виггин! Ну тот, умник из игровой комнаты.

Он шел по коридору и улыбался. Пусть он и мал ростом, но его имя уже знают. Игровая комната, конечно, ничего не значит. Но все еще заговорят о нем. Он станет хорошим солдатом. Скоро, очень скоро все будут знать его имя. Может, в армии Саламандр ему и не прославиться, но после того…

Петра ждала его в коридоре, ведущем к боевой комнате.

— Подожди немного, — обратилась она к Эндеру. — Армия Кроликов только что зашла, через пару минут подъедет следующая комната.

Эндер сел на пол рядом с ней.

— Боевые комнаты не просто выскакивают одна за другой, — сказал он. — Там есть какой-то секрет. Например, почему сила тяжести в коридоре не меняется, когда двери открываются и мы заходим?

Петра закрыла глаза.

— Ну да, — кивнула Петра, прикрывая глаза. — И если боевые комнаты действительно пребывают в свободном падении, что происходит, когда одна из них соединяется с коридором? Почему она тогда не начинает вращаться вместе со станцией?

Эндер кивнул.

— Это все страшные тайны, — гулким шепотом сказала Петра. — Не пытайся познать их. С теми, кто спрашивает об этом, происходит нечто ужасное. Одного солдата недавно нашли в уборной — он свисал с потолка вниз головой, уткнувшись рожей в унитаз.

Разумеется, она шутила, но Эндер уловил намек:

— Значит, я не первый, кто об этом задумался?

— Запомни, маленький мальчик, — и в этом «маленький мальчик» не было презрения, а только доброжелательность, — они никогда не говорят больше того, что хотят сказать. Но любое существо с мозгами знает, что со времен старины Мэйзера Рэкхема и его Победоносного флота наука здорово изменилась. Ежу понятно, что мы можем управлять гравитацией. Включать ее, выключать, менять направление или даже

отражать… Я могу придумать уйму прикольных вещей, которые можно проделать, обладая гравитационным оружием и такими же двигателями на кораблях. И представь, что` такие корабли могут делать с планетами. Можно взять гравитацию планеты и отразить ее, сфокусировав в узкий луч… Шарах — и половины планеты как не бывало. Но никто об этом не распространяется.

Эндер понял больше, чем она сказала. Манипулирование силой тяжести — это было одно послание; обман, практикуемый офицерами, — второе, но главное сообщение звучало так: «Нашими врагами являются не другие армии, а взрослые. Они враги, потому что не говорят нам правды».

— Пошли, малыш, — позвала она. — Комната, наверное, уже готова. Руки Петры не дрожат, и враги ее бежат. — Девочка хихикнула. — Меня называют Петра Поэтесса.

— А еще говорят, что ты чокнутая на всю голову.

— И ты лучше верь в это, маленькая задница.

В ее сумке оказалось десять шаров-мишеней. Эндер одной рукой цеплялся за ее костюм, а второй — за стену, удерживая Петру, пока она с силой разбрасывала шары в разные стороны. Они

отлетали от стен и проносились через комнату, сталкиваясь друг с другом и меняя направление.

— Ну-ка, пусти, — сказала Петра.

Она оттолкнулась, нарочно завертевшись винтом, затем несколькими движениями рук выровняла полет и начала выбивать шар за шаром. При попадании мяч из белого становился красным. Эндер знал, что этот цвет держится чуть меньше двух минут. Только один мяч успел побелеть обратно, когда Петра расстреляла последний.

Долетев до противоположной стены, девочка точно отрикошетила и на полной скорости устремилась к Эндеру. Он протянул руку и помог ей затормозить — один из маневров, который освоил еще в своей группе.

— Ты крутая, — похвалил он.

— Круче всех. И ты этому научишься.

Петра объяснила, что нужно держать руку прямо, целиться всей рукой.

— Большинство солдат не понимают, что чем дальше мишень, тем дольше нужно держать луч. Разница, казалось бы, не так велика — между одной десятой секунды и половиной секунды, но в настоящем бою это время тянется очень долго. Большинство промахиваются не потому, что

плохо целятся, а потому, что слишком быстро отводят руку. Так что не используй свой пистолет, как шпагу. Никаких «вжик, вжик, вжик — уноси готовенького». Цельсь и держи руку.

При помощи шаросборника она вернула шары назад, после чего стала медленно запускать их обратно в пространство. Эндер стрелял. И всякий раз промахивался.

— Отлично, — кивнула Петра. — У тебя нет никаких вредных привычек.

— У меня и невредных нет, — отметил Эндер.

— Вот их-то мы тебе и привьем.

В первое утро они добились немногого. Больше говорили. О том, как думать, когда целишься, как удерживать в голове одновременно свое движение и движение противника. О том, что руку с пистолетом надо вытягивать вперед и целиться как бы всем телом, чтобы можно было стрелять, даже если руку заморозят. О том, что нужно прочувствовать, при каком положении спускового крючка пистолет начинает стрелять, и придерживать курок близко к этому положению, чтобы не терять времени. О том, что тело напрягать нельзя, нужно держать его расслабленным, иначе ты начинаешь дрожать.

Больше в тот день Эндер не занимался. Во время

общеармейской тренировки, во второй половине дня, Эндеру приказали взять с собой комп и тихо делать уроки где-нибудь в углу. Бонзо был обязан доставить всех солдат в боевую комнату, но никакой устав не вменял ему в обязанность тренировать каждого.

Эндер, однако, и не притронулся к компу. Если он не может тренироваться, что ж, ему никто не запрещал изучать тактику Бонзо. Армия Саламандр была разделена на четыре стандартных взвода по десять человек в каждом. Некоторые командиры распределяли своих людей так, что во взводе А собирались лучшие солдаты, а взвод Г состоял из отбросов. Но Бонзо предпочел использовать смешанные составы, поэтому в каждом взводе были и хорошие и плохие солдаты.

Во взводе Б было только девять мальчиков. Интересно, кого оттуда перевели, чтобы освободить место для Эндера? Скоро стало ясно, что командир взвода Б — явный новичок. Неудивительно, что Бонзо бесился. Потерять командира взвода, чтобы взамен получить Эндера…

Бонзо оказался совершенно прав. Эндер не был готов. Всю тренировку армия прилежно отрабатывала маневры. Взводы, не видя друг друга, отшлифовывали совместные операции так, что-

бы их действия совпадали секунда в секунду. Учились использовать друг друга для внезапной перемены направления, не нарушая при этом строя. И для всего этого требовалась базовая подготовка, которой у Эндера не было. Умение мягко приземляться, гасить удар. Точность полета. Способность изменять курс при помощи тел уже замороженных солдат, летающих по комнате. Кувырки, развороты, сальто. Скольжение вдоль стен — сложный маневр, но очень ценный: враг не может зайти со спины.

Но, выясняя в ходе тренировки, сколь многого он не знал, Эндер также замечал то, что ему сразу же хотелось исправить. Отработанное движение строем было одной из таких ошибок. Оно позволяло солдатам мгновенно исполнять выкрик-приказ командира, зато делало их маневры предсказуемыми. И отдельный боец был полностью лишен инициативы. Выбрав тактику, армия уже не могла отказаться от нее, а также ввести поправку на действия противника. Эндер изучал действия Бонзо, как делал бы это вражеский командир: придумывал и запоминал различные способы развалить строй Саламандр.

Вечером, в свободное время, Эндер попросил Петру позаниматься с ним.

— Нет, — сказала она. — Я хочу когда-нибудь стать командиром армии. Поэтому мне надо в игровую комнату.

Все ребята были уверены, что учителя подключаются к игровым машинам и так выявляют потенциальных главнокомандующих. Эндер же сомневался в этом. У командира взвода куда больше возможностей показать, на что он способен, чем у того, кто играет с компьютером.

Но Эндер не стал спорить с Петрой. Она и так провела с ним все утро. И все же ему надо было заниматься, а тренироваться один он не мог. Для исполнения большинства серьезных маневров требовался партнер или даже команда. Вот если бы он мог пригласить Шена и Алая…

А почему, собственно, нет? Почему бы не пригласить Шена и Алая? Он никогда не слышал, чтобы солдаты тренировались вместе с залетными, но никакие правила этого не запрещали. Этого просто никто не делал: в армиях новичков презирали. Ну так Эндер и сам новичок. Ему нужно с кем-то тренироваться, и он сможет научить ребят многому из того, что знают и умеют старшие.

— Смотрите-ка, великий воин вернулся! — воскликнул Бернард.

Эндер стоял в дверях своей прежней спальни. Он покинул ее только вчера, но она уже казалась ему чужой, а ребята из его группы стали как будто незнакомцами. Он чуть не повернулся, чтобы уйти. Но здесь был Алай, человек, который придал их дружбе святость. Алай не был ему чужим.

Эндер даже не пытался скрыть, как отнеслись к нему в армии Саламандр:

— И они правы. Я им нужен примерно как приступ кашля в скафандре.

Алай рассмеялся. Вокруг них стали собираться другие ребята. Эндер озвучил свое предложение. Каждый день в свободное время они будут заниматься в боевой комнате под его, Эндера, руководством. Они научатся всему, что узнает Эндер об армиях и сражениях, а он сам сможет отрабатывать приемы и маневры, необходимые ему как солдату.

— Мы все только выиграем от этого.

Многие захотели присоединиться.

— Конечно, — добавил Эндер, — но только если вы собираетесь работать. Тем, кто хочет валять дурака, лучше сразу выметаться. У меня нет времени на всякие глупости.

И время не пропало зря. Эндеру было очень трудно объяснить, что он видел, а еще труднее

— показать, как это надо делать. Но все же они научились чему-то за эту тренировку. Ребята взмокли и вымотались, но приобрели некое понятие о базовых техниках боя.

— Где ты был? — спросил Бонзо.

Эндер стоял по стойке «смирно» у койки командира:

— В боевой комнате на тренировке.

— Слышал, ты взял с собой нескольких залетных из своей бывшей группы.

— Я не мог заниматься один.

— Ни один солдат из моей армии не станет вошкаться с залетными. Ты теперь солдат.

Эндер промолчал.

— Ты слышал меня, Виггин?

— Так точно, сэр.

— Больше никаких занятий с этими мелкими засранцами.

— Могу я поговорить с вами наедине?

Такую просьбу командирам полагалось выполнять. Бонзо покраснел от злости, но вышел в коридор вслед за Эндером.

— Слушай, Виггин, ты мне не нужен. Я хочу избавиться от тебя как можно скорее, но, если ты устроишь мне проблемы, я тебя по стенке размажу.

«Хороший командир, — подумал Эндер, — не станет сыпать глупыми угрозами».

Молчание Эндера раздражало Бонзо.

— Ты вызвал меня, чтобы говорить, ну так говори.

— Сэр, вы были абсолютно правы, когда отказались приписывать меня ко взводу. Я ничего не знаю.

— Мне не требуется твое одобрение.

— Но я хочу стать хорошим солдатом. И не могу заниматься вместе с остальными, понимая, что в строю я только помеха. Вот я и позвал тех, кто согласится работать со мной.

— Ты будешь делать то, что я тебе велю, мелкий засранец!

— Так точно, сэр. Я буду исполнять ваши приказы. Но вы не можете приказать мне прекратить тренировки. Свободное время есть свободное время. Здесь не действуют предписания. Никакие. Ничьи.

Он видел, что Бонзо кипит от злости. Командир горяч, это плохо. Ярость Эндера была холодной, и он мог управлять ею. В то время как Бонзо Мадридом управлял гнев.

— Сэр, я думаю о своей карьере. Я не собираюсь мешать вашим тренировкам и сражениям,

но мне нужно как-то учиться. Я не прошу вас включать меня в свою армию, вы вправе обменять меня, как только захотите. Но если я так и останусь неумехой, никто ведь меня не возьмет. Дайте мне научиться хоть чему-нибудь, и тогда вы без труда обменяете меня на солдата, которого сможете использовать.

Бонзо был умен, и злость не помешала ему оценить разумность предложения. Но так легко отступить он тоже не мог.

— Пока ты солдат армии Саламандр и будешь подчиняться моим приказам.

— За попытку вмешаться в свободное время ученика недолго и на лед отправиться.

Скорее всего, такое вряд ли случится. Впрочем?.. Так или иначе, шум, поднятый Эндером, наверняка приведет к тому, что командира сместят. И еще: офицеры явно присматривали за Эндером, иначе не повысили бы его так рано. Вдруг он и правда способен влиять на учителей, а значит, без труда отправит Бонзо на лед? Чем черт не шутит…

— Сволочь! — раздраженно бросил Бонзо.

— Я не виноват, что вы отдали свой приказ в присутствии всех, — пожал плечами Эндер. — Но если хотите, я притворюсь, что вы выиграли этот

спор. Тогда завтра вы спокойно сможете сказать, что переменили свое решение.

— Обойдусь без твоих решений.

— Я не хочу, чтобы остальные ребята думали, будто вы пошли на попятную. После этого вы не сможете командовать.

Вот за эту доброту Бонзо наверняка возненавидит его. Он не простит Эндеру, что тот «подарил» ему право командовать. Бонзо бесился, но ничего не мог поделать. У него не было выбора. Он не сообразил, что сам загнал себя в угол, отдав Эндеру неразумный приказ, и видел только, что Эндер одолел его, а потом еще и ткнул носом в грязь своим проклятым великодушием.

— Когда-нибудь я так надеру тебе задницу…

— Возможно, — согласился Эндер.

Прозвенел звонок, призывавший ко сну. Эндер с униженным видом поплелся обратно в спальню. Ребятам предстояло сделать очевидный вывод.

Утром, когда Эндер уходил на завтрак, Бонзо остановил его и громко заявил:

— Эй, блоха, я передумал. Может, занимаясь со своими залетными, ты и правда научишься чему-нибудь, что позволит обменять тебя. Я согласен на все, лишь бы сплавить тебя побыстрее.

— Спасибо, сэр, — ответил Эндер.

— Не за что! — прошипел Бонзо. — Надеюсь, тебя вышибут на лед.

Эндер благодарно улыбнулся и вышел из спальни. После завтрака он снова занимался с Петрой, днем наблюдал за маневрами Бонзо и придумывал разные способы разбить его армию, а вечером со своей командой тренировался до изнеможения. «Я могу, — думал Эндер, лежа на койке и чувствуя, как медленно и болезненно расслабляются мышцы. — Я справлюсь».

Через четыре дня случилось сражение. Солдаты армии Саламандр вприпрыжку неслись по коридорам к боевой комнате. Эндер бежал последним. Вдоль стен тянулись две полоски огней: зелено-зелено-коричневая для Саламандр и черно-бело-черная для Кондоров. Добравшись туда, где обычно находились ворота, Эндер увидел, что коридор раздваивается. Зелено-зелено-коричневая полоса шла налево, а черно-бело-черная — направо. Затем последовал еще один поворот (на этот раз уже направо) — и армия остановилась перед глухой стеной.

Взводы молча построились. Эндер опять постарался оказаться позади всех. Бонзо отдавал последние распоряжения:

— Взвод А отталкивается и движется вверх, Б

— налево, В — направо, Г — вниз. — Он проверил, правильно ли сориентированы его солдаты, и добавил: — А ты, малек, ждешь четыре минуты, потом просто заходишь. Даже не думай вынимать из кобуры пистолет.

Эндер кивнул. Неожиданно стена за спиной Бонзо стала прозрачной. Это была уже не стена, а силовое поле. Боевая комната тоже изменилась. В воздухе, частично закрывая обзор, висели большие коричневые коробки, по-видимому препятствия, которые тут звались звездами. На первый взгляд они висели где попало. Бонзо не обратил на звезды никакого внимания. Вероятно, его солдаты знали, как их использовать.

Но вскоре Эндеру, который наблюдал за сражением, сидя на полу в коридоре, стало ясно, что со звездами никто толком обращаться не умеет. Солдаты знали, как садиться на звезды, как использовать их для прикрытия, умели атаковать звезды, занятые противником, но явно не представляли, какая звезда важна, а какая — нет, и поэтому зачастую в лоб штурмовали позиции, которые легко было обойти, скользя по стенам, и которые не имели никакого стратегического значения.

И этими непростительными ошибками в стра-

тегии вовсю пользовался командир противника. Армия Кондоров навязывала Саламандрам изнурительные стычки. У Бонзо оставалось все меньше и меньше незамороженных бойцов, чтобы атаковать следующую звезду. После всего четырех минут боя стало ясно, что наступление Саламандр захлебнулось.

Эндер шагнул через ворота и начал дрейфовать вниз. В тех боевых комнатах, где он занимался раньше, вход был на уровне пола. Но для настоящих сражений ворота устанавливали посредине стены, на равном расстоянии от пола и потолка.

Он сориентировался быстро, как когда-то в челноке. Низ стал верхом, а затем стеной. В невесомости не было необходимости придерживаться прежней системы координат, как в коридоре. Глядя на пару совершенно одинаковых квадратных ворот, невозможно было определить, где верх, а где низ. Да и не нужно. Эндер сочинил свою систему координат. Вражеские ворота внизу. Цель игры — упасть туда.

Слегка шевеля руками и ногами, Эндер освоился в новой системе, принял вертикальное положение и теперь летел ногами к противнику. Ступни — очень небольшая мишень, зачем подставлять выстрелам все тело?

Кто-то заметил его. Это и должно было случиться — он уже около минуты бесцельно дрейфовал у всех на виду. Инстинктивно Эндер подтянул колени, и в эту же секунду в него попали, — разумеется, штанины его костюма сразу застыли. Но руки остались свободными: если не было прямого попадания в корпус, замерзали только те части тела, которых коснулся луч. Эндеру вдруг пришло в голову, что, если бы он не подставил противнику ноги, выстрел пришелся бы в туловище, и тогда он был бы полностью обездвижен.

И поскольку Бонзо приказал ему ни под каким видом не доставать пистолет, Эндер продолжал дрейфовать, не шевеля ни головой, ни руками, как будто их тоже заморозили. Вражеские солдаты, не обращая на него внимания, сосредоточили огонь на тех, кто еще мог им ответить. Это был тяжелый бой. Армия Саламандр медленно отступала перед превосходящими силами противника, не желая сдаваться. Сражение распалось на десятки мелких перестрелок. Вот теперь начала сказываться железная дисциплина Бонзо, и каждый солдат армии Саламандр забирал с собой по меньшей мере одного противника. Никто не побежал, никто не ударился в панику. Солдаты сохраняли спокойствие и тщательно целились.

И попадали. Особенно Петра. Кондоры заметили это и сделали все возможное, чтобы обезвредить ее. Сначала ей обездвижили правую руку, но поток оскорблений из ее угла летел до тех пор, пока ее не заморозили совсем и нижний край шлема не прижал ей челюсть.

Через несколько минут все было кончено. В армии Саламандр больше некому было сопротивляться.

Эндер с удовольствием отметил, что Кондоры с трудом наскребли пятерых незамерзших солдат — минимальное число, необходимое, чтобы открыть вражеские ворота и объявить себя победителями. Четверо прижали свои шлемы к светящимся точкам по углам ворот Саламандр, а пятый пролетел сквозь силовое поле. Игра закончилась. Свет снова зажегся в полную мощь, и сквозь дверь для учителей прошел майор Андерсон.

«Я мог бы вытащить пистолет, — думал Эндер, глядя на то, как солдаты противника подлетают к воротам Саламандр. — Мог бы вытащить пистолет и подстрелить по крайней мере одного — тогда Кондоры не смогли бы выполнить ритуал. Я мог бы свести игру вничью. Без четверых по углам и пятого, чтобы пролететь в дверь, Кондоры

не смогли бы одержать победу. Бонзо, ты — задница, я мог бы спасти тебя от поражения, даже превратить его в победу — все пятеро были как на ладони, прекрасные мишени. Я перестрелял бы их всех, прежде чем они успели бы сообразить, откуда ведется огонь. Для этого моего умения стрелять вполне хватило бы».

Но приказ есть приказ, и Эндер обещал подчиняться. Некоторое удовлетворение доставила ему минута, когда при подсчете очков обнаружилось, что у армии Саламандр вовсе не сорок один убитый, а сорок убитых и один легкораненый. Бонзо не мог понять, в чем дело, пока не справился по книге майора Андерсона и не выяснил, кто именно оказался всего лишь раненным. «Я не был выведен из боя, Бонзо, — думал Эндер. — Я еще мог стрелять».

Он ждал, что Бонзо подойдет к нему и скажет: «В следующий раз при таком раскладе разрешаю тебе стрелять». Но Бонзо вообще не обмолвился с ним ни словом до следующего утра, до завтрака. Разумеется, завтракал он в командирской столовой, но Эндер был уверен, что странный счет последней игры вызовет там столько же шума, сколько и в зале, где на завтрак собирались солдаты. Обычно, если не было ничьей, проигравшая

армия теряла весь свой личный состав убитыми — полностью замороженными, — ну, или тяжелоранеными, которые не могли стрелять или как-то еще наносить урон противнику. Армия Саламандр оказалась единственной из проигравших, в чьем составе остался один легкораненый.

Эндер даже не стал ничего объяснять — солдаты армии Саламандр сами разболтали, в чем было дело. И когда его спрашивали, почему он не нарушил приказ и не открыл огонь, он спокойно отвечал:

— Я всегда исполняю приказы.

После завтрака Бонзо подозвал его.

— Мой прежний приказ остается в силе, — сказал он. — Не забывай об этом.

«Это дорого обойдется тебе, дурак. Возможно, я не лучший солдат, но все же могу помочь. И у тебя нет ни единой причины поступать так со мной».

Вслух Эндер ничего не ответил.

Одним из любопытных побочных эффектов этого сражения стало то, что Эндер оказался на первом месте в таблице личного зачета солдат. Он не выстрелил ни разу, а потому ни разу не промахнулся. Врагам не удалось ни убить, ни покалечить его — тут тоже процент был на его стороне. Такого результата больше не было ни у

кого. Многие смеялись, кое-кто злился, но Эндер стал лидером в личном зачете.

Он продолжал бездельничать на армейских тренировках и напряженно трудиться в личное время — с Петрой утром и с друзьями вечером. К ним присоединялось все больше залетных — не забавы ради, а потому, что тренировки реально помогали стать лучше. Но Эндер и Алай держались на шаг впереди остальных. Отчасти потому, что Алай все время изобретал что-нибудь новенькое и Эндеру приходилось всякий раз придумывать новую тактику, чтобы обойти его. А отчасти из-за того, что они продолжали совершать глупейшие ошибки, и ошибки эти были результатом поступков, на которые уважающий себя, правильно тренированный солдат никогда бы не отважился. Да, многое из придуманного ими оказывалось совершенно бесполезным. Но придумывать было весело, воплощать — еще веселее, а сколько было удовольствия, когда что-нибудь срабатывало! Вечер был лучшим временем суток.

В следующих двух сражениях Саламандры легко победили. Эндер нырял в боевую комнату ровно через четыре минуты после начала и всякий раз выходил из сражения невредимым:

у отбивавшегося противника были занятия посерьезнее. Постепенно Эндер осознал, что разгромившая их армия Кондоров была очень, очень хороша. Да и армия Саламандр, несмотря на то что Бонзо оказался плохим стратегом, была не из худших. Игра за игрой они набирали рейтинг, споря с Крысами за четвертое место в турнирной таблице.

Эндеру исполнилось семь лет. В Боевой школе не часто вспоминают про календарь, но Эндер научился вызывать дату на экран своего компа, а потому не пропустил день своего рождения. Школа тоже не пропустила его — с Эндера сняли мерку и справили ему новый комбинезон цветов его армии и костюм для боевой комнаты. Он вернулся в спальню в новой одежде — очень непривычной, одновременно удобной и свободной, как будто его собственная кожа вдруг стала ему чуть велика.

Он хотел задержаться у койки Петры и рассказать ей о своем доме, о том, как семья отмечала дни рождения, просто сообщить, что сегодня ему исполнилось семь лет, и пусть бы она пожелала ему счастья. Но никто не говорил о своих днях рождения. Это было так по-детски. Удел тех, кто остался на Земле, землемесов. Торты, всякие

глупые обычаи. Валентина испекла ему торт на шестой день рождения, он не поднялся, а на вкус был просто отвратительным. Дома давным-давно никто не готовил, и торт был одной из безумных выходок Валентины. Ее все тогда задразнили, но Эндер спрятал в своем столе кусочек. И когда монитор сняли, когда Эндера увезли, его грела мысль о том, что торт все еще лежит там, в ящике, — маленькая горстка маслянистых желтых крошек. Тут никто не говорил о доме — у солдата нет жизни до Боевой школы. Никто не получал и не писал никаких писем. И все притворялись, что им это безразлично.

«Но мне не все равно, — думал Эндер. — Я здесь только для того, чтобы жукер не вогнал Валентине пулю в глаз, чтобы ее череп не разлетелся на мелкие кусочки, как у солдат, которых показывали по видео. Чтобы ей не снесли затылок раскаленным лазерным лучом и мозги, вскипев, не вытекли через край, будто дрожжевое тесто. Я вижу все это в кошмарах, в самые худшие ночи, и просыпаюсь, весь дрожа, но молчу. Потому что никто не должен знать, как я тоскую по своей семье. Я хочу домой».

Утром немного полегчало. Дом опять стал привычной глухой болью в дальнем уголке памяти.

Усталостью в глазах. Этим утром, прежде чем они успели одеться, в спальню вошел Бонзо.

— Боевые костюмы! — крикнул он.

Сражение. Четвертая игра в жизни Эндера.

Противником оказалась армия Леопардов. Этих разбить несложно. Леопарды были новичками и болтались в самом низу турнирной таблицы. Эту армию создали всего шесть месяцев назад, а командовал ею некто Пол Слэттери.

Эндер надел новый боевой костюм и встал в строй. Бонзо грубо схватил его за плечо, выдернул из ряда и заставил отойти в самый конец. «Ты зря это сделал, — мысленно возразил Эндер. — Что тебе стоило позволить мне остаться в строю?»

Эндер наблюдал за сражением из коридора. Пол Слэттери был неопытен, зато быстро соображал, и у него имелись кое-какие идеи. Он заставлял своих солдат постоянно двигаться. Они перелетали от звезды к звезде, соскальзывали по стенам в тыл малоподвижных групп Саламандр. Эндер улыбнулся. Бонзо был совершенно выбит из колеи, впрочем, и его солдаты тоже. Казалось, Леопарды окружили их со всех сторон. Однако исход сражения был вовсе не так однозначен, как это выглядело на первый взгляд. Эндер заметил, что Леопарды тоже потеряли много людей, так

как часто подставлялись из-за излишнего безрассудства. Но самое главное — Саламандры *уже* сочли себя побежденными. Соотношение сил оставалось примерно равным, однако Саламандры полностью уступили инициативу и лишь жались друг к другу, как поступают уцелевшие в резне, лелея надежду, что беспощадный враг их не заметит.

Эндер тихо прошел через ворота, развернулся ногами к воротам противника и начал медленно дрейфовать вниз, чуть в сторонку, стараясь не привлекать внимания. Он сразу согнул ноги в коленях и заморозил их в таком положении, превратив в щит. Теперь любому случайному наблюдателю он казался еще одним замороженным солдатом, уплывающим прочь с поля боя.

Армия Саламандр фактически перестала сопротивляться, и Леопарды быстро покончили с ней. У Пола Слэттери оставалось еще девять солдат, когда последний стрелок Саламандр был заморожен. Леопарды построились и полетели к вражеским воротам.

Эндер, следуя урокам Петры, вытянул руку и тщательно прицелился. И прежде чем кто-либо успел опомниться, он заморозил троих из тех четверых солдат, что собирались прижать свои

шлемы к углам ворот армии Саламандр. Оставшиеся засекли его и открыли беспорядочный огонь, но выстрелы пришлись в уже замороженные ноги Эндера, а он за это время подстрелил еще двоих. Когда Леопардам удалось наконец вывести из строя руку Эндера и лишить его возможности стрелять, у них оставалось только четыре бойца. Сражение кончилось вничью, а Эндер формально даже не попал в ряды погибших.

Пол Слэттери страшно разозлился, но признал, что игра была честной. Вся армия Леопардов решила, что такова была стратегия Бонзо — оставить одного человека в резерве до самой последней минуты. Им и в голову не пришло, что малыш Эндер стрелял, нарушая приказ командира. Но армия Саламандр это знала. И Бонзо тоже знал, и, встретив взгляд своего командира, Эндер понял: Бонзо ненавидит его за то, что он спас армию от разгрома. «А мне все равно, — подумал Эндер. — Это поможет тебе поскорее обменять меня, и вдобавок ты не потеряешь своего места в турнирной таблице. Продавай меня скорее, я уже научился у тебя всему, чему мог. Достойно проигрывать — это все, что ты умеешь, Бонзо».

А чему он, собственно, научился? Раздеваясь рядом со своей койкой, Эндер мысленно состав-

лял список. Вражеские ворота внизу. В бою ноги — это щит, а не средство передвижения. Маленький резерв, сбереженный до самого конца, может решить судьбу сражения. И еще: солдаты иногда могут принимать более разумные решения, чем те, к которым их обязывает приказ командира.

Он разделся и уже собирался забраться на койку, когда с каменным лицом к нему подошел Бонзо. «Я видел таким Питера, — подумал Эндер, — спокойным, молчаливым, с жаждой убийства в глазах. Но Бонзо не Питер. В Бонзо больше страха».

— Виггин, мне наконец удалось обменять тебя. Я сумел убедить армию Крыс, что твое фантастическое место в личном зачете вовсе не случайность. Ты отправишься к ним завтра.

— Спасибо, сэр, — ответил Эндер.

Наверное, в его голосе прозвучало слишком много благодарности. Внезапно Бонзо развернулся и изо всех сил ударил его в челюсть открытой ладонью. Эндер отлетел назад, ударился о койку, чуть не упал. И тогда Бонзо уже кулаком двинул его в живот. Эндер рухнул на колени.

— Ты нарушил приказ, — сказал Бонзо громко, для всех. — Хороший солдат всегда слушается своего командира.

От боли слезы текли по щекам Эндера, но поднявшийся в спальне ропот все же доставил ему некое мстительное удовольствие. «Ты дурак, Бонзо. Ты не укрепляешь дисциплину, а напрочь уничтожаешь ее. Они знают, что я превратил верное поражение в ничью, и видят, как ты отплатил мне. Ты выставил себя дураком перед всеми. Чего же стоит теперь твоя дисциплина?»

На следующий день Эндер сказал Петре, что их утренние стрелковые занятия придется прекратить — для ее же собственной безопасности. Не стоит лишний раз провоцировать Бонзо. Некоторое время им лучше держаться врозь. Петра все прекрасно поняла.

— И к тому же, — добавила она, — ты уже хороший стрелок, мне больше нечему тебя учить.

Эндер положил в шкафчик свой комп и боевой костюм, а форму Саламандры ему поменяют на складе на черно-коричневый комбинезон Крысы. Он ничего не принес сюда и ничего отсюда не заберет. У него ничего и не было. Все его ценности — записи в школьном компе, руки да голова.

Затем он отправился в игровую комнату и воспользовался общественным компом, чтобы записаться на курсы рукопашного боя при земной силе тяжести. Занятия каждый день после

завтрака. Нет, он вовсе не собирался мстить Бонзо. Просто принимал меры, чтобы никто больше не мог ударить его. Никогда.

8
Крыса

— Полковник Графф, эта игра всегда велась честно. Звезды располагаются либо хаотически, либо симметрично, чтобы ни у кого не было преимущества.

— Честность — замечательное понятие, майор Андерсон. Жаль, что оно не имеет никакого отношения к войне.

— Игра превратится в бессмыслицу. Команды не будут знать, на каком они свете.

— Ох и ах.

— И мне придется потратить месяцы на этот заказ. Да что там месяцы! Чтобы переоборудовать боевые комнаты и просчитать на компьютере все варианты, уйдут годы.

— Поэтому я и прошу тебя об этом прямо сейчас. Действуй. Пусти в ход свое воображение. Просчитай все самые дурацкие, немыслимые, неоправданные сочетания звезд, какие только возможны. Найди другие способы обойти правила. Задержка сообщений. Неравенство сил. Потом прогони все это через компьютер и отсортируй,

что совсем тяжело, а что полегче. Нам нужна разумная постепенность. Мы должны подталкивать его.

— Когда ты собираешься сделать его командиром? В восемь лет?

— Конечно нет. Я еще не собрал для него армию.

— Так ты и тут расставляешь ему ловушку?

— Послушай, Андерсон, ты слишком привязался к этой игре, а это всего лишь тренировка и способ отбора тех, что поталантливее.

— Это еще статус, личность, цель, имя — все, что составляет жизнь этих ребят, уходит корнями в игру. Когда они поймут, что игрой можно управлять, что можно создать перевес одной из сторон, можно жульничать… Это разрушит всю школу. Я не преувеличиваю.

— Знаю.

— Очень надеюсь, Эндер Виггин — тот, кто нам нужен, потому что это сломает всю нашу систему подготовки, и за пару лет мы ее не починим.

— Если Эндер не тот, кто нам нужен, если пик его военного таланта не совпадет со временем прибытия нашего флота на родину жукеров, то твоя драгоценная система уже никому не пригодится.

— Надеюсь, вы простите меня, полковник Графф, но я считаю, что должен доложить о ваших распоряжениях и своем особом мнении лично Стратегу и Гегемону.

— А почему не нашему дражайшему Полемарху?

— Все знают, что он у вас в кармане.

— Сколько недоброжелательности, майор Андерсон. А я думал, мы друзья.

— Мы друзья. И я считаю, что ты можешь оказаться прав насчет Эндера. Я просто не верю, что ты, именно ты и только ты должен распоряжаться судьбами мира.

— Не думаю, что имею право распоряжаться даже судьбой Эндера Виггина.

— Так ты не будешь возражать, если я им все сообщу?

— Конечно буду, трусливая твоя задница. Такие вопросы должны решать люди, имеющие хотя бы слабое представление о том, что происходит на самом деле, а не перепуганные политиканы, получившие свои кресла только потому, что у себя дома, в своей родной стране, считались самыми политически пригодными.

— Но ты понимаешь, почему я это делаю?

— Потому что ты близорукий гаденыш-бюро-

крат и хочешь иметь прикрытие на случай, если что-то пойдет не так. Только если что-то пойдет не так, нас съедят жукеры, а не начальство. Так что доверься мне, Андерсон, и не вешай мне на шею всю эту проклятую Гегемонию. У меня и без нее забот хватает.

— Ах, значит, это нечестно? Весь мир против тебя? Ты можешь поступать так с Эндером, а сам хочешь отсидеться в сторонке?

— Эндер Виггин в десять раз сильнее и умнее меня. Все, что я хочу, — это вытащить его гений на свет божий. Если бы на меня свалился подобный груз, меня б раздавило в лепешку. Майор Андерсон, я знаю, что порчу игру, знаю, что ты любишь ее даже больше, чем ребята, играющие в нее. Можешь меня ненавидеть, но, пожалуйста, не мешай мне.

— Я оставляю за собой право связаться с Гегемоном и Стратегом, когда сочту нужным. А пока — делай что хочешь.

— Большое спасибо.

— Эндер Виггин, маленький засранец, ведущий в личном зачете, какое счастье видеть тебя в наших рядах! — Командир армии Крыс лежал на спине на нижней койке, и из одежды на нем был один лишь комп. — Разве может проиграть

армия, к которой ты изволил присоединиться?

Несколько ребят, оказавшихся рядом, засмеялись.

Трудно было представить себе более разные армии, чем войска Саламандр и Крыс. В комнате было тесно, шумно и царил такой беспорядок, какой даже нарочно не устроишь. После Бонзо Эндер считал, что от постоянной муштры полезно иногда отдохнуть, но неожиданно для себя обнаружил, что успел привыкнуть к тишине и порядку, а местный бедлам его раздражает.

— У нас все в порядке, Эндер-Бендер. Я Носатый Рози, гениальный еврейский мальчик, а ты всего лишь микроскопический пустоголовый гой. И никогда об этом не забывай.

Со времен создания Международного флота Стратегом армейских сил всегда был еврей. Существовало мнение, что генералы-евреи не проигрывают войн. И до сих пор его никто не опроверг. Поэтому каждый еврей в Боевой школе мечтал стать Стратегом и с самого начала пользовался определенным авторитетом. И соответственно, вызывал к себе сильную неприязнь. Армию Крыс часто называли Кошерным отрядом — полуодобрительная-полунасмешливая калька с Ударного отряда Мэйзера Рэкхема. Многим

нравилось вспоминать, что, хотя в дни Второго нашествия американский еврей (президент) был Гегемоном альянса, израильский еврей — Стратегом, командующим обороной и МФ, а русский еврей — Полемархом флота, именно Ударный отряд Мэйзера Рэкхема — никому не известного, дважды судимого военно-полевым судом полукровки маори-новозеландца — разбил, а затем уничтожил вражеский флот в боях у Сатурна.

«Если уж Мэйзер Рэкхем смог спасти мир, какая разница, еврей ты или нет?» — говорили люди.

Но разница все ж была, и Носатый Рози это прекрасно понимал. Он иронизировал над собой не только чтобы предупредить насмешки антисемитов (почти все, у кого он выигрывал, хотя бы на время, но становились антисемитами), но и чтобы все понимали, кто он есть. Его армия стояла на втором месте в турнирной таблице и нацеливалась на первое.

— Я взял тебя сюда, гой, так как мне не нравится, когда думают, будто бы я могу выигрывать только с отборными солдатами. Все должны знать: я могу побеждать даже с такими клопами, как ты. Здесь у нас действуют только три правила: делай, что я говорю, и не ссы в постель.

Эндер кивнул. Он понял: Рози очень хочет,

чтобы он спросил про третье правило. Что Эндер и сделал.

— Это и были три правила. Мы тут все не очень сильны в математике.

Общий смысл был ясен. Победа в игре важнее всего.

— Твои тренировки с мокрозадыми младенцами окончены, Виггин. Завязывай. Ты теперь в одной армии с большими мальчиками. Пойдешь во взвод Динка Микера. С этой минуты он для тебя — Господь Бог.

— Кто же тогда ты?

— Специалист по кадрам, который нанял Бога себе в помощники, — улыбнулся Рози. — И тебе запрещается пользоваться компом до тех пор, пока не заморозишь за время сражения двух вражеских солдат. Это мне подсказывает инстинкт самосохранения. Я слыхал, ты гениальный программист. Не хочу, чтобы ты поимел мой комп.

Все вокруг покатились со смеху. Эндеру потребовалась пара секунд, чтобы определить причину веселья. Рози вывел на экран своего компа здоровенные мужские гениталии. Машина лежала на животе Рози, и изображение на экране приветливо махало из стороны в сторону. «Ну да, Бонзо должен был продать меня именно

такому командиру, — подумал Эндер. — И как это он умудряется выигрывать — при таком-то времяпрепровождении?»

Эндер нашел Динка Микера в игровой комнате. Тот не играл, просто сидел и смотрел.

— Меня направили к тебе, — сказал Эндер. — Я Эндер Виггин.

— Знаю, — кивнул Микер.

— Я теперь в твоем взводе.

— Знаю, — повторил тот.

— У меня довольно-таки мало опыта.

Динк поднял голову и взглянул на него:

— Слушай, Виггин, я все про тебя знаю. Почему, ты думаешь, я попросил Рози выцарапать тебя у Саламандр?

Значит, его никто никому не навязывал. Его выбрали, о нем просили, он был нужен.

— Почему? — спросил Эндер.

— Я наблюдал, как ты работаешь с новичками. В тебе что-то есть. Бонзо — круглый дурак, а я могу научить тебя большему, чем Петра. Она умеет только стрелять.

— Это тоже надо было освоить.

— Ты все еще двигаешься так, как будто боишься обмочить штаны.

— Так научи меня.

— Так учись.

— Я не собираюсь прекращать тренировки в свое свободное время.

— Я и не требую этого.

— Рози требует.

— Носатый Рози не может помешать тебе. Кстати, запретить тебе пользоваться компом он тоже не может.

— Тогда почему он отдал такой приказ?

— Слушай, Эндер, у командира ровно столько власти, сколько ты сам ему даешь. Чем больше ты его слушаешься, тем больше у него силы.

— А что помешает ему отомстить мне? — спросил Эндер, вспомнив оплеуху Бонзо.

— Я думал, ты именно поэтому решил заняться самообороной.

— Выходит, ты всерьез следил за мной?

Динк не ответил.

— Я не желаю ссориться с Рози. И хочу участвовать в сражениях, мне надоело сидеть в стороне.

— Твой рейтинг пойдет вниз.

Теперь промолчал Эндер.

— Знаешь, Эндер, могу тебе обещать: пока ты солдат моего взвода, в бою для тебя место найдется.

Эндер вскоре понял почему. Динк тренировал

свой взвод отдельно от всей армии Крыс, его ребята усердно работали и соблюдали дисциплину, сам он никогда не советовался с Рози и редко участвовал в общеармейских маневрах. Казалось, Рози командует одной армией, а Динк — другой, поменьше, и они лишь случайно занимаются в одной комнате.

Первое занятие Динк начал с того, что попросил Эндера показать атаку ногами вперед. Товарищам по взводу новый метод не понравился.

— Как можно атаковать, лежа на спине? — спрашивали они.

К удивлению Эндера, Динк не стал их поправлять: «На какой спине? Вы падаете по направлению к противнику».

Он оценил идею Эндера, но стоящей за ней системы ориентации в пространстве понять так и не смог. Динк был хорош, очень хорош, но привычка к постоянной однонаправленной силе тяжести сильно ограничивала его мышление.

Сейчас они отрабатывали захват вражеской звезды. Раньше, прежде чем попробовать метод Эндера, ребята всегда атаковали, выпрямившись в полный рост, и представляли собой прекрасные мишени. Даже сейчас, добравшись до звезды, они действовали одинаково.

— Через верх! — командовал Динк, и они прыгали.

К чести Микера, он приказал повторить атаку со словами:

— А теперь вниз головой.

Но ребята слишком привыкли полагаться на гравитацию, которой теперь не существовало, и, перевернувшись, вели себя крайне неуклюже, будто и вправду висели вниз головой.

Атаку ногами вперед возненавидели сразу. Динк настаивал. В результате возненавидели Эндера.

— Значит, теперь мы учимся воевать у залетных? — пробормотал кто-то вполголоса, но специально постаравшись, чтобы Эндер все услышал.

— Да, — ответил Динк, и они продолжили тренировку.

И вскоре освоили прием. После нескольких пробных перестрелок все наконец осознали, насколько трудно попасть в противника, атакующего ногами вперед, и новый метод заинтересовал всех без исключения.

В этот вечер Эндер впервые пришел на свою тренировку после целого дня упорной работы. Он валился с ног.

— Теперь, когда ты в настоящей армии, — сказал Алай, — тебе эти занятия не нужны.

— У тебя я могу научиться тому, чего не знает никто, — ответил Эндер.

— Динк Микер — самый лучший. Я слыхал, он командир твоего взвода.

— В таком случае давайте начинать. Я научу вас всему тому, что в меня вдалбливали сегодня.

И он прогнал Алая и две дюжины присоединившихся к ним мальчишек через те самые упражнения, что довели его сегодня до изнеможения, но все время добавляя новые детали, заставляя атаковать и маневрировать с одной или двумя замороженными ногами, а также использовать тела замерзших соратников, чтобы менять направление полета.

Примерно посреди тренировки Эндер заметил, что из дверного проема за ними наблюдают Петра и Динк. Когда минут через десять он снова посмотрел туда, их уже не было.

«Значит, за мной следят и все, что я здесь делаю, сразу становится известным». Он не знал, считать ли Динка Микера своим другом, он мог сказать это лишь о Петре, впрочем тоже без особой уверенности. Их могло разозлить то, что он тренировал солдат, а значит, самовольно возвел

себя в командиры армии — ну или, по крайней мере, во взводные. Также их могло оскорбить то, что он, солдат, так тесно общается с залетными. То, что старшие наблюдают за ним, встревожило Эндера, лишило его уверенности.

— Я, кажется, запретил тебе пользоваться компом. — Носатый Рози остановился у койки Эндера.

Эндер даже не поднял головы:

— Я делаю тригонометрию на завтра.

Рози пихнул коленом комп:

— Я запретил тебе.

Эндер положил машину на кровать и встал:

— Тригонометрия мне нужна больше, чем ты.

Рози был выше его сантиметров на сорок, но Эндера это не беспокоило. Вряд ли дело дойдет до драки, а если и дойдет, Эндер сможет постоять за себя. Рози был ленив и не владел приемами рукопашного боя.

— Ты ползешь вниз в таблице личных зачетов, — сменил пластинку Рози.

— Ничего удивительного. Я занял первое место потому, что армия Саламандр использовала меня самым идиотским образом.

— Идиотским? Стратегия Бонзо помогла ему выиграть несколько ключевых сражений.

— Стратегия Бонзо не годится даже для уличной драки. Я нарушал его приказ всякий раз, когда нажимал на курок.

Рози этого не знал. А потому разозлился:

— Значит, Бонзо про тебя мне лапшу на уши вешал. Ты не только мал и некомпетентен, ты еще и смутьян.

— Зато я в одиночку превратил поражение в ничью.

— Посмотрим, как ты в следующий раз справишься в одиночку, — сказал Рози и отбыл.

— Малыш, ты туп как пробка, — покачал головой один из солдат Динка Микера.

Эндер взглянул на Динка, возившегося со своим компом. Тот поднял голову, заметил, что Эндер наблюдает за ним, и спокойно, без всякого выражения посмотрел ему в глаза. «Ерунда. Все о'кей, — подумал Эндер. — Я смогу о себе позаботиться».

Сражение произошло через два дня. Эндеру впервые предстояло сражаться в составе взвода, и он нервничал. Взвод Динка выстроился вдоль правой стены коридора, и Эндер тщательно следил за собой, чтобы случайно не прислониться к стене или не перенести вес тела на одну из ног. Стоять надо ровно.

— Виггин! — выкрикнул Носатый Рози.

Эндер почувствовал, как страх пробрал его от горла до паха, и, сам того не желая, вздрогнул. Рози заметил это:

— Дрожишь? Трепещешь? Смотри не намочи штаны, наш залетный малыш. — Рози зацепил пальцем пистолет Эндера и подтащил мальчика к силовому полю, скрывавшему боевую комнату. — Посмотрим, как ты справишься сейчас, Эндер. Как только дверь откроется, ты прыгнешь и полетишь вперед, к воротам противника.

Самоубийство. Бессмысленное, бесцельное самоуничтожение. Но теперь он должен выполнять приказы, это сражение, а не учеба. Какое-то мгновение Эндер молча бесился, потом заставил себя успокоиться.

— Прекрасно задумано, сэр, — кивнул он. — Я буду стрелять по главному скоплению сил противника.

— У тебя не будет на это времени, малютка, — рассмеялся Рози.

Стена исчезла. Эндер подпрыгнул, ухватился руками за поручень на потолке и швырнул себя вперед и вниз — к вражеским воротам.

Это была армия Сороконожек, и Эндер находился уже в середине боевой комнаты, когда они

начали появляться из своих ворот. Многие успели нырнуть под прикрытие звезд, но Эндер согнул ноги, выставил между ними пистолет и принялся стрелять, выводя из строя вражеских солдат одного за другим, как только они появлялись.

Конечно, ноги ему тут же заморозили, но у Эндера оставалось еще три драгоценных секунды до того, как противник сможет попасть ему в корпус и вывести его из боя. Он подстрелил еще пару человек, после чего расставил руки в стороны. Правая рука с пистолетом указывала прямо на главные силы армии Сороконожек. Он успел трижды нажать на спуск, а потом в него попали.

Еще через мгновение он врезался в силовое поле вражеских ворот и, завертевшись безумным волчком, влетел прямо в группу вражеских солдат, укрывавшихся за звездой. Они оттолкнули его прочь, и он закружился еще быстрее. Весь остаток сражения он колотился в стены, хотя постепенно сила трения о воздух замедлила его полет. Эндер не знал, скольких ему удалось заморозить, прежде чем заморозили его самого, но было ясно, что армия Крыс, как всегда, победила.

После сражения Рози не сказал ему ни слова. В личном зачете Эндер все еще оставался первым: он убил троих, покалечил двоих и задел еще

семерых. Тема о неподчинении больше не поднималась, и Эндер мог спокойно заниматься со своим компом. В эти часы Рози старался держаться своей стороны спальни и не лезть к нему.

Атака Эндера оказалась воистину сокрушительной, и Динк Микер начал натаскивать своих солдат как можно быстрее выпрыгивать из коридора.

— Если один человек покалечил чуть ли не половину армии, подумайте, что может сделать целый взвод.

Также Динк уговорил майора Андерсона открывать во время тренировок ворота посреди стены, а не возле пола, чтобы солдаты могли заниматься в условиях, приближенных к боевым. По школе сразу прошел слух. Теперь никто не мог позволить себе толкаться у входа пять-десять-пятнадцать секунд, разведывая обстановку. Игра изменилась.

Сражения продолжались. Теперь Эндер воевал как положено, вместе со своим взводом. Допускал ошибки. Проигрывал стычки с противником. В личном зачете опустился на второе место, потом на четвертое. Но со временем Эндер освоился с системой взаимодействий внутри взвода, и ошибок стало меньше. Он перескочил на третье

место, потом на второе, потом на первое — где и остался.

Однажды после дневных занятий Эндер задержался в боевой комнате. Еще раньше он подметил, что Динк Микер обычно опаздывает на обед, и решил, что тот, видимо, посвящает это время дополнительным тренировкам. Эндер не был голоден, и ему очень хотелось выяснить, что же за маневры отрабатывает Динк, когда его никто не видит.

Но Динк не тренировался. Он стоял у дверей и наблюдал за Эндером.

Эндер также остановился посреди комнаты и смотрел на Динка.

Оба молчали. И без слов было ясно, что Динк ждет, когда уйдет Эндер. И было также ясно, что Эндер уходить не собирается.

Тогда Динк повернулся к Эндеру спиной, аккуратно снял боевой костюм, мягко оттолкнулся от пола и медленно, очень медленно поплыл к центру комнаты. Его тело полностью расслабилось, — казалось, его ноги и руки колышет несуществующий ветер.

После бешеных скоростей и постоянного напряжения тренировки было наслаждением просто смотреть, как он плывет. Минут десять Динк

летел до противоположной стены, потом резко оттолкнулся, вернулся к своему костюму и быстро натянул его.

— Пошли, — сказал он Эндеру.

Они вернулись в спальню. Комната была пуста: все ушли на обед. Каждый подошел к своей койке и сменил костюм на комбинезон.

— Почему ты задержался? — спросил Динк.

— Не был голоден.

— Что ж, теперь ты знаешь, почему я не командир.

Эндер и правда не раз гадал об этом.

— Меня уже дважды пытались повысить, но я отказывался.

— Отказывался?

— Во второй раз у меня отобрали шкафчик, койку и комп. Мне выделили отдельную комнату, дали армию. Тогда я просто отказался выходить, пока они не сдались и не перевели в подчинение другому командиру.

— Почему?

— Потому что я не позволю делать это со мной. Не могу поверить, Эндер, что ты еще не разгадал их игру. Впрочем, ты еще очень молод. Те, другие армии вовсе не враги нам. Наш настоящий враг — это учителя. Именно они заставляют нас

драться, ненавидеть друг друга. Игра стала для нас всем. Побеждай, побеждай, побеждай. Только эти победы ничего не дают. Мы загоняем себя в гроб, сходим с ума, пытаясь победить друг друга, а эти старые сволочи тем временем наблюдают за нами, изучают, отыскивают слабые места и решают, достаточно ли мы хороши. Достаточно хороши для чего? Мне было шесть лет, когда меня привезли сюда. Что я мог тогда знать? Они решили, что я гожусь для их чертовой программы, но никто никогда не спрашивал, годится ли программа для меня.

— Так почему ты не вернешься домой?

Динк криво усмехнулся:

— Потому что не могу бросить игру. — Он погладил жесткую ткань боевого костюма, лежавшего перед ним на койке. — Я люблю все это.

— Тогда отчего бы тебе не стать командиром?

— Никогда, — покачал головой Динк. — Посмотри, что они сделали с Розеном. Парень свихнулся. Носатый Рози… Спит вместе с нами, а не в своей комнате. Знаешь почему? Он боится оставаться один, Эндер, боится темноты.

— Рози?

— Но его сделали командиром, и он обязан вести себя соответственно. Он не знает, что делает.

Он выигрывает — и это пугает его больше всего, ведь он никак не может взять в толк, почему все время выигрывает, а лишь догадывается, что к этому какое-то отношение имею я. В любую минуту кто-нибудь может понять, что Розен вовсе не сказочный израильский генерал, который выигрывает, несмотря ни на что. Он вообще не знает, почему команды выигрывают или проигрывают. Да и никто не знает.

— Все это не значит, что он сумасшедший, Динк.

— Я знаю, ты пробыл здесь всего год и считаешь, что эти люди нормальны. Ты не прав, они ненормальны. Мы все ненормальны. Я рылся в библиотеке, вывернул наизнанку свой комп, читал старые книги, ты ведь знаешь, новых нам не дают, — так или иначе, я составил примерное представление о том, что такое дети. Так вот, мы не дети. Ребенок может проигрывать и спокойно забывать об этом, и никому до этого нет никакого дела. Дети не состоят в армиях, они не бывают командирами, им не приходится управлять сорока другими ребятами — этот груз слишком тяжел, чтобы нести его и не спятить.

Эндер попытался припомнить, какими были дети в его старом классе, там, в городе, но вспом-

нил лишь Стилсона.

— У меня был брат, — продолжал Динк. — Обыкновенный парень. Его интересовали только девчонки. И полеты. Он хотел летать. А еще часто играл в мяч с другими ребятами. Ничего особого, отбираешь мяч у противника, ведешь его, стуча об пол, забрасываешь в кольцо. Они гоняли по коридорам, пока полицейский не отбирал мяч. Это было очень здорово. Брат как раз учил меня вести мяч, когда меня забрали.

Эндер вспомнил своего брата, и воспоминание это не было теплым.

Динк посмотрел ему в лицо и, видимо, неправильно истолковал его выражение.

— Эй, я понимаю, никто не говорит о доме. Это не принято. Но мы ведь откуда-то взялись. Не Боевая школа создала нас, ты же знаешь. Она вообще ничего не умеет создавать, только разрушает. И мы все вспоминаем дом. Может быть, не только добро, но мы помним, а потом лжем и притворяемся, что… Ты сам подумай, Эндер, почему никто никогда не говорит о доме? Не потому ли, что это слишком важно для нас? Только никто не желает признать, что… Вот черт!

— Ничего страшного, не волнуйся, — сказал Эндер. — Я просто вспомнил Валентину. Мою

сестру.

— Я не хотел тебя расстраивать.

— Все в порядке. Я стараюсь поменьше думать о ней, потому что всегда начинаю… Ну, как сейчас.

— Ну да. Мы никогда не плачем. Я даже не думал об этом. Никто никогда не плачет. Мы по-настоящему стараемся стать взрослыми. Такими, как наши родители. Готов поспорить — твой отец похож на тебя. На что угодно спорю — сначала он спокоен и терпит все, а потом взрывается и…

— Я совсем не похож на отца.

— Возможно, я ошибся. Но взгляни на Бонзо, своего прежнего командира. Запущенный случай испанского честолюбия. Он не может позволить себе иметь слабости. Превзойти его — значит оскорбить. Быть сильнее его — все равно что отрезать ему яйца. Вот почему он тебя ненавидит — тебе не было по-настоящему больно, когда он пытался тебя наказать. И не просто ненавидит, он хочет убить тебя. Он сумасшедший, все они сумасшедшие.

— А ты?

— Я тоже, малыш, я тоже, но, когда мне становится совсем худо, я иду в боевую комнату, плаваю там один, и безумие выходит из меня, оно впитывается в стены и остается там до следую-

щего боя. Пока маленькие мальчики не выгонят его, колотясь своими телами о стены.

Эндер улыбнулся.

— Ты тоже сойдешь с ума, — пообещал Динк. — Ладно, пошли есть.

— А вдруг ты сможешь стать командиром и не свихнуться? Ты ведь знаешь о своем безумии, и, возможно, это знание не позволит ему захватить тебя?

— Я не позволю этим гадам управлять мной. Тебя тоже взяли на примету, и добра от них не жди. Сам вспомни, как с тобой до сих пор обходились.

— Пока никак. Только повысили один раз.

— И это сделало твою жизнь легкой и приятной?

Эндер рассмеялся и покачал головой:

— Наверное, ты прав.

— Они думают, ты у них в кармане. Не поддавайся.

— Но я за этим и пришел сюда, — ответил Эндер. — Чтобы меня превратили в орудие. Чтобы я мог спасти мир.

— Ты что, правда веришь в это?

— Во что?

— В жукеров. В угрозу. В спасение мира. Слушай, Эндер, если бы жукеры собирались вернуться и

поиметь нас, они бы уже были здесь. Они не придут. Мы разбили их, и они оставили нас в покое.

— Но видео…

— Пленки, оставшиеся от Первого и Второго нашествий? Твой дед еще не родился, когда Мэйзер Рэкхем разгромил их. Да ты сам вглядись в то, что нам показывают. Это же фальшивка! Нет никакой войны, нам просто морочат голову.

— Но почему?

— Потому что, пока люди боятся жукеров, Международный флот пребывает у власти, а пока у власти Международный флот, некие определенные страны могут поддерживать свою Гегемонию. Смотри, смотри видео, Эндер. Люди скоро раскусят эту игру, и тогда начнется гражданская война, которая положит конец всем остальным войнам. Именно она, а никакие не жукеры угрожает человечеству. И в этой войне, если она начнется, мы с тобой окажемся по разные стороны. Потому что ты американец, как и наши дорогие учителя. А я — нет.

Они пошли в столовую и за обедом говорили совсем о другом. Но Эндер все время думал о словах Динка. Боевая школа была настолько изолирована, игра занимала такое место в мыслях ребят, что Эндер просто забыл о существовании внеш-

него мира. Испанское честолюбие. Гражданская война. Политика. Боевая школа на самом деле такая крошечная…

Но Эндер не поддерживал выводы Динка. Жукеры были настоящими, а угроза — реальной. Международный флот контролировал многое, но никак не видеоновости и компьютерные сети. Во всяком случае, не в той стране, где родился Эндер. На родине Динка, в Нидерландах, после трех поколений русской Гегемонии — может быть. Но в Америке не получится лгать так долго. Значит, это правда.

Он верил, но зерно сомнения было посеяно в его душе, осталось там и проросло, изменив все. Оно научило Эндера внимательнее вслушиваться в то, что люди подразумевают, а не в то, что говорят. Оно сделало его мудрее.

На вечернюю тренировку пришло очень мало ребят. Вполовину меньше, чем на прошлую.

— А где Бернард? — спросил Эндер.

Алай улыбнулся. Шен загадочно закатил глаза.

— Ты чё, не слыхал? — удивился парнишка из залетных, прибывших позже Эндера — Болтают, мол, те, кто ходит на твои занятия, могут сказать до свиданья своей карьере. Типа ни в одной армии они ничего не добьются. Командирам не

нужны солдаты, испорченные твоими методами тренировки.

Эндер кивнул.

— Только я как соображаю? — продолжал тот же мальчишка. — Коли я стану хорошим солдатом, любой командир, хоть чегой-то смекающий, сразу за меня ухватится. Не?

— Ухватится, — твердо пообещал Эндер.

И они начали работать. Спустя полчаса, как они принялись тренироваться отскакивать от замерзших тел других солдат, в боевую комнату вошли несколько командиров в комбинезонах разного цвета и демонстративно стали записывать имена присутствующих.

— Эй! — прокричал Алай. — Вы уверены, что записали мое имя правильно?

На следующий вечер ребят оказалось еще меньше. До Эндера тоже начали доходить всякие слухи. Залетных сбивали с ног в дуґше, произошло несколько очень неприятных «несчастных случаев» в столовой и в игровой. Кто-то из старших взломал примитивную школьную систему защиты и перевернул вверх дном файлы непослушных.

— Сегодня тренировки не будет, — сказал Эндер.

— Черта с два, — возразил Алай.

— Давай подождем пару дней. Не хочу, чтобы малыши страдали из-за подобной чепухи.

— Если мы уступим — пусть даже на один-единственный вечер, — все решат, что это работает, и примутся за нас всерьез. Это как если бы ты уступил Бернарду в те времена, когда он вел себя как настоящая свинья.

— Кроме того, — добавил Шен, — мы не боимся. Нам плевать. Ты должен продолжать хотя бы ради нас. Нам нужны эти тренировки. Как и тебе.

Эндер вспомнил слова Динка Микера. Игра была сущей ерундой по сравнению со всем остальным миром. Зачем отдавать каждый вечер своей жизни этой дурацкой, дурацкой игре?

— В такой обстановке мы много не наработаем, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

Но Алай остановил его:

— Тебя что, тоже напугали? Бьют в дуґше? Тыкают головой в толчок? Кто-то засунул тебе в очко пистолет?

— Нет, — ответил Эндер.

— Ты все еще мой друг? — уже спокойнее спросил Алай.

— Да.

— Тогда я тоже твой друг, Эндер. И я остаюсь,

чтобы заниматься с тобой.

К ним снова заявились старшие, но на этот раз среди них почти не было командиров. В основном — солдаты разных армий. Эндер узнал зелено-оранжевые комбинезоны Саламандр. Пришли даже несколько Крыс. Теперь уже имен не записывали — просто кричали, издевались, передразнивали каждое движение, насмехаясь над попытками залетных освоить сложные маневры. Кое-кто из младших начал закипать.

— Слушайте их внимательно, — обратился Эндер к остальным. — Запоминайте слова. Если когда-нибудь понадобится вывести противника из равновесия, это здорово пригодится. Ярость заставляет делать глупости. Но нас-то ничем не проймешь.

Шен всем сердцем принял эту идею и заставил свою группу из четырех залетных громко повторять каждую подколку пять или шесть раз. Когда младшие начали распевать ругательства на манер дразнилок, несколько старших мальчиков оттолкнулись от стены и полезли в драку.

Костюмы, приспособленные для войн, в которых вместо оружия использовался безобидный свет, плохо защищали от ударов и сильно замедляли движения, когда речь шла о рукопашном

бое в невесомости. Так или иначе, половина младших была заморожена и не могла сражаться, хотя как раз их «замороженность» можно было попробовать использовать. Эндер быстро приказал своим собраться в углу комнаты. Старшие заржали еще громче, а некоторые из тех, кто стоял у двери, присоединились к нападавшим, увидев, что противник напуган.

Эндер и Алай швырнули одного из замороженных солдат прямо в лицо первому громиле. Их снаряд устремился шлемом вперед и, столкнувшись с мишенью, закувыркался прочь, но и нападавший отлетел к потолку, схватившись за грудь и вопя от боли.

Шутки кончились. Теперь все старшие покинули наблюдательный пост, чтобы включиться в бой. Эндер уже не надеялся, что дело обойдется без серьезных повреждений. Правда, враги наступали неловко, они не умели координировать действия, так как никогда не работали вместе. Зато солдаты маленькой армии Эндера — дееспособных осталось не больше дюжины — хорошо знали друг друга и привыкли действовать согласованно.

— Работаем сверхновую! — крикнул Эндер.

Его солдаты ответили смехом. Они мгновенно

разбились на три группы, присели на корточки и взялись за руки, образовав тем самым своеобразные многолучевые звезды на фоне задней стены.

— Обходим противника и направляемся к двери! А теперь — вперед!

По сигналу все три звезды «взорвались». Младшие разлетелись в разных направлениях под такими углами, что надо было всего раз оттолкнуться, чтобы достичь ворот, тогда как нападавшие болтались в середине комнаты, где изменить курс было труднее, а при их несогласованности и вовсе невозможно.

Эндер рассчитал все так, чтобы столкнуться с тем замороженным мальчиком, которого они использовали в качестве снаряда. Тем временем тот уже успел оттаять. Эндер схватил его за руку, развернул и толкнул к двери. К несчастью, из-за этого самого Эндера отбросило назад и скорость его существенно уменьшилась. Теперь он медленно плыл обратно к дальнему концу комнаты, где уже собрались старшие. Повернув голову, он убедился, что все его бойцы в безопасности у самых ворот.

И в этот самый момент разъяренный, обманутый враг заметил его. Эндер прикинул, как скоро сможет добраться до стены, чтобы оттолкнуться

снова. Недостаточно быстро. Несколько старших уже направлялись к нему. И к ужасу Эндера, Стилсон тоже был среди них. Мальчика затрясло, но тут он сообразил, что ему мерещится. А ситуация была похожая, только на этот раз единоборства не получится: у нападавших не было вожака и все они много больше Эндера.

Но на занятиях по рукопашному бою он успел кое-что узнать о массе тела и инерции, а еще он изучал кинетику — физику движущихся объектов. Во время сражений дело редко доходило до рукопашной — с незамороженным противником ты мог столкнуться, только если сам был заморожен. За оставшиеся несколько секунд Эндер разработал план и занял позицию.

На его счастье, противники знали о драке в невесомости еще меньше, чем он. Те немногие, кто попытался на него замахнуться, обнаружили, что совершенно бессмысленно наносить удар, если сам отлетаешь назад с той же скоростью, с которой выкидываешь руку вперед. Но кое-кто из старших явно намеревался переломать кости наглому выскочке. Впрочем, Эндер не собирался этого дожидаться.

Он ухватил за кулак одного из замахнувшихся и изо всех сил толкнул его. Это отбросило Эндера

с курса атаковавших, хотя и не приблизило к воротам.

— Стойте на месте! — прокричал он друзьям, уже построившимся, чтобы лететь ему на выручку. — Не надо! Оставайтесь на месте!

Кто-то крепко схватил Эндера за ногу, тем самым предоставив ему точку опоры. Эндер немедленно воспользовался этим и с силой опустил вторую ногу на ухо и плечо нападавшего. Заорав, тот выпустил его. Если бы противник разжал руки в момент удара, то пострадал бы куда меньше — Эндер бы просто оттолкнулся от него. Но он очень не хотел отпускать врага, и вот теперь его ухо было полуоторвано, а в воздухе плавали капельки крови.

«Я снова делаю это, — подумал Эндер. — Снова причиняю людям боль, чтобы спасти себя. Почему меня просто не оставят в покое? Я не хочу ни с кем драться».

В результате столкновения скорость Эндера еще упала. Теперь на него двигались сразу трое, и в отличие от остальных они работали согласованно. Но прежде чем ударить Эндера, им нужно было его схватить. Эндер развернулся так, чтобы двоим из них удалось поймать его за ноги; тогда руки останутся свободными и он сможет разо-

браться с третьим.

Естественно, они купились на приманку. Эндер схватил третьего противника за воротник, резко дернул вверх и одновременно наклонился так, чтобы лицо парня врезалось прямо в шлем Эндера. Снова крик и фонтан крови. Оставшиеся двое повисли на его ногах, выкручивая их. Эндер швырнул мальчишку с разбитым носом в одного из них — они столкнулись, и правая нога освободилась. Дальше все было просто: использовать захват как точку опоры, ударить противника ногой в пах, а потом оттолкнуться от него в сторону ворот. Толчок получился слабенький, потому и скорость Эндер набрал небольшую. Но это не имело значения. Больше никто его не преследовал.

Он спокойно долетел до ворот. Друзья поймали его и втащили внутрь. Они смеялись, хлопали его по плечам.

— Ты плохой! — кричали они. — Ты страшный! Ты всех рвешь!

— На сегодня занятия окончены, — сказал Эндер.

— Завтра они вернутся, — заметил Шен.

— Им же хуже, — улыбнулся Эндер. — Если они явятся без костюмов, повторим сегодняшний номер, если в костюмах — мы их заморозим.

— Да и, кроме того, — вступил Алай, — учителя не допустят повторения случившегося.

Эндер вспомнил слова Динка и усомнился в правоте Алая. Он развернулся, чтобы уйти.

— Эй, Эндер! — крикнул ему в спину один из старших. — Ты ничто! И останешься ничем!

— Бонзо, мой бывший командир… — заметил Эндер. — По-моему, он меня недолюбливает.

Вечером Эндер затребовал на свой комп сводку происшествий. За медицинской помощью обращались четверо. У одного были сломаны ребра, у другого синяк в паху, у третьего порвано ухо, а у четвертого сломан нос и не хватало одного зуба. Причина повреждений у всех четверых оказалась одинаковой:

НЕСЧАСТНЫЙ
СЛУЧАЙ В НЕВЕСОМОСТИ.

Если учителя написали такое в официальной сводке, совершенно очевидно, что они не намерены никого наказывать за эту безобразную заварушку в боевой комнате. Они что, вообще ничего не собираются предпринимать? Их не волнует, что творится во вверенной им школе?

И поскольку Эндер вернулся в спальню раньше обычного, то вызвал на экран свою волшебную

игру. Он уже и не помнил, когда играл в последний раз. Видимо, давно: его фигурка возникла вовсе не там, где он остановился в прошлый раз. Игра началась у тела погибшего Великана. Только теперь оно уже не выглядело телом. Чтобы понять, что оно когда-то было Великаном, следовало чуть отойти и присмотреться повнимательнее. Тело наполовину утонуло в холме, поросло травой и диким виноградом. Виднелась только верхняя часть черепа Великана — белая кость, словно кусок известняка, торчала из бесформенного холма.

Эндеру не доставляла удовольствия мысль о предстоящей схватке с детьми-оборотнями, но, к его удивлению, детская площадка оказалась пуста. Наверное, как и Великан, раз умерев, они не воскресали. Это слегка опечалило Эндера.

Он прошел той же дорогой к колодцу, спустился в него, по туннелям добрался до площадки на вершине утеса, что над самым лесом, снова прыгнул, и опять туча подхватила его и унесла в комнату в башне замка.

И снова коврик начал превращаться в змею, только на этот раз Эндер не сомневался ни секунды. Он быстро наступил гадине на голову и раздавил ее ногой. Змея дергалась и извивалась

под ним, но он все сильнее вдавливал ее голову в каменные плиты. Наконец змея затихла. Эндер поднял ее и несколько раз встряхнул, пока она не развернулась, перестав быть узорчатым ковриком. Все еще сжимая змею в руках, он оглянулся по сторонам в поисках выхода.

И увидел зеркало, а в нем — лицо, которое сразу же узнал. Это был Питер. Кровь капала с его подбородка, а из уголка рта торчал слабо подергивавшийся кончик змеиного хвоста.

Эндер вскрикнул и отшвырнул комп прочь. Несколько ребят, соседей по спальне, кинулись было на его крик, но он извинился и успокоил их, заверив, что все в порядке. Они вернулись на свои койки. Тогда он подобрал комп и снова поглядел на экран. Его фигурка все еще стояла там, уставившись в зеркало. Он попробовал разбить зеркало, но в комнате ничего подходящего не было, а со стены зеркало не снималось. В конце концов Эндер запустил в него змеей. Зеркало разлетелось на мелкие кусочки и открыло дыру в стене, откуда хлынули десятки маленьких змеек, сразу накинувшихся на Эндера. Тщетно срывая со своего тела змеек, он упал и умер, погребенный под кучей извивающихся гадов.

Экран потемнел, и по нему побежали слова:

Эндер отключил комп и сунул его в тумбочку.

На следующий день многие командиры лично пришли к Эндеру или прислали своих солдат, чтобы сказать, что он может не беспокоиться; большинство из них считали, что дополнительные занятия приносят только пользу и он, Эндер, просто обязан продолжать их. А чтобы обеспечить ему спокойную рабочую обстановку, они пошлют ему несколько ветеранов, которым не помешала бы лишняя тренировка.

— Эти ребята будут побольше тех жукеров, что напали на вас вчера. Не волнуйся, никто к вам больше не сунется.

В тот вечер с ним занимались сорок пять учеников — больше, чем армия. И то ли из-за того, что теперь на стороне Эндера были старшие, то ли потому, что вчерашнего оказалось вполне достаточно, враги больше не появлялись.

К волшебной игре Эндер так и не вернулся. Но она снилась ему. Он вспоминал свои ощущения, когда убивал змею и втаптывал ее в пол, когда отрывал ухо тому мальчику, когда уничтожал Стилсона и ломал руку Бернарду. А потом, держа на руках тело мертвого врага, вставал перед зер-

калом и видел там лицо Питера. «Эта игра знает обо мне слишком много. Только она грязно лжет. Я не Питер. В моем сердце нет места убийству».

И тогда приходил настоящий страх: а вдруг на самом деле он все же убийца, только во много раз хуже, опаснее Питера? Вдруг именно это и нравится в нем учителям? Ведь им, чтобы воевать с жукерами, нужен как раз убийца. Нужен человек, который способен втоптать врага в грязь, залить землю его кровью.

«Ну что ж. Значит, я тот, кто вам нужен. Я та самая кровожадная сволочь, о которой вы мечтали, зачиная меня. И пусть я от всего сердца ненавижу в себе то, что так нужно вам. Пусть я радовался, когда маленькие змейки меня убили. Все это не имеет значения, ведь я — ваше оружие».

9
Локк и Демосфен

— Я позвал вас вовсе не для того, чтобы тратить время на пустую болтовню. Как, черт побери, компьютер выкинул этот номер?

— Понятия не имею.

— Он откуда-то взял портрет братца Эндера, перевел изображение в графику и засунул его в эту свою дурацкую Волшебную страну. Как ему все это удалось?

— Полковник Графф, поверьте, я не имею к этому никакого отношения. И знаю только одно: до сих пор так далеко еще никто не забирался. Волшебная страна сама по себе довольно-таки странное место, а это даже не страна, это где-то за Концом Света и...

— Все эти названия я уже слышал. Только не понимаю, что они означают.

— Волшебная страна была создана достаточно давно. О ней довольно много упоминаний. Однако про Конец Света мы слышим впервые. Мы вообще не знаем, что это такое.

— У меня есть сильное ощущение, что компью-

тер пытается залезть в мозги этого мальчишки, и мне это очень не нравится. Питер Виггин, пожалуй, сильнее всех повлиял на личность Эндера. Ну, если не считать Валентины.

— Умная игра и была создана для того, чтобы формировать детей, помогать им находить миры, в которых им будет хорошо.

— Вы что, все еще не понимаете, майор Имбу? Я не хочу, чтобы Эндеру было «хорошо» при конце света. Мы находимся здесь как раз для того, чтобы этот самый конец предотвратить.

— Конец Света в компьютерной игре не обязательно означает гибель человечества от лап жукеров. Он может иметь для Эндера совершенно другое, личное значение.

— Прекрасно. Какое?

— Не знаю, сэр. Я не Эндер. Спросите его самого.

— Майор Имбу, я задал вопрос вам.

— Да этих значений могут быть тысячи…

— Назовите хоть одно.

— Вы изолировали мальчика. Возможно, он мечтает о конце ***этого*** *света, то есть Боевой школы. Или, наоборот, с переездом сюда для него умер прежний мир, тот, в котором он жил ребенком. А может, это реакция на драку в боевой комнате.*

Вы ведь знаете, Эндер очень чувствительный мальчик, а ему пришлось серьезно покалечить несколько человек. Отсюда и желание покончить с этим миром — с миром насилия.

— Или ничто из вышеперечисленного.

— Умная игра — это отношения ребенка с компьютером. Вместе они создают истории. И эти истории абсолютно правдивы — они отражают окружающую ребенка реальность. Это все, что я знаю наверняка.

— В таком случае я расскажу вам то, что знаю я, майор Имбу. Этот портрет Питера Виггина не мог быть получен из наших школьных файлов. Мы уничтожили его дело, в том числе и компьютерный файл, как только Эндер прибыл сюда. Кроме того, данный портрет сделан совсем недавно.

— Со времени поступления Эндера прошло всего полтора года, сэр. С тех пор его брат не мог сильно измениться.

— У него теперь другая прическа. Он целый год носил пластинку, и у него изменились очертания губ. Я запросил снизу свежую фотографию Питера и сравнил ее с изображением в игре. Компьютер Боевой школы мог получить этот портрет, только запросив его у стороннего компьютера. Причем гражданского, никак не связанного с

Международным флотом. А для этого нужны соответствующие полномочия. Мы не можем просто так отправиться в округ Гилфорд, Северная Каролина, и выдернуть фото из тамошних файлов. Спрашивается: кто в нашей школе подписал подобное разрешение, если я об этом не знаю?

— Вы не понимаете, сэр. Компьютер Боевой школы — это всего лишь часть сети Международного флота. Если нам требуется какой-либо портрет, мы сначала должны получить разрешение на его истребование, но если он становится необходим для игровой программы...

— Она идет и берет его.

— Такое не каждый день происходит. И делается это только во благо самого ребенка.

— Ладно, во благо так во благо. Но зачем? Почему? Его брат опасен, он не подошел для нашей программы, потому что это самый безжалостный, самый ненадежный человек, с которым мы когда-либо сталкивались. Почему он так важен для Эндера? Почему до сих пор так важен, ведь прошло столько времени?

— Если честно, сэр, я не знаю. А умная игра ничего не расскажет, так уж она устроена. Скорее всего, она и сама этого не знает. Мы все сейчас на

неизведанной территории.

— То есть наш компьютер импровизирует по ходу действия?

— Можно и так сказать.

— Что ж, мне стало немного легче. Я думал, я один такой.

Восьмой день рождения Эндера Валентина отпраздновала в одиночестве на заросшем лесом заднем дворе их нового дома в Гринсборо. Она очистила землю от листьев и сосновых иголок, а затем обломком ветки написала на красноватой почве имя. После чего построила маленький вигвам из иголок и палочек и разожгла костер. Серый горький дым поднялся к небу, к веткам сосен над головой. Лети, лети прямо в космос, в Боевую школу.

Оттуда не было писем, и, насколько она знала, письма семьи тоже не доходили по назначению. Когда Эндера увезли, отец и мать каждые несколько дней наговаривали по длинному письму. Потом это стало случаться раз в неделю. Потом — раз в месяц. Через два года никто писем уже не писал и о дне рождения не помнил. «Эндер умер, — с горечью думала Валентина, — потому что мы забыли его».

Все, кроме нее. Она скрывала от родителей — и

уж тем более от Питера, — как часто думает об Эндере, как часто пишет письма, которые он не получит и на которые так и не ответит. И когда мать и отец объявили о переезде сюда, в Северную Каролину, Валентина поняла: возвращения Эндера они больше не ждут, ведь они покидали единственное место, где он мог их найти. Как он узнает, что они теперь здесь? Как найдет их среди деревьев под тяжелым переменчивым небом? Он прожил всю свою жизнь в коридорах города, а в Боевой школе природы, наверное, и того меньше. Сможет ли он привыкнуть к новому дому?

Вообще-то, как говорили родители, они переехали сюда из-за Питера. Отец и мать надеялись, что жизнь среди «дикой» (по их мнению) природы, среди деревьев и мелкой живности смягчит странный и пугающий характер их старшего сына. В некотором роде так оно и вышло. Питер полюбил прогулки по открытой местности и долгие походы в окрестные леса. Иногда он уходил на целый день, прихватив с собой лишь комп и пакет сэндвичей в рюкзаке да перочинный ножик в кармане.

Но Валентина знала. Однажды она нашла полуосвежеванную белку, чьи маленькие лапки были приколоты сучьями к земле. Она будто наяву

видела, как Питер поймал зверька, распял его, а потом медленно и осторожно, чтобы не повредить внутренние органы, начал сдирать кожу, разглядывая дергающиеся и рвущиеся мускулы. Как долго умирала белка? И все это время Питер сидел рядом, прислонившись к стволу сосны, на которой, наверное, и было беличье гнездо, играл со своим компом и следил, как по капельке утекает жизнь его жертвы.

Сначала Валентина испугалась. За столом ее даже чуть не стошнило, когда она увидела, что Питер с аппетитом уплетает свой обед, весело болтая и улыбаясь. Но позднее, обдумав происшедшее, поняла, что для брата убийство было своего рода магией, жертвоприношением, — так он успокаивал темных богов, терзавших его душу. У нее тоже была своя магия — огонь. Пусть лучше мучит белок, а не других детей. Питер всегда был садовником боли — он сеял ее, бережно выращивал и жадно поглощал созревшие плоды. Пусть берет то, что ему нужно, в лесу, у зверюшек, а не у сверстников в школе.

— Образцовый мальчик, — говорили его учителя. — Вот бы все наши подопечные были такими же. Он все время занимается и работы вовремя сдает. Очень любит учиться.

Но Валентина знала, что все это — спектакль, подделка. Да, конечно, Питер любил учиться, но учителя ничего не могли ему дать. По-настоящему занимался он дома с компом. Рылся в библиотеках, в банках данных, сопоставлял, думал и (это было его любимое занятие) спорил с Валентиной. Но на людях он вел себя так, будто школьная рутина приводила его в восторг. «Ух ты, никогда бы не подумал, что лягушка внутри выглядит вот так», — говорил он, а дома, у экрана, разбирался, как филотические соединения ДНК связывают клетки в единый организм. Питер был королем лести, и учителя не могли против него устоять.

Но были и хорошие перемены. К примеру, Питер перестал драться. Больше не задирался, а наоборот, стал уживчив. Это был новый Питер.

И все в это верили. Отец и мать повторяли это так часто, что Валентине хотелось выкрикнуть им в лицо: «Никакой это не новый Питер! Это все тот же старый Питер, только хитрее!

Намного ли? Ну, тебя, папа, он обвел вокруг пальца. И тебя, мама, тоже. Он хитрее вас всех.

Но не хитрее меня».

— Я вот все думаю, — неожиданно раздался голос Питера, — убить тебя или нет?

Валентина прислонилась к стволу сосны, от костерка осталась только кучка едва тлевших углей.

— Я тоже люблю тебя, Питер.

— Это так легко. Ты вечно играешься с этим своим огнем. Надо просто дать тебе по башке и поджечь. Ой, она так любила играть со спичками…

— А я, представь, думала о том, как бы кастрировать тебя во сне.

— Не-а, врешь. Ты думаешь об этом, только когда я рядом. Я пробуждаю в тебе лучшие чувства. Нет, Валентина. Я решил, что не стану убивать тебя. Все будет иначе — отныне ты станешь мне помогать.

— Да ну?

Несколько лет назад угрозы Питера напугали бы Валентину до чертиков. Но сейчас она не боялась. Действительно ли он мог убить ее? Конечно, никаких сомнений. Он был способен на самые ужасные, самые кошмарные вещи на свете. Но кем-кем, а сумасшедшим он не был, ведь сумасшедшие не отвечают за свои действия. Питер же управлял собой лучше, чем кто бы то ни было, кроме, пожалуй, ее самой. Питер мог отложить до лучших времен любое желание, скрыть

любое чувство. А потому Валентина знала, что в самом черном приступе ярости он не причинит ей боли. Он сделает это только в том случае, если блага, которые он получит от убийства, перевесят риск. А было как раз наоборот. Вот почему она предпочла бы Питера многим другим. В любой ситуации ее братом двигал разумный эгоизм, и для того, чтобы тебе ничего не угрожало, надо было просто сделать так, чтобы ты была нужнее Питеру живой, чем мертвой.

— Валентина, мне в голову пришла пара интересных мыслей. Я тут отслеживал передвижения русских войск…

— О чем мы говорим?

— О мире, Вэл. Россию знаешь? Большую такую империю? Второй Варшавский договор? Парней, которые правят Евразией — от Нидерландов до Пакистана?

— Так они же не публикуют эту информацию, Питер.

— Конечно нет. Зато очень даже публикуют расписания своих пассажирских и грузовых поездов. Ну я и заставил свой комп просчитать эти расписания и таким образом выяснить, когда обычные маршруты используются для тайного перемещения войск. Загнал туда сведения за

последние три года. И получается, что последние шесть месяцев парни гоняют туда-сюда на всех парах. А значит, Россия готовится к войне. К войне на суше.

— А Лига? А жукеры? Они куда денутся?

Валентина не вполне понимала, к чему ведет Питер, но он довольно часто втягивал ее в такие вот споры касательно мировой обстановки. Он проверял и обкатывал на ней свои идеи, но и она училась лучше формулировать свои мысли, строить дискуссию. И хотя они придерживались противоположных точек зрения на то, каким должен быть мир, они редко расходились во мнениях о его нынешнем состоянии. И Питер, и Валентина уже давно научились читать между строк новости, поставляемые безнадежно неграмотными и непроходимо тупыми журналистами. Новостным стадом, как их называл Питер.

— Полемарх у нас русский, так? И ему по должности положено знать, что происходит во флоте. В общем, либо они выяснили, что жукеры больше не представляют опасности для Земли, либо скоро состоится генеральное сражение. Так или иначе, война с жукерами будет окончена. И сейчас они готовятся к тому, что случится после войны.

— Если они перемещают войска… Это может

осуществляться только с ведома Стратега.

— Внутренние перевозки. Все в пределах стран Варшавского договора.

Валентина всерьез забеспокоилась. Со времен Первого нашествия страны всячески поддерживали видимость мира и сотрудничества. Питер обнаружил трещину в здании миропорядка. Валентина отлично представляла себе, каким был мир, пока жукеры не навязали планете единство.

— И опять все станет как было.

— Кое-что изменится. Теперь, когда у нас есть щиты, ядерное оружие можно положить на полку. Нам придется убивать друг друга тысячами, а не миллионами. — Питер ухмыльнулся. — Вэл, это просто обязано было случиться. Что мы имеем? Международную армию и Международный же космический флот под фактическим руководством Северной Америки. Но как только война окончится, эти международные войска сразу растворятся в воздухе, потому что вместе их держит только страх перед жукерами. Однажды утром мы проснемся и обнаружим, что все союзы и альянсы распались и пошли прахом. Все, кроме одного — Варшавского договора. Это будет очень интересное сражение: доллары против пяти

миллионов лазеров. Да, мы хозяйничаем в Поясе астероидов, но там очень быстро кончаются изюм и сельдерей — без поставок-то с Земли. А на Земле хозяевами будут они.

Больше всего беспокоило Валентину то, что Питер говорил о грядущей катастрофе поразительно беспечно.

— Питер, интересно, почему у меня возникло ощущение, что ты думаешь обо всем этом как о золотом шансе для некоего Питера Виггина?

— Для нас обоих, Вэл.

— Тебе всего двенадцать лет. А мне — десять. Есть даже специальное слово для людей нашего возраста. Нас называют детьми. И обращаются с нами как с мышками.

— Но, Вэл, мы же с тобой отличаемся от обычных детей. Мы не так думаем. Не так говорим. И самое главное — не так пишем!

— Напомню, наша дискуссия началась с угрозы убить меня. Питер, по-моему, мы слегка отклонились от темы.

И все ж ее охватило приятное возбуждение. О да, писала она куда лучше Питера. Они оба понимали это. Питер сам признал это однажды. Мол, он умеет находить в людях то, за что они себя ненавидят, и потом шантажирует их этим,

тогда как Вэл сразу видит то, что людям в себе нравится, и к ним подлизывается. Выражение циничное по форме и правильное по сути. Валентина кого угодно могла заставить согласиться с ее точкой зрения, могла убедить человека, что ему хочется именно того, чего она хочет, чтобы ему хотелось. А Питер мог лишь заставлять людей бояться того, чего он хотел, чтобы они боялись. Когда он впервые объяснил все это Валентине, та не согласилась. Ей хотелось верить, что она выигрывает в спорах потому, что права, а не оттого, что умнее. Она постоянно твердила себе, что она не такая, как Питер, и не хочет манипулировать людьми, даже не пытается этого делать, — и все же ей нравилось знать, что она способна влиять на взрослых, не только на их действия, но и на желания. Ей было стыдно получать удовольствие от этой власти, но время от времени она пользовалась ею. Чтобы заставить учителей и одноклассников сделать то, что ей хотелось. Чтобы убедить в чем-то мать или отца. Иногда ей даже Питером удавалось управлять. И это было страшнее всего — она понимала Питера настолько, что могла залезть в его шкуру и посмотреть изнутри. В ней было больше от Питера, чем она решалась признать, хотя иногда она все же отваживалась

думать об этом. Вот и сейчас, пока Питер говорил, в ее голове неотвязно крутилось: «Ты мечтаешь о власти, Питер, но по-своему я намного сильнее тебя».

— Я изучал историю, — сказал Питер. — Модели поведения людей, групп людей. Есть времена, когда весь мир начинается перестраиваться, и тогда все можно изменить — одним-единственным правильным словом. Это сделал в Афинах Перикл, а потом и Демосфен…

— Ну да, они умудрились дважды развалить Афины.

— Перикл, допустим, да. Но Демосфен-то оказался прав насчет Филиппа Македонского…

— Или спровоцировал его.

— Ага. Вот этим и занимаются историки: спорят о причинах и следствиях. А на самом деле все гораздо проще. Бывают моменты, когда мир балансирует на грани, и в такие времена правильные слова могут его в корне изменить. Вспомни, например, Томаса Пейна и Бена Франклина. Бисмарка. Ленина.

— Это несколько разные случаи, Питер.

Теперь она возражала ему только по привычке, так как уже поняла, куда он клонит. Это было возможно. Да. Возможно.

— Я и не надеялся, что ты поймешь. Ты до сих пор веришь, что в школе можно научиться чему-нибудь стоящему.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, Питер. Значит, ты видишь себя Бисмарком?

— Я вижу, как можно внедрять идеи в сознание общества. Я знаю, как это делать. Сама вспомни, Вэл. Вот тебе приходит в голову хорошая идея, ты ее произносишь вслух, а через две недели или через месяц слышишь, как один незнакомый тебе взрослый повторяет ее кому-нибудь еще, тоже совершенно постороннему человеку. Или ты видишь ее на видео, вдруг натыкаешься на нее в Сети…

— Ну, я тоже где-то подхватила эти слова, до того, как их «придумать»…

— Ты сильно ошибаешься, сестренка. В этом мире только две, может, три тысячи человек могут сравниться с нами своими умственными способностями. Большинство из них как-то перебиваются с хлеба на воду. Преподают, бедолаги, или что-нибудь исследуют. И лишь немногие обладают реальной властью.

— И мы принадлежим к числу этих счастливцев.

— Смешно, как одноногий кролик, Вэл.

— Наверняка их хватает в здешних лесах.

— И все они прыгают не по прямой, а по кругу.

Валентина вообразила перемещающегося кругами кролика и, не сдержавшись, прыснула, но тут же возненавидела себя за то, что сочла этот кошмар смешным.

— Вэл, мы можем заставить весь мир повторять за нами. И можем это прямо сейчас. Нам не нужно ждать, пока мы вырастем, сделаем какую-то там карьеру…

— Питер, тебе всего двенадцать.

— Только не в Сети. Там я могу назвать себя любым именем. И ты тоже.

— В Сети у нас ученический допуск, поэтому наш возраст будет очевиден всем и каждому. К тому же это означает, что на настоящую дискуссию мы можем попасть только как слушатели. Никто нам слова не даст.

— У меня есть план.

— О, как всегда. — Она притворилась безразличной, но слушала очень внимательно.

— Мы сможем попасть в Сеть как полноправные взрослые и взять себе любое имя, какое только захотим, в случае, если отец предоставит нам свой гражданский допуск.

— И с чего бы ему это делать? Ученический-то у

нас есть. Этого должно с головой хватать. Как ты ему объяснишь: эй, пап, мне нужен твой допуск, чтобы захватить мир?

— Нет, Вэл. Я ему вообще ничего объяснять не буду. Это ты расскажешь ему о том, как обеспокоена моим состоянием. Мол, я из кожи вон лезу, чтобы в школе все было хорошо, но меня буквально сводит с ума то, что из-за моего возраста на меня все всегда смотрят сверху вниз. Я не могу общаться с разумными людьми на равных и бешусь из-за этого. И долго так не продержусь. Этому даже есть доказательства. Вот что ты ему расскажешь.

Валентина вспомнила мертвую белку на поляне и поняла, что эта находка тоже входила в планы Питера. А может, он включил ее в свои планы потом, когда увидел, что Валентина знает.

— Ты убедишь отца разрешить нам пользоваться его гражданским допуском. Объяснишь, что псевдонимы нужны нам, чтобы скрыть наш возраст. Чтобы люди могли оценивать нас по уму, а не по внешности и проявляли к нам соответствующее уважение.

Валентина частенько спорила с Питером, не соглашаясь с его идеями, но спорить с таким?.. Как? Что сказать ему в ответ? Не могла же она

спросить: «А с чего ты взял, что заслуживаешь уважения?» Она читала про Адольфа Гитлера. Интересно, каким он был в двенадцать лет? Не таким умным, как Питер, нет, но он наверняка тоже мечтал о славе и почестях. И что случилось бы с миром, если бы он еще в детстве попал в молотилку или под копыта лошади?

— Вэл, — сказал Питер, — я знаю, чту ты обо мне думаешь. Ты вовсе не считаешь меня этаким милым мальчиком.

Валентина кинула в него сосновой иголкой:

— Я пущу стрелу в твое черное сердце.

— Я давно собирался поговорить с тобой об этом. Но боялся.

Она засунула иголку в рот и дунула, изображая духовую трубку. Иголка не долетела до цели, упав на землю почти сразу.

— Еще один неудачный запуск. — Почему он притворяется слабым?

— Вэл, я боялся, что ты не поверишь мне. Не поверишь, что я могу это сделать.

— Питер, я верю, что ты способен на все. И нет такой пакости, которую ты рано или поздно не сотворишь.

— Но, знаешь, еще больше я боялся, что ты поверишь и попытаешься остановить меня.

— Да ладно тебе, Питер, опять угрожаешь меня убить?

Он в самом деле думает, что может обмануть ее, изображая милого неуверенного мальчика?

— У меня плохо с чувством юмора. Я извиняюсь. Ты же знаешь, это просто шутка. Без твоей помощи я не справлюсь.

— То, что нужно нашему миру. Двенадцатилетний мальчишка решит все наши проблемы.

— Ну я же не виноват, что мне двенадцать. И в том, что возможность открылась именно сейчас, тоже нет моей вины. Настало время, когда я могу управлять событиями. В эпоху перемен мир всегда склоняется к демократии, а потому побеждает самый сильный голос. Все думают, что Гитлер получил власть благодаря своим солдатам, их готовности убивать. И это отчасти верно, так как любая настоящая власть основывается на страхе смерти и бесчестья. Но его главной силой были слова, он умел говорить нужные слова в нужное время.

— Буквально только что я в своих мыслях сравнивала тебя с ним.

— У меня нет ненависти к евреям, Вэл. Я не хочу никого уничтожать. И войны тоже не хочу. Мне нужно, чтобы мир был единым. Разве это

плохо? Я не хочу, чтобы мы вернулись к старым временам. Ты читала про мировые войны?

— Да.

— Тогда должна понимать, что может произойти. Или того хуже. Однажды мы проснемся и узнаем, что живем под властью Варшавского договора. Чарующая перспектива, не правда ли?

— Питер, мы дети, разве ты не понимаешь? Ходим в школу, растем…

Она сопротивлялась Питеру, но очень хотела, чтобы он переубедил ее. Да, она хотела этого с самого начала.

Однако Питер еще не догадывался, что победил.

— Если я в это поверю, если приму это, мне придется сидеть в заднем ряду и ждать, смотреть, как одна за другой исчезают возможности, ведь, когда я вырасту, будет уже поздно. Послушай меня, Вэл. Я знаю, что ты думаешь обо мне, как ты ко мне относишься. Я был жестоким, злым братом. Я плохо обращался с тобой, изводил Эндера, пока его не забрали. Но это не от ненависти. Я люблю вас обоих. Мне просто необходимо… управлять, контролировать, понимаешь? Для меня нет ничего важнее власти — это мой дар, я вижу слабые места людей, знаю, как пользоваться этим. Мне

даже думать не приходится — все происходит само собой. Я мог бы стать бизнесменом, войти в большую корпорацию, я стал бы интриговать и маневрировать, пока не пробился бы на самый верх. И что получил бы в результате? Ничего. Мне нужно править, Вэл. Мне нужна власть. Но это должна быть власть над чем-то стоящим. Я хочу сделать то, что не удавалось никому. Объединить мир. И если будет новое нашествие, если после того, как мы разберемся с жукерами, придет новый враг, он обнаружит, что мы заселили тысячи планет, что мы ладим друг с другом и что нас невозможно уничтожить. Ты понимаешь? Я хочу спасти человечество от самоуничтожения.

Она никогда не слышала раньше, чтобы Питер говорил так горячо и искренне. Ни намека на ерничество, ни тени *лжи* в голосе. Он растет. Стал мастером. Или же на самом деле говорит то, что думает.

— Значит, двенадцатилетний парнишка и его младшая сестренка могут спасти мир?

— А сколько лет было Александру Великому? Да я и не собираюсь проделать это за одну ночь. Просто начинать надо уже сегодня. И я начну. Если ты поможешь мне.

— Не верю, что убийство тех белок было все-

го-навсего частью плана. Думаю, тебе просто нравится это делать.

И тут Питер закрыл лицо руками и заплакал. Валентина решила, что он притворяется, но потом забеспокоилась. Может быть, вполне вероятно, он действительно любит ее и вот сейчас, когда все стоит на кону, наконец открылся перед ней, показал свою слабость, чтобы завоевать ее любовь. «Он пытается дергать за ниточки, но это вовсе не значит, что он неискренен», — думала Валентина. Когда Питер отнял руки, его щеки были мокры от слез, а глаза покраснели.

— Знаю, — сказал он. — И боюсь этого больше всего на свете. Ну, что я и в самом деле чудовище. Я не хочу быть убийцей, просто не могу с этим справиться.

«И это Питер, который никогда не показывал слабости! Ах, какой ты умный, Питер. Ты сберег свои слезы, использовал их, чтобы в нужную минуту тронуть мое сердце. И добился своего. Ибо если хоть сотая доля того, что он сказал, правда, значит Питер вовсе не чудовище, значит я могу удовлетворить собственное стремление к власти, не опасаясь потерять человеческий облик, ведь меня влечет туда же, куда и его». Валентина понимала, что Питер просчитал ситуацию от и до, но

верила, что именно поэтому он говорит правду. Он проходил слой за слоем, пока не добрался до доверия, скрытого глубоко-глубоко внутри ее.

— Вэл, если ты мне не поможешь, я просто не знаю, в кого превращусь. Но если ты останешься со мной, будешь моим партнером, моей половиной, ты сможешь удержать меня от… Ну, сама знаешь от чего.

Она кивнула. «Ты лишь притворяешься, что хочешь разделить со мной власть, — подумала она, — но я могу управлять тобой, а ты об этом и не подозреваешь».

— Хорошо. Я помогу.

Как только отец согласился предоставить им свой гражданский допуск, Питер и Валентина начали экспериментировать. Они избегали тех областей, где нужно было называться настоящим именем. Это оказалось нетрудно: фамилию проверяли, только если речь шла о деньгах. Деньги им были не нужны. Им требовалось уважение, и они могли его заработать. В Сети, взяв себе фальшивое имя, они могли изображать кого угодно: стариков, пожилых женщин, ангелов Господних — нужно было только соблюдать определенную манеру письма. Люди будут судить о них только по словам, по их мыслям. В компьютерной Сети

все граждане равны.

На первом этапе они использовали подставные имена, а не те псевдонимы, которые, по плану Питера, должны были прогреметь на весь мир. Конечно, участвовать в больших национальных или международных политических форумах их пока не приглашали. Сначала нужно побыть слушателем, чтобы тебя избрали. Поэтому они слушали и учились, читали статьи, написанные известными людьми, следили за дискуссиями и сводками новостей.

А вот на собраниях поменьше, где простые люди могли высказать свое мнение о большой политике, они уже вели себя по-другому. Питер настаивал на том, что поначалу их высказывания должны быть скандальными и провокационными.

— Мы можем узнать, как работают наши статьи, только если получим ответную реакцию. А на тихое блеяние никто и внимания не обратит.

Они пустили фейерверк — и люди отозвались. Замечания, появившиеся в публичных сетях, были сплошь уксус, а те, что приходили по почте авторам лично, и вовсе источали яд. Зато теперь Питер и Валентина поняли, какие аргументы кажутся публике детскими и незрелыми. Они

учились.

Когда Питер наконец решил, что они пишут совсем как взрослые, он похоронил псевдонимы. Наступила вторая фаза плана: теперь надо было привлечь общественное внимание.

— Мы должны полностью разделиться, — сказал он. — Будем писать на разные темы. Ни в коем случае нельзя ссылаться друг на друга. Ты будешь работать в сетях Западного побережья, я — на юге. А теперь пошли делать домашнюю работу.

И они занялись домашней работой. Иногда мать и отца беспокоило, что Питер и Валентина почти все время проводят вместе, с компами под мышкой. Но жаловаться было не на что, так как оба приносили из школы отличные отметки и Валентина хорошо влияла на Питера. О да, ей удалось полностью изменить его. В погожие дни Питер и Валентина уходили работать в лес, а если шел дождь, проводили время в маленьких ресторанчиках и крытых парках — там они трудились над своими политическими статьями. Питер очень тщательно формировал обе личности — так, чтобы его идеи были примерно поровну разделены между ними. Но также он сотворил и парочку второстепенных персонажей, чтобы создать видимость «третьей партии».

— У каждого из нас должны появиться свои последователи, — объяснил он.

Однажды, устав писать и переписывать текст и отчаявшись удовлетворить чересчур требовательного Питера, Валентина взвилась:

— Пиши сам!

— Не могу, — спокойно возразил он. — У наших личностей не должно быть ничего общего. Ты забываешь, что потом, когда мы прославимся, кто-нибудь обязательно проведет сравнительный анализ наших текстов. Мы все время должны быть разными людьми.

И она вернулась к своей работе. Ее персонажу Питер дал имя Демосфена, а себя назвал Локком[2]. Любому сразу становилось ясно, что это не реальные имена, а псевдонимы, но это тоже было частью плана.

— Пускай ломают голову, пытаясь угадать, кто мы.

---

[2] Примечания: 2

Демосфен (ок. 384 г. до н. э. — 322 г. до н. э.) — древнегреческий оратор. Прославился своими речами, в частности «филиппиками», направленными против Филиппа II, отца Александра Македонского. Именно благодаря ораторскому искусству Демосфена Греция объединилась на борьбу против Македонии. Джон Локк (1632–1704) — британский философ, чьи идеи оказали огромное влияние на развитие политической философии. Его трудами вдохновлялись американские революционеры, позднее воплотив многие политические воззрения Локка в Декларации независимости.

— Но если мы станем по-настоящему знаменитыми, правительство начнет расследование и по нашему допуску сразу все узнает.

— До того как это случится, мы успеем окопаться в полный профиль. Конечно, люди будут здорово шокированы тем, что Локк и Демосфен всего лишь пара детишек, но, видишь ли, к тому времени они уже привыкнут слушать и слушаться нас. Наш авторитет нисколечко не пострадает.

Затем они стали организовывать для своих персонажей дискуссии. Валентина делала некое заявление, а Питер под вымышленным именем пытался опровергнуть его. Она отвечала точно и разумно, и завязывалась живая дискуссия, в которой демонстрировалось незаурядное мастерство политической риторики. У Валентины был нюх на аллитерацию, ее фразы легко запоминались. Вылизав сценарий, они переносили действие в Сеть, делая разумные паузы в полемике, чтобы создать ощущение спонтанности и естественности. Иногда в их споры влезали посторонние, но Питер и Валентина либо вовсе не обращали на них внимания, либо слегка изменяли программу, подстраиваясь к новой ситуации.

Питер аккуратно записывал самые лучшие реплики, а потом проверял, не вынырнут ли они

где-нибудь в другом месте. Это случалось не всегда, но все же многие формулировки повторялись раз за разом в больших дискуссиях в престижных сетях.

— Нас читают, — отмечал Питер, — наши идеи просачиваются в умы.

— Наши фразы.

— Это всего лишь единица измерения. Смотрика, мы приобретаем влияние. Нас еще не знают по именам, но уже обсуждают поднятые нами проблемы. Мы определяем повестку дня. Вперед, сестренка, мы пробьемся.

— Может, нам стоит попробовать самим влезть в какие-нибудь большие дебаты?

— Нет. Подождем, пока нас не пригласят.

Они работали уже семь месяцев, когда одна из сетей Западного побережья прислала Демосфену письмо с предложением вести еженедельную колонку на довольно-таки престижном новостном портале.

— Но я не справлюсь с этой работой, — сказала Валентина. — Я даже ежемесячный обзор не потяну.

— Во-первых, это два разных жанра. Во-вторых, потянешь.

— Нет. Я еще ребенок. У меня опыта нет.

— Скажи, что ты согласна, но, поскольку у тебя нет желания сбрасывать маску, они должны платить тебе гонорар не деньгами, а сетевым временем. Выцарапай у них новый допуск на имя их корпорации.

— И если правительство захочет узнать, кто я…

— Ему объяснят, что ты анонимный подписчик Калифорнийской сети. Так мы выведем из игры отцовский допуск. Я только одного не понимаю: почему Демосфена пригласили раньше, чем Локка?

— Потому что талант всегда пробьется.

Это была замечательная, увлекательная игра. Но Валентине совсем не нравилась политическая позиция, навязанная Демосфену Питером. Ее персонаж понемногу стал превращаться в злобного, достаточно параноидального публициста, выступающего против России. Это беспокоило ее еще и потому, что в их тандеме именно Питер знал, как управлять людскими страхами, и ей все время приходилось обращаться к нему за помощью. Зато Локк был умерен, корректен и сопереживал всем и вся. В этом был свой смысл. Будучи созданием Валентины, Демосфен не мог не обладать неким сопереживанием, а Локк, на-

оборот, играл на страхах людей, только тоньше. Но сложившееся положение дел крепко привязывало Валентину к брату. Она не смогла бросить Питера и использовать личность Демосфена в своих интересах. Просто не знала как. Впрочем, это работало в обе стороны. Питер тоже не мог обойтись без ее советов. Или мог?

— Я думала, ты хочешь объединить мир. Но если я напишу все так, как ты просишь, получится, что я призываю к войне со странами Варшавского договора.

— Да не к войне! Ты требуешь, чтобы они открыли свои сети и прекратили блокировать нас. Свободный обмен информацией. Господи, это же черным по белому записано в законах, принятых Лигой.

Вовсе не желая этого, Валентина заговорила голосом Демосфена, хотя мнения, которые она высказывала, никак не могли принадлежать ему.

— Всем известно, что с первого дня существования Лиги страны Второго Варшавского договора рассматриваются как единое целое, к которому применяются эти самые законы. Международный поток информации беспрепятственно поступает туда. А вот характер обмена информацией между участниками Варшавского договора есть их

собственное внутреннее дело. И только на этом условии они согласились, чтобы Америка стала Гегемоном Лиги.

— Ты защищаешь позицию Локка, Вэл. Доверься мне. Ты должна призывать к роспуску Варшавского договора. Тебе нужно разозлить массу народа. А потом, когда ты «начнешь понимать» необходимость компромисса…

— …Меня перестанут слушать и развяжут войну.

— Вэл, поверь, я знаю, что делаю.

— Почему я должна тебе верить? Ты вовсе не умней меня, и в подобных делах у тебя тоже нет опыта.

— Мне тринадцать, а тебе — десять.

— Почти одиннадцать.

— И я знаю, все работает.

— Ладно, будь по-твоему. Но эту чушь про «свободу или смерть» я писать не буду.

— Будешь как миленькая.

— В один прекрасный день нас поймают, и у многих возникнет логичный вопрос: Демосфен — это же маленькая девочка, откуда в ней такая жажда крови? Спорим, ты расскажешь им, как заставлял меня писать все это?

— Слушай, малышка, может, у тебя просто

месячные?

— Ненавижу тебя, Питер Виггин.

Хуже всего было то, что ее колонку начали перепечатывать местные сети и отец начал читать ее писанину вслух за столом.

— Наконец-то появился парень, который умеет думать, — говорил он и цитировал в доказательство несколько наиболее ненавистных Валентине пассажей. — Мы будем дружить с этими русскими гегемонистами, пока не разделаемся с жукерами. Но после победы… Не оставлять же нам половину цивилизованного мира на положении прислужников Русской империи, не так ли, дорогая?

— Дорогой, по-моему, ты воспринимаешь все это слишком серьезно, — отвечала мать.

— Мне нравится этот Демосфен. Ну, направление его мыслей. Удивляюсь, почему он не появляется в главных сетях. Я искал его выступления во время последних дебатов о международных отношениях. Знаешь, он не участвовал.

У Валентины пропал аппетит, и она вышла из-за стола. Вскоре за ней последовал Питер.

— Итак, тебе не нравится лгать отцу, — сказал он. — Ну и что? На самом деле ты не лжешь ему. Ведь он не знает, что ты Демосфен, да и Демосфен

говорит вовсе не то, что ты думаешь. Две эти лжи отменяют друг друга. Самоуничтожаются.

— Неудивительно, что постулаты Локка отдают сволочизмом. При таких-то логических построениях.

Но ее раздражало не то, что она солгала отцу. Ее больше волновал тот факт, что отец во всем соглашался с Демосфеном, а ей казалось, что к ее персонажу могут прислушиваться только глупцы.

Через несколько дней Локку предложили вести колонку в новостной сети Новой Англии — чтобы противопоставить его спокойную позицию растущей популярности Демосфена.

— Неплохо для ребятишек, у которых всего восемь волос в паху на двоих, — сказал Питер.

— От еженедельной колонки до мирового господства длинный путь, — напомнила Валентина. — Такой длинный, что никто еще не прошел его до конца.

— Ошибаешься. Кое-кто прошел. Не этим путем, но похожим. В своем первом выступлении я собираюсь сказать пару гадостей о Демосфене.

— Идет. Но Демосфен не будет замечать существования Локка.

— До поры до времени.

Теперь они зарабатывали достаточно и пользовались отцовским допуском, только если им срочно требовалась какая-нибудь проходная фигура. Однажды мать заметила Питеру, что они с сестрой слишком много времени проводят в сетях.

— А Джек все работал и не играл — и невеселым мальчиком стал… Помнишь стишок?

Питер притворился, что у него задрожали руки.

— Ну, если ты считаешь, что я должен остановиться, — пробормотал он, — думаю… Думаю, что справлюсь с собой. В этот раз у меня все получится.

— Нет-нет, — запротестовала мать. — Я вовсе не хочу тебя останавливать. Только… будь осторожен, вот и все.

— Я очень осторожен, мама.

Ничего не произошло, ничего не изменилось за прошедший год. Эндер был уверен в этом, но откуда тогда такой кислый привкус во рту? Он все еще лидировал в личном зачете, и никто уже не сомневался в заслуженности его результата. В девять лет он стал взводным в армии Фениксов, командовала которой Петра Акарнян. Он продолжал вести свои ежевечерние практические

занятия, на которые мог прийти любой залетный. Правда, вместе с тем их посещали элитные солдаты, специально направляемые туда командирами. Алай командовал взводом в другой армии, что не мешало им с Эндером оставаться друзьями. Шен взводным не стал, но это его вовсе не тревожило. Динк Микер наконец согласился на повышение и сменил Носатого Рози на посту командира армии Крыс. Все хорошо, все просто прекрасно, лучше не придумаешь…

Отчего же так ненавистна жизнь?

Он вошел в неизменный ритм игр и тренировок. Ему нравилось обучать ребят из своего взвода, а они были готовы идти за ним в огонь и в воду. Его уважали все, на вечерних занятиях к нему обращались с почтением. Туда приходили командиры — изучать его методы. В столовой другие ребята подходили и спрашивали разрешения присесть рядом. Даже учителя были вежливы.

От всего этого ему хотелось кричать.

Эндер следил за мальками армии Петры, за новичками, только что покинувшими свои группы, смотрел, как они играют, как передразнивают своих командиров, когда уверены, что их никто не видит. Еще было товарищество старых друзей, тех, кто провел рядом годы в Боевой школе. Они

тоже шутили и смеялись вместе, вспоминали прежние бои, давно покинувших школу командиров и солдат.

Но с *его* старыми друзьями не было ни смеха, ни воспоминаний. Только работа. Возбуждение от хорошо проведенной игры, но не более того. Сегодня он подумал об этом во время вечерней тренировки. Эндер и Алай обсуждали тонкости маневрирования в открытом космосе. Шен подошел, послушал пару минут, а потом схватил Алая за плечи и закричал:

— Работаем сверхновую! Работаем сверхновую!

Алай расхохотался, а Эндер смотрел, как они вместе вспоминают то самое сражение, когда их спас этот маневр, как они обошли старших и…

А потом они вспомнили, что Эндер все еще стоит рядом.

— Извини, Эндер, — сказал Шен.

«Извинить… За что? За дружбу?»

— Знаете, я ведь тоже был там, — сказал Эндер.

И они снова извинились. Вернулись к делу. Вернулись к уважению. И Эндер понял, что им даже не пришло в головы включить его в свой смех, в свою дружбу.

«Но с чего бы они решили, что я хочу быть с

ними? Разве я смеялся? Разве я присоединился к ним? Я просто стоял и наблюдал, будто учитель.

Вот кто я для них. Учитель. Легендарный солдат. Но никак не один из них. Не тот, кого можно обнять и прошептать на ухо: „Салам“. Это осталось в прошлом, в мире, где Эндер казался жертвой. Где он был уязвим. А теперь я очень хороший, профессиональный, всеми уважаемый, но совершенно одинокий солдат».

Пожалей себя, маленький Эндер. Лежа на койке, он одним пальцем отстучал на клавиатуре слова: «БЕДНЫЙ ЭНДЕР». Потом посмеялся над собой и быстро стер их с экрана. Да кто угодно в Боевой школе, любой мальчишка, любая девчонка, с радостью поменялся бы с ним местами.

Он вызвал на экран свою фэнтези-игру. Как обычно, миновал деревушку, которую построили гномы на холме, выросшем из тела Великана. Очень неплохо получилось, кстати. Ребра загибались как раз в нужном направлении, и расстояние между ними было достаточным, чтобы вставить окна. Грудную клетку разделили на ряды комнаток, а вдоль позвоночника шел длинный коридор. Тазовые кости образовывали теперь трибуны стадиона, а между ногами Великана паслось стадо общинных пони. Эндер

понятия не имел, чем занимаются гномы, но они не трогали его, когда он проходил через деревню, и он тоже не хотел их беспокоить.

Скатившись с вершины бедра на площадь, он миновал ее и очутился на пастбище. Пони робко попятились от него. Он не стал их преследовать. Эндер больше не понимал, как работает эта игра. В прежние времена, когда он еще не достиг Конца Света, игра состояла из поединков и загадок: победи противника — или он убьет тебя; придумай, как обойти препятствие на пути к заветной цели. Но теперь никто на него не нападал, никаких сражений не было — он мог идти куда угодно, никаких препятствий у него на пути не возникало.

Кроме одного — там, в комнате, в башне замка за Концом Света. Единственное опасное место во всей дурацкой игре. И Эндер — сколько он клялся себе, что больше туда не сунется! — постоянно возвращался в эту комнату, убивал змею, потом оказывался лицом к лицу со своим братом и, что бы дальше ни делал, каждый раз умирал.

Вот и сегодня все произошло точно так же. Он попытался воспользоваться лежавшим на столе ножом, чтобы расковырять известку и вытащить камень из стены. Но как только ему удалось высвободить камень, окна вдруг исчезли и в

отверстие хлынула быстро прибывающая вода. Некоторое время вышедшая из-под контроля фигурка пыталась удержаться на поверхности, но потом захлебнулась, и Эндер утонул. И все это время Питер Виггин пристально следил за всем происходящим из глубины зеркала.

«Я в ловушке… — думал Эндер, — в ловушке по ту сторону Конца Света, и мне не выбраться оттуда». И тогда он наконец осознал, откуда этот кислый привкус, сводивший рот и заставлявший забыть о всех успехах, о всем достигнутом. Это был привкус отчаяния.

Когда Валентина подошла к школе, у дверей стояли люди в форме. Ну, не у самих дверей, а чуть в сторонке, как будто ожидая, когда некая важная персона, зашедшая внутрь, закончит свои дела. Они были в мундирах Международного флота — эту форму знали все, кто когда-либо смотрел видео, рассказывающее про сражения с жукерами. В будничный школьный день вторглась героическая романтика, и среди школьников царило приятное возбуждение.

Вот только Валентине было не до романтики. Во-первых, появление солдат снова навело ее на мысли об Эндере. Во-вторых, она испугалась. Недавно кто-то опубликовал исключительно

злобную рецензию на выступления Демосфена. И буквально только что и рецензия, и объект нападок обсуждались на открытой конференции в сети международных отношений — кто-то из известных людей защищал Демосфена, кто-то из не менее известных призывал вывести его на чистую воду. Больше всего задело Валентину замечание одного англичанина. Он писал: «Демосфен не может сохранять свое инкогнито вечно, хочет он того или нет. Он разозлил слишком многих разумных людей и потрафил слишком многим глупцам, а потому не сможет долго прятаться под своим — надо отдать ему должное — исключительно точным псевдонимом. Или он сам снимет маску, чтобы возглавить силы глупости, которые призвал под свое знамя, или эту маску сорвут его враги, дабы понять причины болезни, породившей столь извращенное и злое сознание».

Питеру конференция доставила огромное удовольствие, но это было понятно. А вот Валентина испугалась. Она боялась, что жесткие выступления Демосфена разозлили людей, достаточно могущественных, чтобы выследить ее, Валентину. Конституция запрещала американскому правительству вторжение в личную жизнь, но

ведь был еще Международный флот. А теперь солдаты этого флота явились зачем-то в Западную Гилфордскую среднюю школу. Не морских же пехотинцев они тут собираются вербовать.

Поэтому она совсем не удивилась, когда, включив комп, увидела ползущее по экрану послание:

ПОЖАЛУЙСТА,
НЕМЕДЛЕННО
ОТКЛЮЧИТЕСЬ И ПРОСЛЕДУЙТЕ В КАБИНЕТ ДОКТОРА ЛАЙНБЕРРИ.

Валентина провела пять минут в нервном ожидании у дверей директорского кабинета, пока доктор Лайнберри не открыла дверь и не провела ее внутрь. Последние сомнения рассеялись, когда Валентина увидела, что в одном из удобных кожаных кресел сидит полный мужчина в форме полковника Международного флота.

— Вы Валентина Виггин, — сказал он.

— Да, — прошептала она.

— Я полковник Графф. Мы уже встречались.

Встречались? Когда это она имела дело с представителями Международного флота?

— Я пришел поговорить о твоем брате. Это очень личная беседа, и прошу держать ее в сек-

рете.

«Значит, влипла не только я, — подумала она. — Они добрались до Питера. Или это что-то новенькое? Одна из его безумных выходок? Но вроде бы Питер образумился и больше не...»

— Валентина, ты, кажется, боишься меня. Для этого нет причин. Садись, пожалуйста. Уверяю, с твоим братом все в порядке. Он оправдал все наши ожидания.

И только теперь, с трудом подавив вздох облегчения, она поняла, что они пришли из-за ее младшего брата, не старшего. Ну да, точно, это, должно быть, тот самый офицер, что уводил Эндера. Значит, это не наказание по ее душу, это просто маленький Эндер, который исчез так давно и который не имеет ни малейшего отношения к нынешним планам Питера. «Тебе повезло, Эндер. Ты ускользнул прежде, чем Питеру удалось втянуть тебя в заговор».

— Как ты относишься к своему брату, Валентина?

— К Эндеру?

— Ну конечно.

— А как я могу к нему относиться? Я не видела его и не слышала о нем с того времени, как мне исполнилось восемь.

— Доктор Лайнберри, прошу прощения, но, может, вы оставите нас?

Директор недоуменно уставилась на Граффа.

— Впрочем, нет, спасибо. Я думаю, наша беседа с Валентиной окажется более плодотворной, если мы поговорим на свежем воздухе. Подальше от микрофонов, которые установил в этом кабинете ваш заместитель.

Впервые в жизни Валентине довелось быть свидетелем того, как доктор Лайнберри потеряла дар речи. Полковник Графф приподнял большую картину, висевшую над директорским креслом, и вытащил из стены звукочувствительную мембрану и маленький передатчик.

— Дешевка, — поморщился Графф. — Но работает прилично. Я думал, вы знаете.

Лайнберри взяла «жучка» и тяжело опустилась в кресло. Графф сжал руку Валентины, и они вышли.

Завернув за угол, они направились на футбольное поле. Солдаты следовали чуть поодаль, разделившись и образовав огромный круг, чтобы обеспечить максимальную защиту.

— Валентина, нам нужно, чтобы ты помогла Эндеру.

— Как?

— Мы ничего толком не знаем. И надеемся, что ты поможешь нам найти выход из положения.

— И в чем же дело?

— Это часть проблемы. Мы не знаем.

Валентина не смогла сдержать смех.

— Я не видела его три года! Все это время он провел с вами.

— Валентина, мое путешествие на Землю и обратно стоит больше, чем твой отец может заработать за всю жизнь. Я не для того прилетел сюда, чтобы просто поболтать.

— Один король увидел сон, — сказала Валентина, — но забыл какой. И тогда он приказал мудрецам под страхом смерти растолковать его. И только Даниил смог объяснить ему, в чем дело, потому что был пророком.

— Ты читаешь Библию?

— В этом году мы проходим классику, переведенную на английский. Я не пророк.

— Если б я мог, я рассказал бы тебе все, что знаю про Эндера. Но это займет часы, а возможно, и дни. И потом мне придется изолировать тебя в одиночной камере до конца войны, потому что все это строго секретно. Но кое-чем я все-таки могу с тобой поделиться. У нас в школе есть одна хитрая компьютерная игра… — И он рассказал

ей про Конец Света, запертую комнату и лицо Питера в зеркале.

— Но ведь это компьютер, а не Эндер поместил туда портрет. Почему бы вам не спросить машину?

— Потому что она не знает.

— А я, по-вашему, должна знать?

— Уже второй раз Эндер заводит игру в тупик. Приходит к задаче, не имеющей разумного решения.

— А первую он решил?

— Не сразу.

— Тогда дайте ему время — и он решит вторую.

— Не уверен, Валентина. Твой брат — очень несчастный маленький мальчик.

— Почему?

— Не знаю.

— Не много же вы знаете, как погляжу.

Какую-то секунду казалось, что толстяк рассердится. Вместо этого он решил рассмеяться.

— Да уж, не очень. Валентина, почему Эндер все время видит в зеркале лицо Питера?

— Сама не понимаю. Это глупость.

— И почему же?

— Потому что если и есть на свете полная противоположность Эндера, так это Питер.

— Объясни.

А вот как раз на это Валентина не могла ничего ответить. Подробные ответы на расспросы о Питере могли навлечь большую беду. Валентина знала достаточно об окружающем мире, чтобы понимать: правительство не воспримет затею Питера как серьезную угрозу своему существованию. Зато оно вполне может посчитать Питера ненормальным и отправить в клинику — лечиться от мании величия.

— Ты собираешься солгать мне, — сказал Графф.

— Я не собираюсь больше с вами разговаривать, — ответила Валентина.

— Боишься. Почему?

— Не люблю, когда меня расспрашивают о семье. Давайте оставим мою семью в покос.

— Валентина, я сейчас делаю все возможное, чтобы оставить твою семью в покое. Я пришел к тебе, чтобы не тестировать Питера и не мучить расспросами твоих родителей. Я пытаюсь решить наши проблемы здесь, на месте, и прошу помощи у человека, которого Эндер любит больше всех и которому он больше всех верит, возможно, у единственного человека, которому он верит. Если мы не сможем разрешить проблемы по-

добным образом, нам придется взяться за твою семью, и тогда мы будем действовать по своему усмотрению. Я пришел к тебе не с пустяками и так просто не уйду.

Единственный человек, кого Эндер любит и кому доверяет… Гремучая смесь боли, стыда, сожаления… Теперь она была сестрой Питера, тот стал центром ее жизни. «Для тебя, Эндер, я всего лишь зажигаю огонь в день рождения. А для Питера исполняю его заветные желания».

— Я всегда думала, что вы плохой. И тогда, когда вы приходили забрать Эндера, и сейчас.

— Не притворяйся маленькой глупой девочкой. Я видел результаты твоих ранних тестов, а сейчас в Америке не наберется и сотни университетских профессоров, способных соперничать с тобой.

— Эндер и Питер ненавидят друг друга.

— Знаю. Ты сказала, что они противоположны. Что ты имела в виду?

— Иногда Питер просто отвратителен.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он злой. Просто злой, и все.

— Валентина, хотя бы ради Эндера, расскажи мне, что такого злого он делает.

— Часто угрожает людям, что убьет их. Нет, не всерьез. Но когда мы с Эндером были маленьки-

ми, мы оба боялись его. Он говорил, что убьет нас. Вернее, обещал убить Эндера.

— Кое-что у нас есть в записях.

— Да, вы видели по монитору.

— И это все? Расскажи о Питере побольше.

И она рассказала, что происходило во всех школах, в которые ходил Питер. Он никогда не бил других детей, но мучил их. Выискивая, чего они больше всего стыдятся, рассказывал об этом людям, чьего уважения они искали. Узнавал тайные страхи и использовал их.

— Он и с Эндером так поступал?

Валентина покачала головой.

— Уверена? Неужели у Эндера не было слабостей? Он ничего не боялся и не стыдился?

— Эндеру нечего было стыдиться.

И девочка заплакала, заплакала от собственного стыда: она предала Эндера и забыла его.

— Почему ты плачешь?

Валентина опять покачала головой. Она не могла объяснить, каково это — думать о младшем брате, таком хорошем, которого она так долго защищала, а потом вспомнить, что теперь она союзница Питера, его рабыня, беспомощная марионетка в его замыслах. «Эндер никогда не поддавался Питеру, а я переметнулась, стала

его частью. Эндер никогда бы не согласился на такое».

— Эндер никогда не уступал, — сказала она.

— Чему?

— Питеру. Он не хотел походить на Питера.

Они молча шли вдоль штрафной площади.

— А разве Эндер мог стать похожим на него?

Валентина пожала плечами:

— Я ведь уже сказала.

— Но Эндер ничего такого не делал. Он был просто маленьким мальчиком.

— Да, и мы оба хотели… хотели убить Питера.

— А.

— Нет, не так. Мы не говорили об этом. Эндер никогда не говорил, что желает чего-то подобного. Я только думала, что он тоже… Я так думала, не Эндер.

— А чего же хотел он?

— Дело в том, чего он не хотел.

— Хорошо. Так чего он не хотел?

— Питер мучит белок. Прикалывает к земле за лапки, сдирает живьем шкурку, а потом сидит и смотрит, как они умирают. То есть он так раньше поступал, после того как Эндер уехал от нас. А сейчас перестал. Но это было. Если бы Эндер узнал, если бы Эндер видел это, наверное, он бы…

— Что? Спас белку? Попытался ее вылечить?

— Это уж вряд ли. Тогда… сделанное Питером нельзя было исправить. Нельзя было встать у него на пути. Но Эндер был бы добр с белками. Понимаете? Он бы их кормил.

— И они стали бы ручными, чтобы Питеру было легче их ловить.

Валентина снова заплакала:

— Что бы вы ни делали, все идет Питеру на пользу. Все помогает ему, все, и не ускользнуть от него, не спрятаться.

— Ты помогаешь Питеру? — спросил Графф.

Она не ответила.

— Неужели Питер настолько плохой человек?

Она кивнула.

— Самый плохой человек в мире?

— Откуда мне знать? Самый плохой из тех, кого я встречала.

— И все же ты и Эндер — его брат и сестра. У вас одни и те же гены, одни и те же родители, как может он быть настолько плохим, если…

Валентина повернулась к нему и закричала — закричала так, будто бы он ее убивал:

— Эндер не такой! Он не похож на Питера! Он тоже умный, но это все. А во всем остальном не похож! Совсем! Совсем! Не похож! Ни в чем! Они

не похожи!

— Понимаю, — ответил Графф.

— Я знаю, что вы сейчас думаете! Знаю все ваши поганые мыслишки! Вы думаете, я ошибаюсь, а Эндер такой, как Питер. Может, это я… я похожа на Питера, но не Эндер, только не Эндер. Я повторяла ему это, когда он плакал, и каждый раз, много-много раз говорила: «Ты вовсе не похож на Питера, тебе не нравится причинять людям боль, ты добрый и хороший, в тебе нет ничего от старшего брата».

— И это правда.

Его уступчивость все-таки успокоила ее.

— Еще бы это не было правдой. И будьте вы все прокляты.

— Валентина, ты поможешь Эндеру?

— Теперь я ничего не могу для него сделать.

— Можешь. То же, что делала раньше. Просто утешь его и скажи, что ему не нравится делать людям больно, что он хороший и добрый, что он — не Питер. Последнее — самое важное. То, что он совсем не похож на Питера.

— Я могу увидеть Эндера?

— Нет. Ты напишешь ему письмо.

— И что это даст? Эндер не отвечает на письма.

Графф вздохнул:

— Он отвечал на все до единого письма. Разумеется, из тех, что получал.

Потребовалась секунда, чтобы она поняла.

— Какие же вы все-таки сволочи.

— Изоляция — это идеальная среда для творческой личности. Нам нужны его идеи, а не… Не важно. Я не собираюсь оправдываться перед тобой.

«Именно это ты и пытаешься сделать», — подумала она, но промолчала.

— Он перестал развиваться. Плывет по течению. Мы подталкиваем его, а он не хочет идти.

— Может, я окажу большую услугу Эндеру, если пожелаю вам поцеловать собственную задницу?

— Ты уже оказала нам бо`льшую услугу. Но можешь помочь еще больше. Напиши ему письмо.

— Обещайте, что не измените ничего в моем письме.

— Этого я не могу обещать.

— Тогда забудьте.

— Нет проблем. Напишу сам. У нас есть твои старые письма, и мы легко сможем подделать стиль. Не так уж это и трудно.

— Я хочу видеть его.

— Он получит первый отпуск в восемнадцать лет.

— Обещали в двенадцать.

— Правила изменились.

— Почему я должна помогать вам?

— Да не мне. Эндеру. И какая разница, что тем самым ты оказываешь услугу нам?

— Что же такое вы делаете с ним там, у себя, наверху? Вы страшные люди.

— Милая моя Валентина, — усмехнулся Графф, — самое страшное для него еще впереди.

Эндер успел просмотреть первые четыре строчки письма, прежде чем сообразил, что оно пришло не от кого-то из товарищей по Боевой школе. Оно появилось, как все другие письма, — когда он включил компьютер, на экране загорелось: «ВАМ ПИСЬМО». Он прочел четыре строчки, потом прервался, заглянул в конец, нашел подпись. Вернулся к началу, а потом, свернувшись калачиком на койке, принялся раз за разом перечитывать письмо:

ЭНДЕР!

ДО СИХ ПОР ЭТИ ГАДЫ ПРОСТО НЕ ПРОПУСКАЛИ
МОИ ПИСЬМА. Я ПИСАЛА ТЕБЕ СОТНИ РАЗ, А ТЫ, НАВЕРНОЕ, ДУМАЛ, ЧТО Я ТЕБЯ СОВСЕМ ЗАБЫЛА. НО Я ПИСАЛА. Я

НЕ ЗАБЫЛА ТЕБЯ. Я ПОМНЮ ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ПОМНЮ ПРО ТЕБЯ ВСЕ. КТО-ТО МОЖЕТ ПОДУМАТЬ, ЧТО ТЕПЕРЬ, ЗАПИСАВШИСЬ В СОЛДАТЫ, ТЫ СТАЛ ЖЕСТОКИМ И ЗЛЫМ, КАК СПЕЦНАЗОВЦЫ НА ВИДЕО, И ТЕБЕ НРАВИТСЯ ПРИЧИНЯТЬ ЛЮДЯМ БОЛЬ. НО Я-ТО ЗНАЮ, ЧТО ЭТО НЕПРАВДА. ТЫ СОВСЕМ НЕ ПОХОЖ НА САМ-ЗНАЕШЬ-КОГО. ОН ВРОДЕ БЫ СТАЛ ВЕСТИ СЕБЯ ПОПРИЛИЧНЕЕ, НО В ДУШЕ ВСЕ ТА ЖЕ СУКА ТРУЩОБНАЯ. МОЖЕТ, ТЫ КАЖЕШЬСЯ ЗЛЫМ, НО МЕНЯ ТЕБЕ НЕ ОБМАНУТЬ. А Я ВСЕ ТА ЖЕ, ГРЕБУ ПОЛЕГОНЬКУ, ДЕЛА ПОТИХОНЬКУ.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. ГУСИНЫЕ ГУБКИ.

ВЭЛ.

НЕ ОТВЕЧАЙ. ТВОЕ ПИСЬМО НАСКВОЗЬ ПРОАНАЛЛИЗИРУЮТ.

Конечно, письмо написано с полного одобрения учителей. Но, несомненно, написано Валентиной. Два «лл» в «анализируют», эпитет «сука трущобная» по отношению к Питеру, выражение про «потихоньку-полегоньку» — все эти их детские шутки могла знать только Валентина.

Вот только в самом конце письма всего этого

было слишком много, словно кому-то надо, чтобы Эндер поверил в подлинность послания. К чему столько беспокойства, если письмо настоящее?

Но какое же оно настоящее? Даже если бы Валентина написала его собственной кровью, это все равно была бы подделка. Совершенно очевидно, что ее заставили. Она писала и раньше, но учителя не отдавали ему письма. Те, наверное, были настоящие, а это — так, заказанное, еще одна попытка подергать за ниточки.

И отчаяние снова поглотило Эндера. Только теперь он знал его истоки, знал теперь, что именно ненавидит. Он не может управлять собственной жизнью. За него всё решали. Ему оставили только игру, остальное — это учителя, их правила, планы, уроки, программа. Ему позволено лишь выбирать, куда лететь в боевой комнате — направо или налево. Единственной реальностью в этом сне — драгоценной реальностью! — была память о Валентине, о человеке, который полюбил его раньше, чем он, Эндер, начал играть, и который любил его, несмотря на всякие там войны. А эти люди перетянули Валентину на свою сторону. Теперь она стала одной из них.

Он их ненавидел. Ненавидел все эти игры. Ненавидел настолько, что даже расплакался, пе-

речитывая такое пустое, такое заказное письмо Валентины. Солдаты армии Фениксов заметили это и отвернулись. Эндер Виггин плачет? Это было странно и тревожно. Что-то страшное произошло сейчас в спальне. Лучший солдат Боевой школы лежит на своей койке и плачет! В комнате воцарилось глубокое молчание.

Эндер стер письмо с экрана, удалил его из оперативной памяти компьютера и вызвал фэнтези-игру. Он не вполне понимал, почему ему так захотелось вдруг вернуться в нее, отчего он так торопится к Концу Света, — просто шел вперед. И только после прыжка с утеса, скользя на облаке над окрашенным в осенние цвета пасторальным миром, он понял, что разозлило его больше всего в письме Валентины. Слова о Питере. О том, что он, Эндер, совсем не похож на своего брата. Слова, которые она так часто повторяла, успокаивая и утешая его, трясущегося от страха, ярости и ненависти после очередной пытки Питера. Вот в чем заключался смысл письма.

Вот о чем ее попросили. Эти сволочи знали все — знали о том, что из зеркала в комнате на башне смотрит Питер. Для них Валентина — просто еще один инструмент, еще одна козырная карта, еще один грязный приемчик. «Динк прав — они наши

враги, они никого не любят, им плевать на всех, и черта с два я пойду у них на поводу!» У него было только одно дорогое воспоминание — хорошее, доброе, — но теперь оно было втоптано в дерьмо. Они прикончили Эндера. Он не станет больше играть.

Как и прежде, в башне замка его ждала змея; она начала разворачиваться, появляясь из узора на коврике. Но на этот раз Эндер не стал топтать ее ногами, а взял в руки, опустился на колени и нежно, удивительно нежно и бережно поднес змеиную пасть к губам.

И поцеловал.

Он вовсе не собирался этого делать. Он хотел, чтобы змея укусила его в рот. Или, возможно, намеревался съесть змею живьем, как Питер в зеркале, чтобы у него тоже кровь текла по подбородку, а изо рта свисал змеиный хвост. Но он поцеловал ее.

И змея стала таять в его руках, переплавляясь в иную форму, принимая человеческое обличье, превращаясь в Валентину. И она поцеловала его в ответ.

Змея не могла все время быть его сестрой. Он слишком часто убивал ее. А Питер каждый раз пожирал ее. Просто невыносимо думать, что это

была Валентина.

Они этого добивались, когда дали ему прочитать письмо? Ему было все равно.

Валентина поднялась с пола и направилась к зеркалу. Эндер заставил свою фигурку встать и последовать за ней. Они застыли перед зеркалом, где вместо жестокого облика Питера отражались дракон и единорог. Эндер протянул руку вперед и коснулся зеркала. То же самое одновременно с ним сделала Валентина. Стена раскололась, и перед ними открылась ведущая вниз широкая лестница, покрытая ковром и наполовину заполненная радостно кричащей толпой. Вместе, рука в руке, Эндер и Валентина начали спускаться по ступенькам. Слезы туманили его взор, слезы радости, — он вырвался наконец из темницы за Концом Света. И от слез, от радости он не замечал, что все приветствующие его точь-в-точь похожи на Питера. Он знал только, что, куда бы он ни пошел в этом мире, Валентина всегда будет рядом.

Валентина прочла письмо, которое передала ей доктор Лайнберри. «Дорогая Валентина, — говорилось там. — Мы выражаем наше почтение и глубочайшую благодарность за вашу помощь военному ведомству. Этим письмом мы извещаем вас, что вы награждаетесь Орденской Звездой

Лиги Человечества первой степени. Это высшая военная награда, которую может получить гражданское лицо. К сожалению, соображения безопасности не позволяют нам публично вручить вам эту награду до успешного окончания нынешней операции, однако мы хотим поставить вас в известность, что ваши усилия увенчались полным успехом. С уважением, генерал Шимон Леви, Стратег».

Когда она прочла бумагу дважды, доктор Лайнберри вынула листок из ее рук:

— Я получила указание уничтожить письмо после того, как ты его прочтешь. — Она достала из ящика стола зажигалку и подожгла бумагу. — Хорошие новости? Или не очень?

— Я продала своего брата, — ответила Валентина. — И мне заплатили.

— Ну-у, не слишком ли мелодраматично?

Ничего не ответив, Валентина отправилась обратно в класс. В этот вечер Демосфен выступил с яростной речью против законов, ограничивавших рождаемость. Люди должны иметь право заводить столько детей, сколько им хочется, а избыток населения следует отправлять на другие планеты, чтобы человечество распространилось по всей галактике, чтобы никакая катастрофа,

никакое вторжение не могли более угрожать существованию расы. «Самый высокий титул, который только может носить ребенок, — писал Демосфен, — это кличка Третий».

«Это тебе, Эндер», — молча сказала она, поставив точку.

Питер даже засмеялся от радости, когда прочел ее статью.

— О, это заставит их подпрыгнуть! Уж теперь-то нас точно заметят! Третий! Высокий титул! Ну ты даешь, сестренка! Ну, молодец!

10
Дракон

— Сейчас?

— Наверное.

— Вы должны отдать мне приказ, полковник Граффф. Разве командир говорит своим подчиненным: «Наверное, пора атаковать?»

— А я и не командир. Просто учу маленьких детей.

— Полковник, сэр, я понимаю, что мешал вам, что был шилом в вашей заднице, но ведь все сработало, все получилось именно так, как вы хотели. В последние несколько недель Эндер просто...

— Счастлив.

— Доволен. У него все хорошо. Голова светлая, а играет он замечательно. И, несмотря на свою молодость, полностью готов к тому, чтобы стать командиром. Обычно мы ждем, пока кандидату не исполнится одиннадцать, но в свои девять с половиной он лучше всех, кто у нас вообще когда-либо был.

— Хм, да, прошу прощения... Я вдруг задумался: что же это за человеком надо быть, чтобы исце-

лить страдающего ребенка и тут же бросить его обратно прямо в самую свару? Маленькая личная дилемма. Но не важно. Забудь, что я говорил. Я просто устал.

— Мы спасаем мир, помнишь?

— Ладно-ладно. Давай его сюда.

— Мы делаем то, что должны, полковник Граффф.

— Кончай, Андерсон. Признайся, тебе до смерти не терпится посмотреть, как он справится с теми гадостными штучками, которые ты по моему приказу напридумывал.

— Это просто некрасиво…

— Да, такой вот я неклевый. Не шурши, майор, мы с тобой оба — отбросы самого низшего пошиба. Мне тоже не терпится посмотреть, что он станет делать. В конце концов, от его успехов зависят наши жизни. Не?

— Ты у детей всех этих словечек поднабрался?

— Давай зови его, майор. Я тем временем перенастрою его комп. Установлю туда систему личной защиты. Мы не так уж плохо с ним обращаемся. У него снова появится возможность уединяться.

— То есть опять изоляция?

— Одиночество лидера. Иди давай.

— Так точно, сэр. Вернусь через пятнадцать минут, сэр.

— Шагай-шагай. Так точно, сэр… Такточносэр… Тктчносэ… Надеюсь, Эндер, тебе было весело и ты хорошо провел время. Наверное, это последние счастливые минуты в твоей жизни. Привет, малыш. Твой старый добрый дядюшка Графф приготовил тебе подарочек.

Эндер понял, что происходит, в ту же самую секунду, как за ним пришли. Никто даже не сомневался, что командиром он станет рано. Может, не *настолько* рано, но он уже три года, практически без перерывов, лидировал в личном зачете (остальные были от него далеко позади), а его ежевечерние занятия стали самыми престижными уроками в школе. «Что это учителя так медлят?» — недоумевали некоторые.

Интересно, какую армию он получит. В ближайшие месяцы школу должны были окончить сразу три командира, в том числе Петра, но вряд ли ему дадут армию Фениксов: никто никогда не становился командиром той же самой армии, в которой служил до повышения.

Сначала Андерсон отвел Эндера в его новые апартаменты. Точно, повышение — отдельные комнаты были только у командиров. Потом с

Эндера сняли мерку для нового форменного комбинезона и боевого костюма. Он заглянул в бумаги, чтобы узнать название своей армии.

«Драконы», — было написано там. В школе не было такой армии.

— Никогда не слышал про армию Драконов, — удивился Эндер.

— Неудивительно. Ее уже четыре года как не существует. Мы перестали использовать это название, потому что против него сложилось некоторое, хм, предубеждение. Что-то вроде суеверия. За всю историю Боевой школы ни одна из так называемых армий Драконов не выиграла и трети сражений. И это не шутка.

— Почему же вы решили ее воскресить?

— Из-за куч неиспользованной формы на складе.

Графф сидел за своим столом и выглядел еще более толстым и усталым, чем в прошлый раз. Он протянул Эндеру «крюк» — маленькую коробочку, которую командиры использовали, чтобы во время занятий в боевой комнате перемещаться в нужном направлении. В часы ежевечерних тренировок Эндер не раз мечтал о таком помощнике, чтобы не болтаться от стенки к стенке. И вот его желание исполнилось. Правда, Эндер

теперь умеет маневрировать и не больно-то этот крюк ему нужен.

— Работает только по расписанию, — сообщил майор Андерсон, — в часы ваших армейских тренировок.

Поскольку Эндер не собирался прекращать дополнительные занятия, это значило, что он не всегда сможет пользоваться крюком. Это также объясняло, почему большинство командиров не гоняют своих людей сверх программы. Они слишком зависят от маленькой коробочки, которая в дополнительное время не больно-то им поможет. А если они воспринимают крюк как символ своей власти над остальными, символ своего положения, тренировки без этой коробочки и вовсе немыслимы. «Значит, — подумал Эндер, — у меня уже есть преимущество над некоторыми из противников».

Официальная поздравительная речь Граффа была скучной и заезженной. Только под конец он вроде бы заинтересовался собственными словами.

— Мы решили сделать из армии Драконов нечто необычное. Надеюсь, ты не станешь возражать. Мы составили новую армию, раньше срока сделав солдатами человек тридцать новичков,

и добавили к ним с десяток опытных ветеранов. Надеюсь, тебе понравятся твои солдаты. Очень надеюсь, ведь тебе запрещено избавляться от неугодных.

— Что, никаких обменов? — спросил Эндер.

Только так командир мог «настроить» свою армию — с помощью таких вот переводов.

— Никаких. Видишь ли, ты уже три года каждый вечер проводишь дополнительные занятия. У тебя есть поклонники, тобой восхищаются. И многие хорошие солдаты станут давить на своих командиров, чтобы перейти в твою армию. Сейчас мы даем тебе людей, которые также станут солдатами. Ну, со временем, конечно. Но разрешить тебе обмен — значит заранее обеспечить перевес в твою пользу.

— А если в своей армии я с кем-то не уживусь?

— Придется как-то справляться.

Графф закрыл глаза. Андерсон встал. Это было знаком, что прием окончен.

Цвета Драконов были: серый, оранжевый, черный. Эндер надел боевой костюм и отправился за световой ленточкой к спальне своей армии. Там у дверей уже толпились его будущие солдаты.

— Койки делим по старшинству! — скомандовал Эндер. — Ветераны — назад. Новички — к

двери.

Во всех других армиях все было наоборот, и Эндер, конечно, это знал. Но он не хотел подражать остальным командирам, которые почти не видели тех солдат, что помладше, ютившихся в самом дальнем углу.

Пока мальчики делили койки, выясняя, кто когда прибыл в Боевую школу, Эндер ходил вниз-вверх по проходу. Графф не соврал, тридцать человек оказались новичками, совсем залетными, невежественными и неопытными. Некоторые, те, что у двери, — совсем малыши, и семи не дашь. Эндер напомнил себе, что, наверное, в глазах Бонзо он выглядел точно так же. Но Бонзо пришлось возиться только с одним недорослтком.

Ни один из ветеранов никогда не тренировался у Эндера. Ни один ранее не был взводным. По сути дела, из так называемых ветеранов не было никого старше Эндера, а значит, боевой опыт у них максимум года полтора, не больше. Многих из них он и в лицо-то не знал — видимо, не за что было знать.

Зато они, конечно, узнали Эндера. Еще бы, самый известный солдат школы! В глазах у некоторых он заметил легкий огонек ненависти. «Что

ж, — подумал Эндер, — могло быть и хуже. По крайней мере, я с ними одного возраста».

Как только все распределились по койкам, Эндер приказал надеть боевые костюмы и отправляться на тренировку.

— Согласно расписанию мы занимаемся по утрам, сразу после завтрака. Согласно тому же расписанию у вас должен быть свободный час между завтраком и тренировкой. Вы узнаете, получите его или нет, когда я пойму, что вы собой представляете.

И спустя три минуты, несмотря на то что многие не успели одеться, он приказал своим солдатам покинуть спальню.

— Но я же голый! — воскликнул кто-то.

— В следующий раз оденешься быстрее. Правило этой недели: три минуты от первого сигнала до полной готовности. На следующей неделе будет две. Пошел!

Вот и первая шутка, которая очень быстро распространится по школе: мол, армия Драконов настолько тупа, что даже одеваться их приходится учить.

Пятеро ребят оказались совершенно голыми — они бежали по коридору с костюмами в руках. Впрочем, полностью одеться не успел никто.

За ними с интересом наблюдали из открытых дверей классных комнат. Ничего страшного, зато в следующий раз будут шевелиться.

Эндер заставил своих солдат бегать взад-вперед по коридору, ведущему к боевой комнате, пока они не разогрелись и даже слегка не вспотели. Те, что были голышом, за это время натянули костюмы. Потом он подвел свою армию к верхним воротам, тем, которые открывались в середине стены, и приказал прыгать, хвататься за поручень на потолке и вталкивать себя в комнату.

— Сбор на противоположной стене, — закончил он. — Представьте, что мы атакуем вражеские ворота.

Ребята по четверо влетали в дверь, и то, как они прыгали, о многом сказало Эндеру. Почти никто из его солдат не умел направить себя прямо к цели, а достигнув стены, они не могли ни ухватиться, ни толком погасить инерцию.

Последним шел самый маленький. Вот уж кто вряд ли допрыгнет до поручней на потолке.

— Если хочешь, можешь воспользоваться теми, что на стене, — разрешил Эндер.

— А не пошел бы ты, — ответил мальчик, изо всех сил подпрыгнул, задел поручень кончиками пальцев, но все же сумел оттолкнуться и проле-

тел сквозь ворота, вращаясь одновременно в трех плоскостях.

Эндер даже растерялся. Обрадоваться тому, что его солдат сделал все возможное для выполнения приказа, или разозлиться на столь явное нарушение субординации?

Наконец армия собралась на противоположной стене. Эндер заметил, что все без исключения стояли так, как стояли бы в коридоре. Поэтому он нарочно перевернулся и «повис вниз головой».

— Солдаты, почему вы все стоите на головах? — рявкнул он.

Некоторые попытались изменить положение.

— Внимание! — (Они застыли.) — Я спросил, почему вы все стоите на головах?

Никто не ответил. Они просто не понимали, чего он от них добивается.

— Я спрашиваю, почему ноги у вас устремлены к потолку, а голова — к полу?

Наконец кто-то решился ответить:

— Сэр, но именно в таком положении мы вылетели из дверей.

— А почему это должно иметь значение? Какого черта вы ссылаетесь на силу тяжести в коридоре?! Мы что, сражаться будем в коридоре? Здесь есть сила тяжести?

— Нет, сэр. Никак нет!

— С сегодняшнего дня вы забываете о существовании силы тяжести в ту же секунду, как проходите через дверь. Это все было — и сплыло. Ясно? Вне зависимости от того, что у нас там в коридоре, вражеские ворота внизу. Ваши ноги должны быть направлены к вражеским воротам. Наверху наши ворота. Север в той стороне, юг — вот здесь, восток — здесь, а где запад?

Они показали.

— М-да, этого я и ожидал. Правильные ответы даются вам только методом исключения. Да и то с трудом. Нелегко же вам приходится, когда вы ищете туалет. Что это за бродячий цирк болтается у меня перед глазами? И вот это вы называете строем? И это у вас считается полетом? Ладно, внимание! Всем оттолкнуться и построиться на потолке! Немедленно! Шевелитесь!

Оправдывая ожидания Эндера, большинство ринулось не к собственным воротам, а к стене, которую Эндер только что назвал северной. В коридоре эта стена действительно была бы потолком. Конечно, они быстро поняли свою ошибку, но слишком поздно: в полете без посторонней помощи не повернешь, приходится ждать, пока не появится возможность оттолкнуться.

Благодаря этому простому маневру Эндер мгновенно выявил самых понятливых солдат в своей армии. Тот малыш, что нагрубил ему в коридоре, первым долетел до нужной стены и ловко закрепился на ней. Учителя правильно сделали, что перевели его в армию. Он себя еще покажет. Кроме того, он дерзок, склонен к неподчинению и наверняка очень зол на своего командира, устроившему ему пробежку по станции нагишом.

— Ты, — указал Эндер пальцем на малыша. — Где тут низ?

— Там, где ворота противника. — Ответ был быстрым, но тон как бы говорил: «Кончай уже занудствовать, давай займемся чем-нибудь поважнее».

— Как звать, малыш?

— Боб, сэр.

— Очень соответствует размеру твоего мозга, солдат. — (Остальные ребята тихо засмеялись.) — Так вот, Боб, ты прав. Теперь слушайте меня внимательно, потому что это важно. Когда мы проходим через дверь, нас могут подстрелить. В прежние времена у вас было бы десять-пятнадцать секунд на размышление и подготовку. Но в наши дни, если не вывалишься из ворот раньше противника, все, считай, ты заморожен. А что

происходит, когда тебя замораживают?

— Ты не можешь двигаться? — предположил один из ребят.

— Это подразумевается, — ответил Эндер. — Но что с тобой происходит?

И первый разумный ответ дал, конечно, Боб, вовсе не смущенный насмешкой командира:

— Ты продолжаешь лететь в том же направлении и с той же скоростью, которую успел набрать.

— Так и есть. Вы, пятеро у стены, вы, да, вы, оттолкнулись — и вперед!

Удивленные ребята переглянулись, замешкавшись. Эндер заморозил их.

— Следующая пятерка, вперед!

Эти сразу послушались приказа. Эндер также заморозил их, но они продолжили свой путь к дальней стене, к «полу», в то время как первая пятерка бессмысленно дрейфовала рядом с основной группой.

— Полюбуйтесь на этих так называемых солдат, — сказал Эндер. — Командир приказал им двигаться, а они — нет, вы гляньте! — не только дали себя заморозить, но еще и умудрились замерзнуть там, где будут путаться под ногами у своей армии. Зато другие пятеро выполнили

приказ и летят прямо на врага. Они сломают строй противника, закроют ему обзор. Полагаю, примерно четверо из присутствующих поняли смысл этого маневра. И без сомнения, один из них — Боб. Эй, Зерновая Культура, я прав?

Тот промолчал. Эндер пристально смотрел на него, пока наконец Боб не ответил:

— Так точно, сэр.

— Объясни же нам.

— Если приказано двигаться — двигайся быстро, в таком случае, даже замороженным, ты сможешь нанести урон врагу и не помешаешь операциям собственной армии.

— Отлично. Ура-ура, в моей армии есть хотя бы один солдат, который может работать головой.

Эндер видел, как меняется настроение других солдат, как они неловко ерзают, как отводят взгляды, не желая смотреть на Боба. «Зачем я делаю это? Зачем мне, хорошему командиру, превращать несчастного парня в мишень? Или я веду себя подобным образом просто оттого, что со мной поступали точно так же?» Эндеру очень хотелось исправить содеянное, сказать ребятам, что этот малыш нуждается в дружбе и ласке больше, чем кто бы то ни был. Но конечно же, он не мог это сделать. Не в первый день. В первый

день даже его ошибки должны восприниматься как часть гениального плана. Иначе солдаты потеряют доверие к своему командиру.

Эндер подлетел к стене и оттащил одного из мальчишек в сторону:

— Ну-ка, выпрямись!

Он развернул парня в воздухе так, что тот повис ногами к строю. Мальчик был еще в движении, когда Эндер заморозил его. Солдаты рассмеялись.

— В какие части тела вы можете попасть? — спросил Эндер у мальчика, стоявшего прямо под ногами замороженного солдата.

— Только в ноги.

— А ты? — Эндер повернулся к его соседу.

— Могу в туловище.

— Ну а ты?

Парень, стоявший еще правее, ответил:

— Я вижу его целиком. Могу попасть, куда захочу.

— Площадь ступней невелика. Это плохая защита.

Эндер оттолкнул замерзшего солдата в сторону. Потом подогнул ноги, будто встал на колени в воздухе, взял пистолет и заморозил их. Штанины его костюма мгновенно стали жесткими, удержи-

вая ноги в избранном положении.

Эндер сделал кувырок и повис перед своей армией, повернувшись к ним ногами:

— Что вы видите теперь?

— Много меньше, — ответили они.

Эндер просунул пистолет между ногами.

— А вот я вижу прекрасно, — сказал он и начал замораживать зависших внизу ребят. — Остановите меня! Попробуйте в меня попасть!

Его все-таки заморозили, но он успел вывести из строя около трети присутствующих. Затем Эндер нажал на крюк и разморозил себя и своих противников…

— Итак. Где вражеские ворота?

— Внизу.

— Какова наша позиция при атаке?

Некоторые начали что-то говорить, но Боб успел ответить раньше. Он оттолкнулся от стены, подогнул ноги и полетел к вражеским воротам, ведя густой заградительный огонь.

На секунду Эндеру захотелось заорать на нахала, вернуть его и наказать, но он тут же совладал с собой. «Почему я должен сердиться на этого малыша?»

— Что, только Боб знает ответ? — крикнул он.

И тут же вся его армия ринулась к противо-

положной стене — на коленях, с пистолетами, зажатыми между ногами, намертво вдавив спусковой крючок и вопя во всю мощь своих легких. «Может, придет день, — подумал Эндер, — когда я использую эту схему: сорок вопящих солдат, дезорганизованная и дезорганизующая атака».

Когда они добрались до вражеских ворот, Эндер приказал немедленно повернуть назад и атаковать уже его — всем, разом. «Да, — думал он, — совсем неплохо. Мне дали нетренированную армию, здесь нет солдат, на которых я мог бы опереться, но и дураков тут нет. С этим материалом можно работать».

Наконец они собрались вместе, смеющиеся, возбужденные. Эндер продолжил урок. Он заставил всех согнуть ноги в коленях и заморозить их в таком положении.

— Для чего в бою нужны ноги?

— Да вовсе не нужны, — хором сказали несколько солдат.

— А Боб так не думает, — возразил Эндер.

— Ноги нужны, чтобы отталкиваться от стен.

— Правильно.

Кое-кто начал возражать, что одно дело — отталкиваться от стен, это значит двигаться, и совсем другое — вести бой.

— Неподвижный солдат — легкая добыча для противника, — пояснил Эндер.

Все замолкли и еще больше невзлюбили Боба.

— Ну а с ногами, замороженными вот так, вы сможете отталкиваться от стен?

Никто не отвечал, видимо боясь ошибиться.

— Боб?

— Никогда не пробовал… Но если развернуться лицом и сложиться пополам…

— Правильно, но неправильно. Смотрите на меня. Моя спина прижата к стене, ноги заморожены. Я как бы стою на коленях, а значит, мои ступни тоже прижаты к стене. Отталкиваясь, вы давите вниз. Тогда ваше тело напрягается, как пружина, распрямляется, и вы летите, как горошина, выпущенная из духовой трубки. Ну, или боб, кому что нравится.

Смех.

— Но когда мои ноги заморожены, я могу использовать ту же самую силу — толкаю вниз бедра, это отбрасывает мои плечи и ступни на стену, выносит бедра вперед, и я лечу, причем без всякого напряжения, — смотрите!

Эндер напрягся, толкнул бедра вперед, отлетел от стены, тут же перестроился, выпрямился и теперь уже несся ногами вниз на противоположную

стену. Приземлился на колени, скрутил заднее сальто, распрямился, как пружина, и полетел обратно под совершенно неожиданным углом.

— Огонь! — крикнул он.

И закрутился винтом. Он летел почти параллельно строю, но из-за вращения ни у кого не получалось удержать его на мушке достаточно долго, чтобы заморозить.

Он разморозился и с помощью крюка вернулся к своим.

— Вот над этим мы и будем работать первые полчаса. Вы накачаете себе мускулы, о существовании которых даже не подозревали. Задача: используя ноги как щит, научиться управлять своими движениями, освоить этот «винт». Когда ты рядом с противником, от «винта» мало толку, но чем дальше расстояние, тем надежнее эта защита, ведь чем дальше враг, тем дольше ему приходится удерживать луч в одной точке. Но если ты крутишься, у него никак не получится тебя подбить. А теперь всем заморозиться — и вперед!

— Но, сэр, вы хотя бы направление укажите… — нерешительно попросил один из солдат.

— Куда глаза глядят. Я хочу, чтобы вы летали как попало, врезались друг в друга, сталкивались

и так далее. Вы должны научиться либо избегать этих столкновений, либо использовать их. А когда мы будем осваивать атаку строем, вам, наоборот, придется учиться сталкиваться специально. Всё, начали!

На сей раз приказ был исполнен незамедлительно.

Эндер ушел из боевой комнаты последним. Он задержался там, помогая советами самым медлительным и неопытным. В принципе, у ребят были неплохие учителя, но большинство из них были совершенно беспомощны, когда речь заходила об исполнении нескольких задач одновременно. Они научились отталкиваться с замороженными ногами от стен, довольно лихо освоили маневрирование в открытом пространстве, но лететь в одну сторону, стрелять в другую, делать разворот, два кувырка, отталкиваться от стены, снова стрелять, при этом меняя направление, — все это было выше их сил. Муштра, муштра и только муштра — вот чем Эндер будет заниматься в ближайшее время. Стратегия и строй — замечательные вещи, но от них никакого толку, если армия не знает, как вести себя в бою.

Они должны быть готовы уже *завтра*. Его назначили командиром слишком рано. Учителя

теперь меняют правила, ему запретили обменивать солдат, не дали ни одного толкового ветерана. Где гарантии, что его не пошлют в бой прежде, чем пройдут три месяца, обычно отводимые на подготовку армии?

Ничего, вечерами Алай и Шен будут помогать ему.

Эндер все еще плелся по коридору, ведущему из боевой комнаты в спальню, когда обнаружил, что путь ему преградил Боб. Малыш выглядел очень злым. Эндеру сильно не хотелось решать сейчас чьи-то проблемы.

— Хо, Боб.

— Хо, Эндер.

Пауза.

— Сэр, — мягко поправил его Эндер.

— Я понимаю, что вы делаете, Эндер, сэр, и хочу предупредить вас.

— Предупредить меня?

— Я могу стать лучшим солдатом вашей армии, но не стоит играть со мной в игры.

— А не то?

— А не то я стану худшим солдатом вашей армии. Либо одно, либо другое.

— И что же тебе нужно? Любовь и нежность? — Эндер тоже начинал злиться.

— Мне нужен взвод, — невозмутимо ответил Боб.

Эндер повернулся к нему, подошел поближе и остановился, глядя мальчику прямо в глаза:

— И почему я должен дать тебе взвод?

— Потому что я знаю, что с ним делать.

— Многие знают, что делать со взводом. Но мало кто может заставить взвод это делать. Какой солдат согласится, чтобы им командовал такой недомерок, как ты?

— Слышал, вас тоже так называли. А Бонзо Мадрид называет до сих пор.

— Я задал тебе вопрос, солдат.

— Если вы не будете мешать, я завоюю их уважение.

— Да я же только помогаю тебе, — ухмыльнулся Эндер.

— Черта с два.

— Они не обратили бы на тебя внимания, разве что пожалели бы малыша. Но сегодня благодаря мне тебя заметили все. И будут следить за каждым твоим движением. Чтобы завоевать их уважение, тебе остается только не ошибаться.

— То есть мне даже предмет выучить не дали, прежде чем назначить экзамен?

— Бедняжка. Все несправедливы к нему. — Эн-

дер мягко толкнул Боба к стене. — Я расскажу тебе, как получить взвод. Докажи, что ты хороший солдат. Что ты знаешь, как использовать других солдат. Докажи, что хоть кто-нибудь захочет идти за тобой в бой. И тогда получишь взвод. Но, черт побери, не раньше.

— Это честно, — улыбнулся Боб. — Если вы сдержите слово, я буду взводным через месяц.

Эндер схватил Боба за воротник комбинезона и буквально вдавил в стену:

— Если я говорю «да» — это значит «да», Боб.

Боб только продолжал улыбаться. Эндер отпустил его и пошел по коридору. Уже в спальне, дрожа, он опустился на свою койку. «Что я делаю? На первой же общеармейской тренировке я начал давить людей, как это делал Бонзо. Как Питер. Я запугиваю их. Подсунул им несчастного маленького мальчика, чтобы им было кого дружно ненавидеть. Пакость какая. Я делаю именно то, что бесило меня в поведении других командиров.

Неужели такова человеческая природа? Человек становится именно тем, чем был его первый командир? Да? Если это так, нужно уходить прямо сейчас».

Снова и снова он вспоминал все, что сделал или

сказал на первом занятии с новой армией. Почему он не мог говорить со своими солдатами, как говорил с учениками на вечерних тренировках? Никакой власти, кроме честно заработанного авторитета. Никаких приказов — только предложения. Но это не сработало бы. С армией — не получилось бы. Его бывшим ученикам не нужно было учиться действовать вместе, учиться доверять друг другу. Не нужно было развивать чувство локтя. В них не нужно было вбивать умение мгновенно повиноваться любому приказу командира.

Но он ведь мог бы вести себя наоборот, совсем наоборот. Как Носатый Рози. Быть доброжелательным и нетребовательным. Допускать глупые ошибки. Но ему нужна дисциплинированная армия, а значит, необходимо быстрое и осмысленное послушание. Ему нужна умелая армия. А к этому есть лишь один путь: муштра и муштра до тех пор, пока техническая сторона не станет для солдат настолько привычной и естественной, что они просто перестанут о ней думать.

Но что же он сделал с Бобом, с самым маленьким, самым слабым и, скорее всего, самым умным своим солдатом? Почему он обращается с Бобом так, как обращались с ним командиры, которых

он презирал?

А потом он вспомнил, что все началось не с командиров. Еще до того, как Бонзо Мадрид впервые посмотрел на него с презрением, Эндера изолировали, сделали паршивой овцой группы. И начал это не Бернард. Это был Графф.

Это делали учителя. И не просто так. Теперь Эндер понимал это. Стратегия. Графф нарочно отделил его от других ребят, сделал так, чтобы Эндер не мог сблизиться с ними. Только теперь Эндер начинал догадываться о причине. Его отделили не для того, чтобы объединить остальных (вышло-то наоборот), а чтобы заставить его, Эндера, бороться. Доказывать не свою компетентность, а свое полное, абсолютное превосходство. Только так он мог добиться дружбы и уважения. Это сделало его отличным солдатом, а каким солдатом он бы стал, не будучи паршивой овцой? Но еще это сделало его одиноким, нервным, злым, недоверчивым. Что, возможно, тоже повышало его боевые качества.

«Вот что я делаю с тобой, маленький Боб. Я причиняю тебе боль, чтобы ты стал замечательным солдатом. Чтобы развить твой ум. Чтобы ты удвоил, утроил свои усилия. Я буду постоянно выбивать у тебя землю из-под ног, ты не сможешь

предвидеть, что случится в следующую минуту, а потому всегда будешь готов к любому повороту событий, будешь готов импровизировать, победить, несмотря ни на что. И еще ты будешь очень несчастен. Вот зачем тебя мне отдали, Боб. Чтобы ты стал таким, как я. Чтобы ты еще в детстве превратился в старика.

А я… Я, наверное, стану таким, как Графф? Толстым, вечно недовольным, бесчувственным? Буду манипулировать судьбами мальчишек, чтобы наша фабрика выпускала совершенных генералов и адмиралов, готовых возглавить защищающий нашу родину флот… Все радости кукольного мастера. Пока не появляется солдат, который сильнее других, который может больше. Но этого нельзя допускать. Он ведь портит симметрию. Нужно поставить его в строй, сломать его, изолировать, бить до тех пор, пока он не станет таким, как все.

Увы, малыш Боб, что сделано, то сделано. Но я буду следить за тобой с бульшим сочувствием, чем ты думаешь, и, когда придет время, ты узнаешь, что на самом деле я твой друг и ты стал ровно таким солдатом, каким и мечтал стать».

В тот день Эндер не пошел в школу. Он лежал на койке и записывал свои впечатления о каж-

дом солдате армии Драконов: что в них хорошо, что плохо, над чем еще надо поработать. Сегодня вечером на занятиях он поговорит с Алаем, и вдвоем они придумают, как научить этих ребят тому, что они должны знать. Хорошо, что не придется решать эту задачу в одиночку.

Но когда вечером Эндер пришел в боевую комнату, специально закончив ужин пораньше, там его уже ждал майор Андерсон.

— В правилах произошло еще одно изменение, Эндер. Начиная с сегодняшнего дня разрешается тренироваться только вместе с солдатами своей армии — не важно, официальная это тренировка или свободное время. Мы составили расписание дополнительных занятий. Сегодня комната за вами, но в следующий раз ваша очередь наступит через четыре дня.

— Никто, кроме меня, не проводит дополнительных занятий.

— Теперь станут, Эндер. У тебя появилась своя армия, и другие командиры не хотят, чтобы ты управлял их солдатами. Их можно понять. Отныне они сами будут тренировать своих людей.

— Для большинства я всегда был человеком из другой армии. Это никого не смущало.

— Тогда ты не был командиром.

— Но, майор Андерсон, сэр, вы дали мне совершенно «зеленую» армию…

— У тебя достаточно ветеранов.

— Они ни на что не годны.

— В эту школу, Эндер, попадают только очень умные ребята. Придумай, найди выход из положения.

— Но мне нужны Алай и Шен…

— По-моему, Эндер, тебе пора становиться взрослым и решать свои проблемы самому. Тебе не нужны друзья, чтобы завязывать шнурки на ботинках. Теперь ты командир. И будь добр, веди себя соответственно.

Эндер прошел мимо майора Андерсона к воротам боевой комнаты. Потом остановился, обернулся и спросил:

— Если уж вы и дополнительные занятия вогнали в расписание, я смогу пользоваться на них крюком?

Ему померещилось — или Андерсон почти улыбнулся? Нет. Быть этого не может.

— Посмотрим, — ответил майор.

Эндер повернулся к нему спиной и вошел в боевую комнату. Скоро пришли ученики — солдаты его армии. Больше никого не было. То ли Андерсон перехватывал остальных еще в коридоре, то

ли по школе уже прошел слух, что с дополнительными вечерними занятиями под руководством Эндера покончено.

Тренировка прошла хорошо, и ребята многому научились, но под конец Эндер чувствовал себя усталым и одиноким. До отбоя оставалось еще полчаса. В спальню к своей армии идти было нельзя — Эндер давно понял, что хорошие командиры не появляются там без причины. У солдат должна быть возможность отдохнуть, расслабиться, не опасаясь, что кто-то наблюдает за ними и делает на основании их слов и поведения «далекоидущие выводы».

Поэтому он забрел в игровую комнату. Она тоже пустовала, лишь пара-другая мальчишек пытались перед отбоем улучшить свои личные рекорды в компьютерных играх. Еще несколько делали ставки. Играть не хотелось, но он все же подошел к одной из машин и выбрал простенькую игру, рассчитанную на залетных. Ему было скучно, поэтому, не обращая внимания на правила, Эндер просто водил свою фигурку сказочного медведя по анимированному миру.

— Так ты никогда не выиграешь.

— Ты не явился на занятия, Алай, — улыбнулся Эндер.

— Явился. Но твою армию загнали в отдельную комнату. Похоже, ты стал теперь большой шишкой и не хочешь играть с нами, сосунками.

— Ты на целый локоть выше меня.

— На локоть? Где ты этого набрался? Неужели сам Господь заговорил с тобой? Велел построить лодку, всякое такое? Или у тебя появилась склонность ко всему архаичному?

— Скорее к анархичному. Хочется рвать и метать. Я уже скучаю по тебе, старый шелудивый пес.

— Ты разве не знаешь? Мы теперь враги. Когда я встречу тебя в бою, я тебе уши надеру.

Это был обычный треп, но за ним стояло слишком много правды. И, слушая, как Алай превращает все в шутку, Эндер вдруг осознал, что прямо сейчас теряет своего друга, и ему стало очень больно. Хуже всего было то, что он не мог с уверенностью сказать, чувствует Алай ту же самую боль или нет.

— Можешь попробовать, — сказал Эндер. — Я научил тебя всему, что ты знаешь. Но далеко не всему, что знаю я.

— Я догадывался, что ты что-то придерживаешь, дорогой учитель Эндер.

Пауза. Медведь Эндера попал в беду и забрался

на дерево.

— Я ничего не скрывал от тебя, Алай.

— Знаю, — ответил тот. — И я тоже ничего не скрывал.

— Салам, Алай.

— Увы, этому не бывать.

— Чему не бывать?

— Миру. «Салам» значит «мир тебе».

Память Эндера откликнулась на слова Алая своеобразным эхом. Он вдруг вспомнил мягкий голос матери. Тогда Эндер был совсем маленьким. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»[3]. Эндер очень ярко представил, как мать протыкает Питера Ужасного окровавленным клинком, и слова эти навсегда запечатлелись в его памяти вместе с этой картинкой.

Медведь молча скончался. Быстрая забавная смерть под смешной мотивчик. Эндер повернулся. Алая уже не было. Эндеру казалось, что сейчас у него как будто отняли часть его самого. Ту часть, где хранилась отвага и уверенность. С Алаем он ощущал — даже с Шеном такого не было — то единство, то родство душ, когда «мы» слетает с

---

[3] Примечания: 3
Мф. 10: 34.

языка легче, чем «я».

Но Алай не все взял с собой. Уже забравшись на свою койку, Эндер вдруг почувствовал губы Алая на своей щеке и услышал голос, говорящий: «Мир». Поцелуй, слово, мир остались с ним. «Я есть то, что я помню. В моей памяти Алай остался другом, и никакая сила не вырвет его оттуда. Как и Валентину, мое самое сильное воспоминание из всех».

На следующий день он встретил Алая в коридоре, они весело поздоровались, пожали друг другу руки, разговорились, посмеялись — и в то же самое время они оба очень хорошо знали, что между ними выросла стена. Когда-нибудь, со временем, они сломают эту стену, но пока что единственным способом по-настоящему общаться друг с другом остались корни, длинные корни, переплетенные глубоко под стеной, откуда их не выкорчевать.

Но самым кошмарным был страх, что стена никогда не рухнет, что в сердце своем Алай рад этому расставанию и готов стать Эндеру врагом. Теперь они не могли быть вместе, а только врозь, и то, что казалось твердым и нерушимым, стало хрупким и нереальным. «Теперь мы разделены. Алай стал чужим, у него своя жизнь, никак не

связанная с моей. Это означает, что, когда я его встречу, мы не узнаем друг друга».

Эндеру было горько, но он не плакал. Со слезами покончено навсегда. С того дня, когда они превратили Валентину в незнакомого ему человека, воспользовались ею как орудием, чтобы повлиять на него, ничто уже не могло заставить его плакать. Эндер не сомневался в этом.

И со всей силой своей злости он решил, что непременно победит их. Учителей. Врагов.

11
Veni, vidi, vici[4]

— Ты серьезно насчет этого расписания?

— Абсолютно.

— Но он получил армию всего три с половиной недели назад.

— Я уже говорил. Мы просчитали на компьютере вероятный исход. И вот что, по мнению машины, Эндер станет делать.

— Мы хотим обучить его, а не сделать из него неврастеника.

— Компьютер знает его лучше, чем мы.

— Компьютеру чуждо милосердие.

— Полковник, если вы ищете милосердия, шли бы в монастырь.

— А это что, как не монастырь?

— Эндеру это только на пользу. Таким образом мы заставляем его задействовать весь свой потенциал.

— Я думал, он у нас проходит в командирах как минимум года два. Обычный график сражений

---

[4] Примечания: 4
Пришел, увидел, победил (лат.).

— раз в две недели. А сначала, само собой, трехмесячная подготовка. Майор, ты, случаем, палку не перегибаешь?

— А у нас правда есть два года?

— Согласен, согласен. Но представляю себе Эндера через год. Он будет полностью бесполезен для нас, от него ничего не останется. То, что ты собираешься устроить, за пределом человеческих возможностей.

— Мы объяснили компьютеру, что после нашей программы подготовки субъект должен остаться работоспособным. Это приоритетная задача.

— Ну, раз приоритетная…

— Слушайте, полковник Графф, вы сами настояли на такой программе. Несмотря на мои возражения, если помните.

— Я знаю. Ты прав. Нельзя было отягощать тебя муками моей совести. Но моя готовность жертвовать детишками во имя спасения человечества тает с каждым днем. Полемарх потребовал аудиенции у Гегемона. Кажется, русскую разведку сильно обеспокоило то, что некоторые слишком активные американские граждане вовсю обсуждают в сетях возможность использования Международного флота против стран Варшавского договора сразу после

победы над жукерами.

— Они бегут сильно впереди паровоза.

— Бред сумасшедшего. Свобода слова — это одно, но подвергать опасности само существование Лиги из-за идиотских националистических предрассудков… И ради этих людишек, ради этих близоруких самоубийц мы толкаем Эндера на самую грань того, что способен вынести человек.

— Я думаю, ты недооцениваешь Эндера.

— Боюсь, я также недооцениваю тупость всего человечества. Мы правда уверены, что должны выиграть эту войну?

— Сэр, это… измена.

— Нет. Просто черный юмор.

— Совсем не смешно. Когда речь идет о жукерах…

— Знаю. В них нет ничего смешного.

Эндер Виггин лежал на койке и смотрел в потолок. Став командиром, он уделял сну не больше пяти часов в сутки. Но свет гасили в десять вечера и не зажигали до шести утра. Иногда он работал с компом, едва различая, что происходит на слабосветящемся экране. Но чаще всего Эндер лежал, уставившись в невидимый потолок, и думал.

Либо учителя оказались неожиданно добры к нему, либо он был куда лучшим командиром,

чем предполагал. Его разобщенные, неуверенные в себе ветераны, которых в предыдущих армиях никто и не замечал, быстро превращались в настоящих вожаков. Причем это происходило настолько стремительно, что вместо обычных четырех взводов Эндер создал пять. И у каждого командира был заместитель — тоже ветеран. Командуя пятью взводами (по восемь человек в каждом) или же десятью полувзводами, Эндер добивался того, чтобы его армия как единая команда выполняла десять маневров одновременно. Ни одну армию прежде не разбивали на такие мелкие соединения, но Эндер и не собирался идти по проторенному пути. Большинство армий практиковали массовые маневры, следовали заранее выработанной стратегии. У Эндера стратегии не было. Он предпочитал учить взводных, как с максимальным эффектом использовать свои маленькие отряды для достижения конкретных целей — без поддержки, в одиночку, под собственную ответственность. Уже на вторую неделю тренировок Эндер начал разыгрывать со своими солдатами настоящие сражения, кровавые побоища, после которых все валились с ног. Зато теперь, после месяца упорного труда, он был уверен, что командует лучшей армией из всех,

когда-либо вступавших в игру.

Входило ли это в планы учителей? Неужели они знали, что дают ему еще не проявивших себя, но замечательных бойцов? Не нарочно ли ему подобрали тридцать залетных, понимая, что маленькие дети думают быстрее и учатся лучше? Или любой командир может сотворить такое чудо со своими людьми — любой, кто точно знает, чего хочет от своей армии и как ее этому научить?

Этот вопрос мучил его, потому что Эндер не вполне понимал: оправдал он или обманул надежды учителей.

Зато был абсолютно уверен: его армия готова к бою. Все остальные нуждались в трех месяцах подготовки, чтобы усвоить сложные маневры. «Нам этого не надо. Мы готовы. Бросьте нас в бой».

В темноте распахнулась дверь. Эндер прислушался. Какое-то шуршание. Дверь закрылась.

Он скатился с койки и пополз во мраке два метра до двери. На полу лежал листок бумаги. Он не мог прочесть написанное, но догадался о его сути. «Сражение. Как это мило с их стороны. Только я пожелал — и вот пожалуйста».

Когда зажегся свет, Эндер уже успел натянуть

боевой костюм армии Драконов. Распахнув дверь, он кинулся вниз по коридору и в шесть часов одну минуту уже стоял в дверях спальни своей армии.

— Ровно в семь утра у нас сражение с армией Кроликов. Я хочу, чтобы вы разогрелись и были готовы к бою. Всем раздеться и мигом в гимнастический зал. Костюмы брать с собой, прямо оттуда мы отправимся в боевую комнату.

— А как же завтрак?

— Хотите, чтобы стошнило во время сражения? Никаких завтраков.

— А пописать-то хоть можно?

— Не больше декалитра.

Они рассмеялись. Те, кто спал одетым, разделись, все похватали боевые костюмы и вприпрыжку направились по коридору в гимнастический зал. Эндер дважды прогнал их по курсу препятствий, а потом разбил на группы, чтобы по очереди работать на шведской стенке, матах и батуте.

— Не переутомляйтесь, это всего лишь разминка.

На самом деле он не беспокоился. Все были в хорошей форме, гибкие, сильные, уже возбужденные предвкушением схватки. Несколько мальчишек затеяли шутливую борьбу, и вдруг, в

одно мгновение, серый и скучный гимнастический зал наполнился жизнью, весельем. Они не ведали сомнений, как бывает с теми, кто еще не подвергся испытанию, но знает, что готов. «А с чего бы им думать иначе? Они готовы. И я тоже».

В шесть сорок он приказал всем одеваться. И за это время успел поговорить с командирами взводов и их заместителями.

— Армия Кроликов почти полностью состоит из ветеранов, но Карн Карби командует ими всего три месяца. Мне не приходилось сражаться с Кроликами после того, как он принял командование. Он был прекрасным солдатом, и у Кроликов приличное место в турнирной таблице. Но они наверняка дерутся строем, так что поводов для беспокойства нет.

В шесть пятьдесят он приказал всем лечь на маты и расслабиться. В шесть пятьдесят шесть Эндер поднял солдат, и они — опять вприпрыжку — помчались в боевую комнату. Внезапно Эндер подпрыгнул и коснулся рукой потолка. И следовавшие за ним ребята тоже подпрыгнули, стараясь коснуться той же самой точки. Их световая полоска вела налево, армия Кроликов уже прошла направо. Ровно в шесть пятьдесят восемь армия Драконов стояла у ворот боевой комнаты.

Взводы построились пятью колоннами. Взводы А и Д приготовились ухватиться за боковые поручни и разлететься вправо и влево, Б и Г нацелились на параллельные перила, ведущие вверх, в невесомость, а взвод В собирался оттолкнуться от пола и нырнуть вниз.

Вверх, вниз, вправо, влево. Эндер стоял впереди ровно между колоннами, чтобы не путаться под ногами у собственной армии.

— Где вражеские ворота? — в который раз спросил он.

— Внизу, — с дружным смехом ответили ему.

И в этот самый момент верх стал севером, низ — югом, справа оказался запад, слева — восток.

Серая стена исчезла, и впереди открылась боевая комната. Ага, значит, игра пойдет не в темноте; правда, нельзя и сказать, чтобы было особенно светло: лампы горят вполнакала, в комнате сумерки. Вдалеке, в тусклом свете, едва можно было разобрать вражеские ворота и стремительно выливающийся оттуда поток солдат в светящихся боевых костюмах. Эндер позволил себе ехидно ухмыльнуться: из тогдашнего промаха Бонзо все извлекли неправильный урок. Теперь армии вылетали из ворот с такой скоростью, что у командиров даже не было времени подумать.

Солдаты могли только построиться заранее обговоренным способом и атаковать. Что ж, а Эндер, наоборот, подождет и подумает. Его солдаты достаточно хорошо маневрируют в невесомости, чтобы противник не подстрелил их, если они чуток задержатся на выходе.

Эндер оглядел будущее поле боя: крупноячеистая сеть, привычная по прошлым играм, вроде той, что обтягивает обезьяньи вольеры в парке; в сети болтаются семь или восемь звезд; позиции интересные, стоит попробовать.

— Пробирайтесь под прикрытие ближайших звезд! — скомандовал Эндер. — Взвод В, попробуйте проскользнуть по стене в тыл противника. Если получится, следом пойдут взводы А и Д. Если нет — разберусь на месте. Я пойду со взводом Г. Вперед!

Все солдаты знали, что происходит, общая стратегия была сформулирована, но тактические решения предстояло принимать непосредственно командирам взводов. Несмотря на инструктаж, Драконы опоздали с вылетом из ворот всего секунд на десять. Кроличья армия уже исполняла какой-то сложный танец в своем конце комнаты. Во всех армиях, в которых Эндеру случалось воевать, в подобный момент главной задачей

солдата было занять в строю предписанное ему место, тогда как Эндер и его люди сейчас думали только о том, как проскользнуть по стене, взять под контроль важные звезды и углы комнаты, а затем развалить вражеский строй, дезорганизовав противника. Армия Драконов существовала меньше четырех недель, но такой способ ведения боя уже казался им единственно разумным, а вернее, единственно возможным. Эндер диву давался, как это армия Кроликов не понимает, насколько безнадежно устарела ее стратегия.

Взвод В заскользил вдоль стены, прикрываясь обращенными к противнику согнутыми коленями. Чокнутый Том, взводный, очевидно, приказал своим солдатам заморозить себе ноги. Прекрасная идея: в комнате полумрак, а светящиеся костюмы темнеют, когда становятся жесткими. Хороший способ маскировки. Молодец, Том! После игры нужно будет отметить его.

Армия Кроликов успешно отражала атаки взвода В, но Чокнутый Том умудрился обойти противника с фланга, заморозив с добрую дюжину Кроликов, после чего увел своих бойцов под прикрытие ближайшей звезды. И звезда эта располагалась в тылу у Кроликов, а значит, представляла собой идеальную позицию для

стрелков.

Хань Цзы, по прозвищу Хана-Цып, командир взвода Г, тихо проскользнул к тому краю звезды, за которым прятался Эндер:

— А что, если мы оттолкнемся от северной стены и приземлимся коленями прямо на их кроличьи рожи?

— Годится, — кивнул Эндер. — А я поведу взвод Б по южной им в тыл. Взводы А и Г — немедленно по стенам! — крикнул он, скользнул вдоль звезды, зацепился ногами за ее угол, отлетел к верхней стене и, оттолкнувшись, очутился прямо у звезды взвода Б.

Через минуту он уже вел ребят вниз по южной стене. Они четко и согласованно оттолкнулись и вынырнули как раз за двойной звездой, которую защищали солдаты Карна Карби. Словно горячий нож вошел в масло. Кроличья армия кончилась, испарилась, осталось только прибраться. Эндер разбил свои взводы на полувзводы и приказал поискать по углам: не осталось ли живых или легко раненных вражеских солдат? Через три минуты взводные доложили, что вокруг чисто. Только один из бойцов Эндера был убит — солдат из взвода В, атаковавшего противника прямо в лоб, — и еще пятеро получили тяжелые ранения.

Ну, плюс, конечно, куча легких ранений — в ноги, по большей части самострелы. В общем, все прошло даже лучше, чем предполагал Эндер.

Он приказал взводным выполнить почетный ритуал у ворот противника: четыре шлема по углам, Чокнутый Том пролетел в ворота. Как правило, большинству командиров приходилось довольствоваться теми, кто выжил в бою, а Эндер мог даже выбирать. Тем более что было из кого. «Хороший бой!»

Вспыхнул свет, и через ворота учителей в южной стене комнаты прошел майор Андерсон собственной персоной. Он чрезвычайно торжественно протянул Эндеру учительский крюк, который обычно вручали командиру победившей армии. Эндер немедленно разморозил своих солдат, проследил, чтобы они построились повзводно, и лишь потом вернул к жизни армию противника. Он хотел, чтобы его люди имели молодцеватый, воинственный вид к тому моменту, когда Карн Карби и его Кролики обретут способность двигаться. «Они могут болтать про нас всякие гадости, распускать лживые сплетни, но они запомнят, что мы стерли их в порошок. И что бы они потом ни говорили, другие солдаты и командиры увидят это в их глазах, в их кроли-

чьих глазах, — увидят наш ровный строй, увидят нас, торжествующих, почти не пострадавших в сражении. Армия Драконов недолго останется объектом шуток».

Карн Карби подплыл к Эндеру, как только разморозился. Ему было двенадцать лет, он стал командиром армии только в свой последний школьный год. И потому не был дерзок и задирист, как те, кто принял командование в одиннадцать. «Я запомню это, — подумал Эндер, — и использую, когда буду побежден. Как сохранять достоинство, как отдавать должное врагу, как не превращать поражение в позор. Да, Карн Карби, я запомню. Но, надеюсь, мне это не пригодится».

Андерсон отпустил армию Драконов только после того, как Кролики протолкались через те ворота, сквозь которые перед началом игры прошли солдаты Эндера. А затем Эндер повел свою армию через ворота противника. Полоска света на двери указывала, где будет низ в коридоре при земной силе тяжести. Все ребята легким прыжком приземлились на ноги. Армия столпилась в коридоре.

— Сейчас семь пятнадцать, — сказал Эндер. — Это значит, что у вас есть пятнадцать минут,

чтобы позавтракать. Я жду вас в боевой комнате. Утренняя тренировка по расписанию. — Он слышал их беззвучные возражения: слушай, мы победили, что, и отпраздновать нельзя? «Можно, можно», — подумал Эндер и добавил: — И я даю вам командирское позволение кидаться друг в друга едой за завтраком.

Все рассмеялись, выкрикнули «ура!», а когда он отпустил их, рысью кинулись к спальне. Эндер отловил взводных и сказал им, что не будет слишком сердиться, если армия явится на тренировку в семь сорок пять. А еще сегодня занятия закончатся пораньше, так что все успеют принять душ до школы. Полчаса на завтрак и никакого душа после сражения — это довольно-таки неприятно, но не слишком, по сравнению с пятнадцатью первоначальными минутами. Эндер хотел, чтобы сообщение о дополнительном времени исходило от взводных. Пусть солдаты привыкают ждать поблажек от мелкого начальства и неприятностей — от крупного. Это поможет им сплотиться и стать единым целым.

Сам Эндер завтракать не пошел. Он не был голоден. Вместо этого он отправился в душевую, снял боевой костюм и сунул его в стиральную машину. Будет готов через десять минут. Эндер

дважды вымылся с мылом, а потом просто стоял под душем, омываемый струями воды. Эту воду профильтруют и переработают. Не пропадет. «Пусть каждый сегодня хлебнет моего пота». Ему дали необученную армию, а он победил. Не просто победил — разгромил противника, потеряв всего шесть человек. Посмотрим, как долго другие командиры будут использовать строевые атаки, когда поймут, что дает его новая гибкая стратегия.

Когда по одному начали появляться его солдаты, Эндер уже висел в воздухе посреди боевой комнаты. Разумеется, никто даже не пытался с ним заговорить. Они знали: командир обратится к ним, когда будет что сказать. Но не раньше.

Наконец все собрались. Эндер приблизился и обвел солдат внимательным взглядом:

— Хороший первый бой. — Эти слова породили дружный вопль и попытку проскандировать: «Дракон! Дракон!..» — которую Эндер немедленно пресек. — Армия Драконов неплохо управилась с Кроликами. Но не ожидайте, что враг всегда будет таким беспомощным. Если бы мы имели дело с приличной армией… Взвод В, вы летели так медленно, что едва не оказались зажатыми с флангов. Вам следовало разделиться и атаковать

сразу с двух направлений, чтобы враг не мог окружить вас. Взводы А и Д палили мимо цели. Статистика показывает, что у вас одно попадание на двух солдат. Это значит, что не мазали только первые ряды атаковавших — те, что стреляли в упор. Так продолжаться не может: грамотный противник разделал бы атаковавших на котлеты при столь слабом огневом прикрытии. Сегодня все взводы отрабатывают стрельбу по неподвижным и движущимся мишеням с дальнего расстояния. Полувзводы по очереди играют роль мишеней. Я буду «размораживать» ваши костюмы через каждые три минуты. Вперед!

— А нельзя ли нам работать со звездами? — спросил Хана-Цып. — Чтобы иметь точку опоры?

— Я не хочу, чтобы вы привыкали использовать точки опоры. Руки дрожат — локти заморозь. Начали!

Взводные быстро организовали своих людей, и теперь Эндер перелетал от группы к группе, вноя предложения и помогая тем, у кого почему-то не ладилось дело. Ребята уже успели понять, что Эндер может быть груб в обращении с армией в целом, но с отдельными солдатами он всегда внимателен, терпелив, повторяет объяснения столько раз, сколько необходимо, дает советы и

готов до бесконечности выслушивать жалобы и вопросы. Правда, попытки пошутить с ним не нашли отклика и быстро прекратились. Он все время оставался командиром. Не напоминал, что он — командир, а просто был им.

Тренировка прошла под знаком сегодняшней победы, но, когда Эндер закончил ее на полчаса раньше, все откликнулись дружным «ура». Правда, взводных Эндер задержал до самого обеда, обсуждая с ними тактические приемы и поведение отдельных солдат. Потом вернулся в свою комнату и не спеша переоделся в чистую форму. Он опоздает в командирскую столовую минут на десять. Да, это будет идеально. Поскольку это была его первая победа, Эндер понятия не имел, как выглядит изнутри командирская столовая и что положено делать командиру-новичку, зато точно знал, что сегодня он должен прибыть последним, когда на табло уже высветятся результаты утренних сражений. Когда все узнают, что такое армия Драконов.

Никто даже не обернулся, когда он вошел. Но потом заметили его маленький рост и золотых драконов, украшающих обшлага рукавов. Какое-то время его открыто разглядывали. Эндер взял свою порцию и сел за столик. В столовой царила

тишина. Эндер начал есть медленно и аккуратно, словно не замечая, что находится в центре внимания. Постепенно разговоры возобновились, поднялся обычный шум; Эндер расслабился и огляделся.

Одну из стен занимало огромное табло. Солдатам была доступна информация об общих успехах их армий за последние два года, но местная статистика предназначалась исключительно для командиров. Новичок не мог унаследовать хорошую позицию от своего предшественника. В расчет брались только его собственные заслуги.

У Эндера был самый лучший рейтинг. Разумеется, он выиграл всего лишь одно сражение, но по остальным пунктам он далеко всех обгонял: средние потери убитыми и ранеными, средние потери противника, среднее время, потребовавшееся для победы, — он лидировал по всем позициям.

Эндер уже покончил с обедом, когда кто-то подошел к нему сзади и тронул за плечо:

— Можно присесть?

Эндеру не нужно было поворачивать голову, чтобы узнать говорившего.

— Хо, Динк, садись, конечно.

— Вот ведь везучий гаденыш… — весело сказал

Динк. — Мы тут все пытаемся разобраться, что такое твоя победа — чудо или ошибка.

— Привычка, — пояснил Эндер.

— Одна победа — это еще не привычка, — фыркнул Динк. — Не задавайся. Против новичков всегда ставят командиров послабее.

— Карн Карби далеко не последний, судя по вашей таблице.

Это была чистая правда. На табло имя Карна Карби светилось как раз посредине.

— Он в порядке, — согласился Динк. — Неплох для начинающего. Подает надежды. А вот ты не подаешь надежды — ты представляешь собой угрозу.

— Угрозу чему? Что, вас кормить будут меньше, если я выиграю? Не ты ли объяснял мне, что это просто идиотская игра, которая ничего не значит?

Очевидно, Динку не очень понравилось это напоминание.

— Это ты убедил меня подыграть учителям, Эндер. Но я не стану подыгрывать тебе. Меня ты не побьешь.

— Возможно.

— Я научил тебя…

— Всему, что я знаю, — улыбнулся Эндер. — А

теперь я просто импровизирую.

— Поздравляю.

— Приятно знать, что у меня есть хотя бы один друг.

Но Эндер вовсе не был уверен, что Динк остался его другом. Динк и сам не был в этом уверен. Они обменялись еще парой пустых, ничего не значащих реплик, и Динк вернулся к своему столу.

Разделавшись с едой, Эндер огляделся. Командиры сидели маленькими группками и беседовали между собой. Эндер заметил Бонзо — тот был уже одним из самых старых командиров. Носатый Рози к тому времени окончил школу. Петра устроилась с компанией в дальнем углу — она не удостоила Эндера даже взглядом. И поскольку ребята, сидевшие с ней, время от времени поглядывали на него украдкой, Эндер понимал, что она нарочно избегает встречаться с ним глазами. «Плохо начинать с победы, — подумал Эндер. — Теряешь друзей. Впрочем, через пару недель они привыкнут. Уже к следующему моему сражению все успокоится».

Карн Карби специально подошел и поздоровался с Эндером, прежде чем кончился обед. Это было весьма благородно с его стороны, и в отличие от Динка он не казался настороженным и

раздраженным.

— Сегодня я в опале, — признался Карн. — Мне не верят, что ты выкинул пару невиданных номеров. Так что надеюсь, ты как следует вздрючишь того, с кем будешь сражаться в следующий раз. Уж сделай одолжение!

— Только ради тебя, — ответил Эндер. — И спасибо, что заговорил со мной.

— По-моему, ты не заслужил такого свинского отношения. Обычно новичков встречают радушно. Но, видишь ли, большинство командиров терпят два-три поражения, прежде чем попасть сюда. Я сам первый раз вошел в командирскую столовую всего месяц назад. Если кто и заслуживает триумфа, так это ты. Но такова жизнь. Заставь их жрать землю.

— Попробую.

Карн Карби отошел, а Эндер мысленно занес его в свой личный список тех, кто достоин называться людьми.

Давно уже Эндер не спал так крепко, как этой ночью. Он проснулся, только когда зажгли свет, в отменном настроении и побежал принимать душ, не обратив внимания на листок бумаги, который валялся на полу. Он заметил листок, когда вернулся, взял свою форму, и тот взметнул-

ся от резкого движения. Эндер поднял бумажку и прочел:

ПЕТРА АРКАНЯН, АРМИЯ ФЕНИКСОВ, 07.00.

Это была его прежняя армия — армия, которую он оставил четыре недели назад. Он знал все их приемы как свои пять пальцев. Не без влияния Эндера армия Фениксов стала самой гибкой из всех армий, научившись быстро реагировать на любую ситуацию. И конечно, им проще будет отражать непредсказуемые стремительные атаки Эндера. Учителя твердо решили сделать жизнь Эндера как можно более интересной.

В приказе написано: семь часов. Сейчас полседьмого. Часть ребят, должно быть, уже отправилась на завтрак. Эндер отшвырнул в сторону комбинезон, схватил боевой костюм и через мгновение стоял в дверях спальни Драконов:

— Господа, надеюсь, вчера вы чему-то научились, потому что сегодня нам придется повторить представление.

Потребовалась минута, чтобы до всех дошло: он говорит о сражении, а не о тренировке. Должно быть, это ошибка, сказали они. Еще никто не сражался два дня подряд.

Эндер протянул бумагу Мухе Моло, командиру взвода А. Тот прочел и рявкнул:

— Надеть костюмы!

И сам кинулся переодеваться.

— Но почему вы не сказали нам об этом раньше? — спросил Хана-Цып.

Он один осмеливался задавать Эндеру подобные вопросы.

— Я дал вам время принять душ, — ответил Эндер. — Если верить Кроликам, мы победили только потому, что ваш запах разил их наповал.

Стоявшие рядом солдаты рассмеялись.

— Вы обнаружили бумагу, сэр, только когда вернулись из душа, не так ли?

Эндер обернулся в поисках говорившего. Конечно, это был Боб — уже в костюме, личико как бы невинное. «Что, малыш, пришло время рассчитаться за старые обиды?»

— Естественно, — презрительно усмехнулся Эндер. — Я ведь не так близко к полу, как ты.

Опять грянул смех. Боб покраснел от злости.

— Судя по всему, порядки в школе несколько поменялись. Так что будьте готовы сражаться в любое время. Не стану притворяться, будто бы я рад тому, как нас пытаются поиметь, но за одну вещь я и правда благодарен учителям — они дали

мне армию, способную справиться с чем угодно.

Прикажи он теперь следовать за ним на Луну без скафандров, приказ выполнили бы немедленно.

Петра была не чета Карну Карби: ее ум оказался острее, тактика — гибче, она нашла что противопоставить стремительным импровизациям Эндера. Поэтому под конец сражения Эндер недосчитался трех убитых и девятерых тяжелораненых. Однако Петра не нашла в себе великодушия, чтобы приветствовать его победу. Ее гневные глаза, казалось, говорили: я была твоим другом, а ты так унизил меня.

Эндер сделал вид, что не замечает ее ярости. Пройдет всего несколько сражений, и она поймет, что держалась против него лучше, чем кто бы то ни было. И Эндер все еще учился у нее. В тот день, на занятиях, он объяснял взводным, как противостоять врагу, который действует так, как Петра. Скоро они снова станут друзьями.

Во всяком случае, он на это надеялся.

За неделю армия Драконов сражалась семь раз. Счет: семь побед, ноль поражений. Самое большое число потерь — в битве с армией Фениксов. В последних двух сражениях у Эндера не было ни раненых, ни убитых, замороженные ноги

— не в счет. Больше никто уже не утверждал, что своими победами он обязан лишь удаче. Эндер побеждал лучшие армии при помощи неслыханных маневров. Другие командиры уже не могли игнорировать его. Некоторые подсаживались в столовой, чтобы осторожно выяснить, как он разбил очередного противника. Он всегда честно все рассказывал, уверенный, что лишь немногие смогут обучить своих солдат и взводных копировать приемы Драконов. Однако охотников побеседовать с Эндером находилось мало, гораздо больше ребят собиралось вокруг побежденных в надежде отыскать способ разбить наглого выскочку.

Многие его открыто ненавидели. За молодость, за ум, за то, что в лучах его славы померкли их победы. Сначала Эндер читал это на лицах ребят, с которыми сталкивался в коридорах, потом заметил, что некоторые встают и уходят, когда он садится рядом с ними в командирской столовой, затем начались «случайные» толчки под локоть в игровой и не менее «случайные» подножки в гимнастическом зале, комки мокрой жеваной бумаги в коридорах, летящие ему в спину. Они не могли победить его на поле боя и знали это, а потому нападали там, где безопасно, где он был не военным гением, а просто маленьким

мальчиком. Эндер презирал их, но втайне, сам того не подозревая, боялся. Подобные мелкие пакости любил устраивать Питер. Эндер начинал чувствовать себя как дома.

Впрочем, то были мелочи, ерунда. Эндер приучил себя воспринимать ненависть как извращенную форму восхищения. Другие армии начали подражать ему. Солдаты атаковали с подогнутыми ногами, никто уже не пытался действовать сомкнутым строем, и командиры все чаще посылали людей по стенам в тыл противника. Никто, однако, до сих пор не сообразил, что в армии Эндера не четыре стандартных взвода, а пять. Это давало ему небольшое преимущество — плюс один маневренный взвод, на который никто не рассчитывал.

Эндер обучал всю школу тактике боя в невесомости. Но ведь и ему самому нужно было у кого-то учиться.

Он зачастил в видеозал и часами крутил пропагандистские видео о Мэйзере Рэкхеме и других великих полководцах человечества времен Первого и Второго нашествий. Теперь Эндер покидал общеармейскую тренировку на час раньше, приказав взводным заканчивать занятия без него. Чаще всего ребята разыгрывали мини-бои

— взвод на взвод. Эндер задерживался минут на пять, убедиться, все ли в порядке, а затем уходил смотреть старые видео.

По большей части это была пустая трата времени. Бравурные марши, крупные планы командиров, солдаты, награждаемые перед строем, морские пехотинцы, беспорядочно берущие на абордаж корабли жукеров. Но время от времени он натыкался и на полезные кадры: вот во мраке космоса скользят крохотными звездочками корабли, а вот — что намного интереснее — маленькие лампочки зажигаются и гаснут на большой светящейся карте флагманского крейсера, отражая ход космического сражения. Было очень трудно по видео составить представление о происходящем: сцены боев часто обрывались или шли без пояснений. Но Эндер начинал вникать в бессмысленные на первый взгляд маневры, которые помогали жукерам развалить вражеский строй, в то, как, нападая и отступая, они заманивали корабли Международного флота в ловушки. Некоторые сражения были разбиты на десятки сцен, разбросанных по доброй дюжине видео. Эндер смотрел все подряд и реконструировал. Он теперь знал то, о чем умалчивали официальные комментаторы,

пытаясь возбудить в зрителях гордость за успехи человечества, внушить им презрение к жукерам. А Эндер тем временем удивлялся, как это люди вообще ухитрились победить. Корабли людей были малоподвижны, флоты и эскадры реагировали на меняющуюся ситуацию поразительно медленно, тогда как звездолеты жукеров вели себя в бою как части единого целого, а встретив новую опасность, действовали четко и разумно. Конечно, космические суда человечества, построенные до Первого нашествия, оказались совершенно не приспособленными для яростных сражений в космосе, но ведь жукеры находились в том же положении. Лишь ко Второму нашествию корабли стали по-настоящему быстрыми, а оружие — смертоносным.

Поэтому стратегии Эндер учился не у людей, а у жукеров. Ему было стыдно и страшно учиться у них — самых страшных врагов человечества, уродливых, кровожадных, омерзительных. Но они здорово дрались. До известного предела. Судя по всему, жукеры придерживались одной базовой стратегии — собрать в ключевом месте сражения как можно больше кораблей. Они никогда не совершали ничего неожиданного, ничего, что выдавало бы гениальность или глупость

главнокомандующего. Возможно, из-за строгой дисциплины.

И еще одна странность. Столько болтовни о победе Мэйзера Рэкхема, переломившей ход войны, а на видео только жалкие фрагменты. Эндер сумел отыскать всего пару сцен, запечатлевших маленькую эскадру Рэкхема на фоне огромного вражеского флота. Давид и Голиаф. К тому времени жукеры успели разгромить главные силы человечества в генеральном сражении, выставив на посмешище стратегический гений главнокомандующих Международного флота. Это видео показывали часто, чтобы заставить людей вновь и вновь переживать агонию и ужас поражения. Вот вражеская армада движется к Сатурну, но тут ее встречает резерв под командой Мэйзера Рэкхема. Неравенство сил, абсолютно безнадежная ситуация, а потом…

Самый маленький крейсер, флагман Рэкхема, открывает огонь. Вражеский корабль взрывается… И все. Больше никаких записей. Дальше — лишь пехотинцы, пробирающиеся по захваченным кораблям. Груды мертвых жукеров в коридорах. И ни одной сцены рукопашного боя — разве что выдернут кадр-другой из видео про Первое нашествие. Эндера здорово раздражало

столь очевидное вето, наложенное цензурой на победу Мэйзера Рэкхема. Учащимся Боевой школы было чему поучиться у великого командира, но все связанное с этим сражением тщательно скрывалось. Дурная услуга мальчишкам, которым, возможно, придется повторить то, что сделал однажды Мэйзер Рэкхем!

Естественно, как только по школе прошел слух, что Эндер Виггин часами крутит одни и те же военные видео, в видеозале начала собираться толпа. Командиры смотрели видеозаписи, заказываемые Эндером, и делали вид, будто понимают, зачем он все это смотрит и что полезного для себя извлекает. Эндер же никогда ничего не объяснял. Только однажды, когда он прокрутил подряд семь сцен одного и того же сражения, взятые из разных видео, кто-то из заднего ряда робко спросил:

— Это что, один и тот же бой?

Эндер только пожал плечами.

На седьмой день, спустя пару часов после очередной битвы, в которой армия Драконов одержала седьмую победу, в видеозал зашел майор Андерсон. Он вручил одному из сидевших там командиров листок бумаги, а затем подошел к Эндеру:

— Полковник Графф желает видеть тебя в своем кабинете немедленно.

Эндер встал и пошел за Андерсоном через лабиринт коридоров. Андерсон нажатием ладони открывал замки, призванные держать учеников подальше от офицерской половины. Наконец они пришли туда, где в мягком кресле, привинченном к стальному полу, восседал Графф. Теперь его живот переваливался через оба подлокотника, даже когда полковник старался держаться прямо. А ведь четыре года назад, при первой встрече, он совсем не показался Эндеру толстым. Годы нервного напряжения дорого обошлись администратору Боевой школы.

— Сегодня семь дней с твоего первого сражения, Эндер, — сказал Графф.

Эндер не ответил.

— Ты выигрываешь по сражению в день.

Эндер кивнул.

— Ты ведешь по всем пунктам.

Эндер мигнул.

— Чем ты, командир армии Драконов, объясняешь свой неслыханный успех?

— Вы дали мне армию, которая с готовностью воспринимает любую мою идею.

— И в чем же состояли эти твои идеи?

— Мы используем иную ориентацию в пространстве — воспринимаем вражеские ворота как низ и, атакуя, падаем на них согнутыми ногами вперед. Избегаем плотного строя, делаем ставку на подвижность. У меня пять взводов по восемь человек, а не четыре по десять — это тоже помогает. А главное, наши противники никак не могут приспособиться к новым способам ведения боя, и мы бьем их одними и теми же приемами. Хотя это не может продолжаться до бесконечности.

— Ты считаешь, что скоро перестанешь побеждать?

— Нет, но мне придется придумать что-то новое.

Графф кивнул:

— Садись, Эндер.

Эндер и Андерсон опустились в кресла. Графф посмотрел на майора, и тот заговорил:

— И в каком состоянии находится твоя армия? После стольких-то боев?

— Теперь они все ветераны.

— Но как они себя чувствуют? Устали?

— Даже если и так, они в этом не призна`ются.

— А что творится у них в голове?

— Слушайте, это не я, а вы играете в компью-

терные игры с человеческими мозгами. Вот вы мне и расскажите.

— Мы знаем то, что знаем. Нас интересует, что знаешь ты.

— Они очень хорошие солдаты, майор Андерсон. Конечно, и у них есть предел выносливости, но мы пока его не достигли. У парочки, тех, что помоложе, есть проблемы с освоением базовых техник, но они трудятся и совершенствуются. Вы хотите знать, не нуждаются ли они в отдыхе? Конечно нуждаются. Двух недель вполне бы хватило. Мы окончательно запустили учебу. Но вы все это знаете и, очевидно, не беспокоитесь, так с чего бы мне нервничать?

Графф и Андерсон переглянулись.

— Эндер, зачем ты смотришь военные видео?

— Чтобы изучать стратегию, зачем же еще?

— Эти фильмы создавались в пропагандистских целях. Оттуда изъято все, что касается стратегии.

— Знаю.

Графф и Андерсон снова переглянулись. Графф забарабанил пальцами по столу:

— Ты совсем забросил свою фэнтези-игру.

Эндер не ответил.

— Объясни почему.

— Потому что я выиграл.

— В этой игре нельзя выиграть *окончательно*. Всегда появляются новые цели.

— А я выиграл.

— Эндер, мы желаем тебе только добра, хотим помочь стать счастливым, но если ты…

— Вы хотите помочь мне стать солдатом. Пойдите и еще раз взгляните на табло. На мой личный счет. До сих пор вы неплохо справлялись. Примите мои поздравления. Вопрос: когда вы дадите мне достойного соперника?

Плотно сжатые губы Граффа разошлись в улыбке, и он затрясся от беззвучного смеха.

— Да хоть сейчас, — ответил Андерсон, вручая Эндеру листок бумаги.

— До боя десять минут, — сказал Эндер. — Моя армия в душе, моется после тренировки.

Графф улыбнулся:

— Тогда поторопись, малыш.

Он добрался до спальни через пять минут. Большинство его солдат переодевались после душа, но некоторые уже ушли в игровую, видеозал или столовую — обедать. Он послал за ними трех самых младших, а остальным приказал немедленно переодеваться в боевые костюмы.

— Мы горим, времени в обрез, — пояснил Эндер. — Они предупредили Бонзо двадцать минут

назад. К тому времени, когда мы доберемся до ворот, наши противники уже минут пять как будут внутри.

Конечно, все пришли в ярость. По комнате туда-сюда летали крепкие выражения, чего никогда не случалось в присутствии Эндера.

— Они чё там, совсем крейзанулись? Вот, млин, козлы!

— Об этом подумаем вечером. Вы устали?

— Сегодня на тренировке выложились по полной, — ответил за всех Муха Моло. — Плюс с утра пораньше вышибли дух из армии Куниц.

— Никто и никогда не сражался по два раза на дню! — воскликнул Чокнутый Том.

— Никто и никогда не побеждал армию Драконов! — в том же тоне ответил Эндер. — Нам предоставляется счастливый шанс проиграть. Не упустим его?

Насмешливый вопрос Эндера был ответом на их жалобы. Сначала победа, а споры потом.

Все уже собрались, бо`льшая часть успела одеться.

— Вперед! — выкрикнул Эндер, и они ринулись за ним, на ходу застегивая боевые костюмы.

В коридоре, ведущем к боевой комнате, Эндер остановился. За спиной тяжело дышали его сол-

даты. Плохой признак. Они слишком устали для очередного боя. Ворота были открыты. Внутри — никаких звезд. Пустая, ярко освещенная комната. Нигде не спрячешься. Ни одного укромного уголка.

— Мама моя, — выдохнул Чокнутый Том, — а они что, еще даже не зашли?

Эйлер прижал палец ко рту, призывая к молчанию. Ворота открыты, и, конечно, врагу слышно каждое слово. Эндер показал на ворота, потом описал руками круг, объясняя: армия Саламандр наверняка повисла вдоль стен рядом с дверью, невидимая Драконам. Ждет, когда они начнут выходить, чтобы морозить врагов по одному.

Взмахом руки Эндер приказал своим солдатам отойти подальше от ворот. Вытащил из строя несколько самых рослых мальчиков, включая Чокнутого Тома, заставил их встать на колени, но не садиться на пятки, а выпрямиться, так чтобы их тела приняли форму буквы «L». А потом заморозил их. Подозвал жестом маленького Боба, вручил ему пистолет Тома и велел встать на колени на замороженные ноги взводного. Затем просунул руки Боба — в каждой по пистолету — под мышками Чокнутого Тома.

Теперь картина прояснилась: Том превратился

в щит, в бронированный космический крейсер, внутри которого прятался экипаж — Боб. Защита, конечно, не идеальная, но у стрелка будет время.

Эндер поманил было двух ребят, чтобы швырнуть Тома и Боба сквозь ворота, но тут же сделал им знак ждать. Быстро разбил свою армию на группы из четырех человек: щит, стрелок и двое швыряльщиков. Когда все были заморожены, соответственно вооружены и встали на изготовку, он жестами объяснил дальнейший план: поднимаем грузы, швыряем в ворота, прыгаем следом.

— Пошли! Пошли!

И они пошли. «Крейсеры» вылетали через дверь по двое, спиной вперед, чтобы щит находился между стрелком и противником. Саламандры немедленно открыли огонь, но попадали большей частью в и без того замороженную «броню». А тем временем стрелки, паля из двух пистолетов одновременно, методично уничтожали выстроившиеся перед ними на стене мишени. Саламандры так скучились, что промахнуться было трудно. А когда пришла очередь швыряльщиков, те скользнули на ту же стену, что и враг, и тоже открыли огонь. Теперь Саламандры совершенно растерялись. Они не знали, что им делать: то ли сосредоточить огонь на «крейсерах», уничтожа-

ющих их сверху, то ли стрелять по противнику, который расположился совсем рядом. Когда Эндер миновал ворота, битва уже отбушевала. Прошло менее минуты с появления в боевой комнате первого Дракона и до прекращения огня. Армия Драконов потеряла двадцать человек убитыми и тяжелоранеными, и только двенадцать солдат вообще не были задеты. Самые тяжелые потери за всю историю существования армии, но все-таки они победили.

Когда майор Андерсон показался из своих ворот и протянул победителю крюк, Эндер не смог сдержать злости:

— А я-то надеялся, вы отыщете армию, которая могла бы противостоять нам в честном бою.

— Поздравляю с победой, командир.

— Боб! — крикнул Эндер. — Что бы ты сделал на месте командира Саламандр?

Тяжелораненый Боб дрейфовал неподалеку от ворот противника.

— Я бы заставил своих солдат все время двигаться, перемещаться вокруг ворот, — немедленно откликнулся он. — Нельзя стоять на месте, когда противник знает, где ты находишься.

— Раз уж вы начали жульничать, — повернулся Эндер к Андерсону, — поделились бы опытом со

своими приспешниками, а?

— Я предлагаю вам освободить свою армию, — ответил майор Андерсон.

Эндер нажал две кнопки на крюке, «размораживая» обе армии одновременно.

— Драконы могут идти! — прокричал он.

Никакого строя, принимающего капитуляцию противника, не будет. Хоть бой и кончился победой, он шел не по правилам. Учителя хотели, чтобы Эндер проиграл, его спасло только невежество Бонзо. Тут нечем гордиться.

И только выходя из боевой комнаты, Эндер сообразил, что Бонзо наверняка ничего не понял. Не понял, что его соперник был зол на учителей. Испанская честь… Бонзо будет знать только одно: несмотря на полное превосходство, он был разбит в пух и прах. К тому же Эндер заставил самого маленького из своих солдат во всеуслышание объяснить, что именно помешало победе Бонзо. И в довесок ко всему его лишили возможности с достоинством сдаться. Даже если бы Бонзо не испытывал ненависти к Эндеру, то возненавидел бы его сейчас. А так его ненависть стала еще более жгучей. «Бонзо был последним, кому удалось ударить меня, — подумал Эндер. — И он этого не забыл, я уверен».

А еще он, конечно же, не забыл ту драку в боевой комнате, когда старшие пытались сорвать Эндеру вечерние занятия. И не он один про нее помнит. Тогда его собирались просто проучить. Теперь Бонзо жаждет крови. Эндер подумал было снова записаться на курсы рукопашного боя, но потом понял, что, сражаясь каждый день, а то и дважды в день, он просто не будет на них успевать. Что ж, придется испытывать судьбу. «Учителя заварили эту кашу, вот они меня пусть и защищают».

Боб хлопнулся на койку в полном изнеможении. Половина ребят в комнате уже спала, хотя до отбоя оставалось еще минут пятнадцать. С недовольным видом Боб вытащил из шкафчика комп и включил его. Завтра контрольная по геометрии, а Боб совершенно к ней не готов. Конечно, если есть время на размышление, до правильного ответа можно и самому дойти — он прочел Евклида в неполных пять лет, — но на контрольную отведено всего полтора часа, а значит, думать будет некогда. Нужно знать, а он не знает. И потому, скорее всего, провалит контрольную. Зато сегодня выиграли целых два сражения, так что у Боба было хорошее настроение.

Однако, как только комп заработал, мысли о

геометрии моментально вылетели из головы. По экрану шествовало сообщение:

НЕМЕДЛЕННО КО МНЕ. ЭНДЕР

Без десяти десять. Скоро погасят свет. Как давно Эндер отправил послание? Лучше все-таки пойти. Завтра утром, конечно, будет бой — от одной мысли об этом наваливалась усталость, — и они не успеют как следует поговорить, но все же. Поэтому Боб скатился с койки и поплелся через пустые коридоры туда, где жил Эндер. Он постучал.

— Входи.

— Только что увидел вызов.

— Понятно.

— Скоро погасят свет.

— Я помогу тебе найти дорогу обратно.

— Я думал, ты не знаешь, сколько времени, вот и…

— Я всегда знаю, сколько времени.

Боб вздохнул. Ну конечно, как же без этого? Любая их беседа с Эндером немедленно превращалась в спор. Это очень раздражало Боба. Он знал, что Эндер — гений, и искренне уважал его. Почему же Эндер видит в Бобе только недостатки?

— Помнишь, Боб, четыре недели назад ты про-

сил меня сделать тебя взводным?

— Да.

— С тех пор я назначил пятерых взводных и столько же заместителей. Ни одним из которых не был ты. — Эндер поднял брови. — Не так ли?

— Все правильно, сэр.

— Тогда расскажи мне, чего ты достиг за восемь сражений.

— Сегодня впервые был тяжело ранен, но, согласно компьютерным записям, я вывел из строя одиннадцать противников, прежде чем меня подбили. Мой минимальный результат в этих боях — пять вражеских солдат. Все задания, что мне давали, я выполнял успешно.

— Почему тебя так рано сделали солдатом, а, Боб?

— Не раньше, чем вас.

— Почему?

— Не знаю.

— Знаешь. И я тоже.

— Ну, у меня есть только догадки. Вы, ты… очень хорош. Они это понимают, поэтому подталкивают тебя…

— Почему, Боб?

— Потому что они нуждаются в нас, вот почему. — Боб уселся на пол и поглядел на Эндера

снизу вверх. — Мы нужны им, чтобы победить жукеров. Их интересует только это.

— Правильно. И очень хорошо, что ты это понимаешь, Боб. Большинство солдат и командиров в Боевой школе считают, что игра важна *сама по себе*. Но это не так. Она важна потому, что позволяет учителям вычислять будущих главнокомандующих, которым придется сражаться на настоящей войне. Что же до самой игры, в гробу я ее видел. Что, собственно, и происходит. Они ее гробят.

— Смешно. А мне казалось, гробят нас.

— Мы начали играть на девять недель раньше положенного. Ежедневные сражения. Сегодня — два сражения в день. Боб, я не понимаю, что они творят, но ребята устают, я устаю, а учителя вдобавок начали нарушать правила. Я тут добыл из компьютера старые сводки. Никто не убивал столько врагов, никто не уберег столько своих солдат за всю историю игры.

— Ты самый лучший, Эндер.

Эндер покачал головой:

— Возможно. Но я не случайно получил именно этих солдат. Никому не нужные ветераны и кучка залетных — то еще сочетаньице. Но их собрали вместе — и теперь самый худший мой солдат

может командовать взводом в любой армии. Сначала мне подыгрывали, а теперь играют против. Боб, они хотят сломать нас.

— Не смогут.

— Ты очень удивишься, Боб, но… — Эндер коротко вздохнул, как будто его что-то кольнуло или вдруг перестало хватать воздуха.

Боб поднял на него взгляд и понял, что происходит невозможное. Эндер Виггин вовсе не пытался дразниться, нет, Эндер Виггин доверился ему. Чуть-чуть, но доверился. Эндер — человек, и Бобу было позволено увидеть это.

— А может, это ты удивишься.

— Все-таки есть предел количеству хитростей, которые я могу выдумать за один день. Рано или поздно кто-нибудь выкинет что-нибудь совсем неожиданное и застанет меня врасплох.

— Ну и что? Проиграешь разок.

— Это худшее, что может случиться. Я не могу проигрывать. Если я хоть раз…

Он прервался, а Боб не стал настаивать на продолжении.

— Мне нужна твоя голова, Боб. Мне нужно, чтобы ты начал решать задачи, с которыми мы еще не сталкивались. Я хочу, чтобы ты делал то, чего до тебя никто не делал. Пусть даже это будут

полные глупости.

— Но почему я?

— В армии Драконов есть солдаты и получше тебя, Боб. Их немного, но все же они есть. Вот только нет никого, кто умел бы думать лучше и быстрее, чем ты.

Боб промолчал. Они оба знали, что это правда.

Эндер протянул ему комп, на экране светилось двенадцать имен. По два-три человека из каждого взвода.

— Выберешь из них пятерых, — сказал Эндер. — По одному от взвода. Это твой отряд особого назначения. Будешь тренировать их во время вечерних занятий. Давай вместе обсуждать твои планы на каждую тренировку. Не сосредоточивайся на чем-то одном. Все равно бо`льшую половину времени твой отряд будет частью всей армии, частью своих взводов. Но он может потребоваться в любую минуту. Когда понадобится сделать невозможное — то, что сможешь сделать только ты.

— Тут все новички, — заметил Боб. — Ни одного ветерана.

— После этой недели, Боб, все мы стали ветеранами. Ты что, забыл рейтинги? В личном зачете из первой полусотни мест сорок наши. Мало того,

мы, Драконы, занимаем первые семнадцать.

— А если я ничего не смогу придумать?

— Тогда я ошибся в тебе.

— Ты не ошибся, — ухмыльнулся Боб.

Свет погас.

— Найдешь дорогу, Бобеныш?

— Вряд ли.

— Тогда оставайся здесь. Будешь лежать тихонько — услышишь, как ночью к нам прилетит добрая фея и оставит нам подарочек на утро.

— Еще один бой? Прямо утром? Не сошли же они с ума?!

Эндер не ответил, лишь молча набросил одеяло. Тогда Боб встал с пола и пристроился рядом. Прежде чем уснуть, он придумал с дюжину новых трюков. Эндер будет доволен — все до единого глупее глупого.

12
Бонзо

— Пожалуйста, садитесь, генерал Пейс. Я так понимаю, вас привело ко мне срочное дело.

— В обычных условиях, полковник Графф, я бы не посчитал возможным вмешиваться во внутренние дела Боевой школы. Ваша автономия несомненна, и я прекрасно понимаю, что, несмотря на разницу в званиях, могу только давать советы, а уж никак не приказывать.

— Приказывать что?

— Не нужно играть со мной, полковник Графф. Вы, американцы, умеете строить из себя идиотов, когда считаете нужным. Но меня вы не обманете. Вам известно, почему я здесь.

— А, значит, Дэп все-таки наябедничал.

— Он испытывает… отеческие чувства к учащимся вашей школы. И ему кажется, что ваше безразличие к назревающему в школе конфликту уже нельзя оправдать пренебрежением своими обязанностями, — скорее, это некий заговор с целью серьезно покалечить или даже убить одного из учеников.

— Это школа. Детская школа, генерал Пейс. Я не понимаю, чем мы могли привлечь внимание шефа военной полиции Международного флота.

— Полковник Графф, имя Эндера Виггина хорошо известно наверху. Оно дошло даже до моих ушей. Мне описали его ни больше ни меньше как нашу единственную надежду на победу в грядущей войне. И если его жизнь или здоровье находится в опасности, мне кажется разумным, чтобы военная полиция приняла меры к защите мальчика. А вам?

— Черт бы побрал Дэпа и вас вместе с ним, сэр. Я знаю, что делаю.

— Действительно?

— Лучше, чем кто-либо другой.

— О, это как раз очевидно, поскольку никто не имеет даже отдаленного понятия, чем вы здесь занимаетесь. Вы уже целых восемь дней знаете про то, что самые жестокие ваши «ребятишки» замыслили наказать Эндера Виггина. То есть избить его при первой же возможности. Также вам известно, что некоторые члены этого заговора, например юноша по имени Бонито де Мадрид, обычно называемый Бонзо, не склонны к сдержанности, а скорее наоборот. Таким образом, существует риск, что мозги Эндера Виггина,

чрезвычайно важной для международного сообщества персоны, будут размазаны по стенам вашей треклятой космошколы. И вы, зная обо всем вышеперечисленном, намерены...

— ...Ровным счетом ничего не предпринимать.

— Вы, разумеется, осознаете, насколько это нас удивляет.

— Эндер Виггин попадал в такие переплеты и раньше. Внизу, на Земле, когда у него забрали монитор, и потом, когда компания ребят постарше...

— Слушайте, я не полный невежда. Я просмотрел его досье. Эндер Виггин довел этого вашего Бонзо до ручки. А здесь нет военной полиции, чтобы навести порядок. Это категорически неприемлемо.

— Когда Эндер Виггин примет командование нашими флотами, когда от его решений будет зависеть существование всего человечества, сможет ли военная полиция прийти ему на помощь, если он влипнет по самые уши?

— Не вижу связи.

— А она очевидна: Эндер Виггин должен верить, что ни при каких обстоятельствах и ни за что на свете ни один взрослый даже шагу не сделает, чтобы помочь ему. Он должен всем сердцем

верить, что может опираться только на себя и других детей. Если мы не сумеем этого добиться, он так и не достигнет пика своих способностей.

— Он также не достигнет этого самого пика, если его убьют или искалечат.

— Ну, это вряд ли.

— Почему бы вам просто не перевести Бонзо? Кстати, пора бы уже.

— Потому что Эндер знает: Бонзо замыслил убийство. Если мы сейчас переведем Бонзо, Эндер поймет, что мы спасаем его. Черт побери, Бонзо не такой уж хороший командир, чтобы повышать его раньше срока.

— А другие дети? Мы не можем заставить их помочь Эндеру?

— Посмотрим, что получится. Главное — никаких лишних движений. Это мое первое, последнее и единственное решение.

— И да поможет вам Бог, если вы не правы.

— И да поможет Бог всем нам, если я не прав.

— Я привлеку вас к военному суду. Если вы сейчас ошибаетесь, ваше имя будет опозорено на весь мир.

— Это честно. Но помните: если я все-таки окажусь прав, вы будете должны мне несколько дюжин медалей.

— За что?

— За то, что не дал вам вмешаться.

Эндер висел в углу боевой комнаты, зацепившись рукой за перила, и смотрел, как Боб муштрует свой спецотряд. Вчера они отрабатывали атаку без оружия — разоружали противника при помощи ног. Эндер помог им, подсказав пару приемов, усвоенных на курсах самозащиты. Конечно, пришлось приспосабливаться, но инерция летящего тела такое же хорошее оружие в невесомости, как и при земной силе тяжести.

А сегодня Боб приволок новую игрушку. Веревку, так называемую мертвонить. Тонкую, почти невидимую леску — такими соединяют детали, когда строят что-нибудь в космосе. Мертвонити, бывает, тянутся на километры. Эта была чуть длиннее стены боевой комнаты, но Боб обмотал ее вокруг талии, и она была едва заметна. Открепив ее от пояса, он протянул свободный конец мертвонити одному из своих ребят.

— Привяжи к перилам, и мы натянем ее пару раз поперек комнаты, — сказал Боб и полетел к противоположной стене.

Как ловушка веревка оказалась бесполезной. Ее трудно заметить, но она не остановит противника, который может поднырнуть под препятствие

или перелететь ее сверху. Но потом Бобу вдруг пришло в голову, что с помощью мертвонити он сможет изменять направление движения в открытом пространстве. Он закрепил один конец на талии — второй все еще был привязан к перилам, — отлетел на несколько метров и оттолкнулся от стены. Веревка туго натянулась, остановила его в воздухе, Боб заложил крутую дугу и врезался в стену.

И заорал во всю глотку. Эндер даже не сразу понял, что вопит он вовсе не от боли.

— Вы видели, как быстро я летел? А видели, как лихо я повернул?

Через пять минут уже вся армия Драконов наблюдала, как Боб забавляется с мертвонитью. Он выписывал в воздухе немыслимые кренделя, которые особенно невероятно выглядели со стороны, когда нить было не видно. А когда Боб воспользовался новым приемом, чтобы облететь вокруг звезды, он развил такую скорость, что у всех глаза на лоб полезли от удивления.

Было без двадцати десять, когда Эндер объявил вечернюю тренировку оконченной. Усталые, но довольные интересной новинкой, Драконы брели по коридорам обратно в спальню. Эндер шел вместе с ними, ни с кем не разговаривая,

но прислушиваясь к разговорам. Его солдаты вымотались до предела — вот уже больше четырех недель подряд они сражались каждый день, зачастую из последних сил. Но они были горды, счастливы, дружны, потому что ни разу не проиграли и научились верить друг в друга, верить, что их соратники будут сражаться лихо и отважно, а взводные сумеют правильно использовать их умения. Но превыше всего они верили, что Эндер подготовит их ко всем мыслимым и немыслимым неожиданностям.

Шагая по коридору, Эндер невольно обратил внимание на странные сборища в ответвляющихся проходах. Эти небольшие группки сплошь состояли из старших, которые делали вид, будто погружены в какую-то беседу. Такая же компания попалась им навстречу. По «странному» стечению обстоятельств многие из старших были одеты в комбинезоны армии Саламандр. Остальные — неужели тоже по чистой случайности? — принадлежали к тем армиям, чьи командиры больше всего ненавидели Эндера Виггина. Одни бросали на него косые взгляды и слишком быстро отворачивались, другие прятали свою нервозность за внешней беспечностью. «Что делать, если они нападут прямо здесь, в

коридоре? Все мои солдаты ни возрастом, ни ростом не вышли и драться при обычной силе тяжести не умеют совершенно. Да и когда им было учиться?»

— Хо, Эндер! — окликнул кто-то.

Эндер оглянулся и увидел Петру.

— Постой, надо поговорить.

Эндер мгновенно сообразил, что, если он сейчас остановится, его армия уйдет и он останется с Петрой в коридоре один.

— Идем со мной, — предложил он.

— Да это на минуту.

Эндер повернулся и двинулся дальше. Сзади донеслись торопливые шаги Петры, которая нагоняла его.

— Хорошо. Давай пройдемся.

Когда она подошла совсем близко, Эндер напрягся. Неужели Петра из тех, кто запланировал нападение на него?

— Один твой друг попросил, чтобы я поговорила с тобой. Кое-кто хочет тебя убить.

— Вот это сюрприз! — отозвался Эндер.

Несколько его солдат чуть вскинули голову, прислушиваясь. Какие интересные новости: заговор против командира!

— Эндер, они могут это сделать. Они планируют

это с тех самых пор, как ты стал командиром.

— Вернее, с тех пор, как я разбил Саламандр?

— После разгрома Фениксов, моей армии, я тоже тебя возненавидела.

— Ну, я никого и не обвиняю.

— Все это чистая правда. Меня попросили перехватить тебя по дороге из боевой комнаты и предупредить. Ты должен быть очень осторожен завтра, потому что…

— Петра, если бы я остановился поговорить с тобой, как ты просила, на меня сразу навалились бы человек двенадцать старших. Они следовали за нами по пятам. Только не говори, что не заметила их.

Вдруг ее лицо вспыхнуло.

— Нет, не заметила. Да как ты только мог подумать такое? Ты что, не знаешь, кто друг тебе, а кто нет?!

Она протолкалась через ошеломленную армию Драконов и скрылась на лестнице, ведущей на верхнюю палубу.

— Чё, все это взаправду? — удивился Чокнутый Том.

— Ты о чем? — спросил Эндер.

Они уже дошли до спальни. Он оглядел комнату, мановением руки разнял двух чересчур

увлекшихся дружеской потасовкой мальчишек и отправил их спать.

— Что кто-то из старших хочет тебя убить?

— Болтовня, — ответил Эндер.

Но он знал, что это совсем не так. Петра не стала бы врать, да и увиденное в коридоре ему не померещилось.

— Пускай болтовня, но надеюсь, ты не будешь возражать, если почетный эскорт из пяти взводных проводит тебя до твоей каюты?

— В этом совершенно нет нужды.

— Ну, порадуй нас. Ты многим нам обязан.

— Ничем я вам не обязан. — (Он будет дураком, если откажется!) — Делайте, что хотите.

Эндер повернулся и вышел. Взводные двинулись за ним. Один забежал вперед и распахнул дверь. Ребята проверили комнату, стребовали с Эндера обещание тут же запереться изнутри и оставили его ровно перед тем, как погас свет.

На экране компа Эндера ждало сообщение:

НЕ ОСТАВАЙСЯ ОДИН. НИКОГДА. ДИНК

Эндер улыбнулся. Значит, Динк все еще ему друг. «Не беспокойтесь. Ничего со мной не будет. У меня есть армия».

Но сейчас, в темноте, он остался без армии. В

ту ночь ему снился Стилсон, только теперь Эндер видел, каким на самом деле маленьким был его шестилетний враг и какими смешными выглядели его кривляния под крутого парня. Тем не менее Эндеру снилось, что Стилсон с друзьями связали его, чтобы он не мог дать сдачи, и принялись избивать — так, как он когда-то избил Стилсона. А потом Эндеру приснилось, будто он бормочет как идиот — пытается отдать армии какой-то приказ, но с губ срывается сплошная бессмыслица.

Он проснулся в темноте, оледенев от страха, но потом немного успокоился, вспомнив, что учителя, должно быть, очень ценят его, иначе бы не стали с ним столько возиться, организовывать ему все эти трудности. Значит, они не позволят, чтобы с ним случилась беда. Наверное, когда много лет назад старшие напали на него в боевой комнате, кто-то из учителей тоже стоял за дверью и смотрел, следил. Если бы что-нибудь пошло не так, учителя непременно вмешались бы и прекратили драку. «Наверное, я мог бы вообще никак не реагировать: они бы сами со всем разобрались. В игре они на меня давят, измываются надо мной, но это всего лишь игра, и вне ее они обязаны заботиться о моей безопасности».

С этой мыслью он снова заснул и проснулся

только под утро, когда тихо открылась дверь и чья-то рука положила на пол приказ об очередном сражении.

Конечно, они победили, но это был очень неприятный бой. Комната представляла собой звездный лабиринт, и потребовалось три четверти часа, чтобы выбить солдат противника изо всех закоулков. Это были Леопарды Пола Слэттери, и они никак не желали сдаваться. Вдобавок учителя придумали новый трюк: раненые солдаты врага «оттаивали» теперь через пять минут, как на тренировках. Только убитые не воскресали. Первым это обнаружил Чокнутый Том, когда его взвод попытались обстрелять только что выбывшие из игры Леопарды.

Разумеется, армию Эндера таким подарком не наградили.

После того как обе армии оттаяли, Слэттери пожал Эндеру руку и сказал:

— Я рад, что ты выиграл. Я хотел бы победить тебя в честном бою.

— Пользуйся тем, что дают, — ответил Эндер. — В бою ничем нельзя пренебрегать. Появилось преимущество — действуй.

— Да я, собственно, и действовал, — ухмыльнулся Слэттери. — Я такой честный только до и

после битвы.

Бой длился долго, и завтрак они пропустили. Эндер оглядел свою разгоряченную, взмокшую, усталую армию, столпившуюся в коридоре.

— Сегодня все было прекрасно, — сказал он. — У меня нет замечаний. А потому пропустим утренние занятия. Отдохните. Развлекайтесь. Напишите контрольную.

Все были настолько вымотаны, что даже не выказали никакой радости — ни воплей, ни улюлюканий, ни радостного смеха, — просто повернулись и побрели в спальню переодеваться. Прикажи он, и они бы, ни слова не говоря, отправились на тренировку, но Эндеру не хотелось выжимать их досуха. То, что они лишились завтрака, было ровно на одну несправедливость больше, чем нужно.

Эндер решил было принять душ, но почувствовал, что валится с ног. Он рухнул на койку прямо в боевом костюме — только на минуточку — и проснулся, когда уже начался обед. Ну вот, а еще собирался в видеозал! Надо переодеться, поесть — и в школу.

Он стащил пахнущий потом боевой костюм. Ему было холодно, странно ныли суставы. «Не стоило спать днем… Начинаю сдавать. Нельзя

себе этого позволять».

Поэтому всю дорогу до гимнастического зала он бежал и трижды, без передышки, взобрался вверх по канату, прежде чем отправиться в душевую. Эндеру и в голову не пришло, что его отсутствие в командирской столовой будет непременно замечено. Кроме того, вся его армия как раз сейчас первый раз за день набивала свои животы, не думая ни о чем, кроме еды. И это значило, что в душевой он будет совершенно один и абсолютно беспомощен.

И даже услышав, что кто-то вошел в душевую, он не придал этому значения. Стоял, подставив голову под струю, вода стекала по его телу. Он едва различал звук шагов. Наверное, кончился обед. Эндер снова стал намыливаться. Или кто-то задержался на тренировке?

Или… Он обернулся. Их было семеро — прислонившихся к кафельным стенам душевой и наблюдавших за ним. Впереди, конечно, Бонзо. Многие ощерились, довольные охотники, наконец-то загнавшие свою жертву в угол. Только Бонзо не улыбался.

— Хо, — бросил Эндер.

Ему не ответили.

Он выключил душ, хотя был весь в мыле, и

потянулся за полотенцем. Полотенца на месте не оказалось. Его уже держал один из них. Бернард. Для полноты картины не хватало Стилсона и Питера. Улыбки Питера и наглой глупости Стилсона.

Эндер понял, что сейчас-то все и начнется. С полотенца. Слабый, маленький, смешной мальчик нагишом гоняется за полотенцем. Вот чего они хотят. Унизить его. Сломать волю. Что ж, подыгрывать им он не станет. Признать свою слабость только потому, что ты мокрый, замерзший и голый? Эндер стоял ровно, положив руки на бедра, и со спокойной усмешкой разглядывал противников. Потом перевел глаза на Бонзо.

— Твой ход, — сказал Эндер.

— Это не игра, — ответил Бернард. — Мы устали от тебя, Эндер. Сегодня ты кончаешь школу. И вылетаешь. На лед.

Эндер даже не удостоил Бернарда взглядом. По сути, только Бонзо, хранивший молчание, всерьез жаждал смерти Эндера. Остальные собрались тут так, за компанию, подначивая друг друга на «слабо». А вот Бонзо уже давно знал, что ему не слабо.

— Бонзо, — мягко произнес Эндер, — твой отец будет так гордиться тобой.

Бонзо напрягся.

— Как бы ему хотелось увидеть тебя сейчас дерущимся в душе с голым мальчиком, который намного меньше тебя. А ведь ты еще и шестерых друзей с собой захватил! «Как это благородно!» — воскликнул бы он.

— Никто не собирается с тобой драться, — встрял Бернард. — Мы просто пришли поговорить. Чтобы ты играл честно. Ну, проигрывал иногда игру-другую. Или, может, побольше.

Шестеро засмеялись, но их не поддержали ни Бонзо, ни Эндер.

— Гордись собой, Бонито, мой красавчик. Ты сможешь вернуться домой и сказать отцу: «О да, я побил Эндера Виггина, хотя мне тринадцать, а ему еще нет десяти. И всего-то шестеро друзей помогали мне, но мы все-таки справились и побили его, голого, мокрого. Понимаешь, Эндер Виггин, он такой опасный, такой страшный, что я взял бы с собой двести человек, если бы смог».

— Закрой пасть, Виггин! — бросил один из громил.

— Мы пришли сюда вовсе не для того, чтобы слушать его трепотню, — добавил другой.

— Заткнитесь оба! — скомандовал Бонзо. — Заткнитесь и уйдите с дороги. — Он начал

стаскивать комбинезон. — Голый, мокрый и совсем-совсем один — так, Эндер? Вот мы и равны. Только с ростом своим я ничего не могу поделать. Но ты же у нас гений, Эндер, так придумай, как лишить меня этого преимущества. — Он повернулся к остальным. — Стерегите дверь. Никого не пускайте.

Душевая была невелика, отовсюду торчали трубы. Ее когда-то смонтировали как единый блок с водоочистительной системой. Впрочем, в душевой орбитальной станции и не должно быть лишнего места. Тактика казалась совершенно очевидной: надо толкать противника на трубы, чтобы тот ударился побольнее.

Когда Бонзо встал в стойку, сердце Эндера ушло в пятки. Похоже, Бонзо тоже прошел курс самозащиты. И наверное, совсем недавно. У него были длиннее руки, он был сильнее и полон ненависти. «Бонзо не станет миндальничать. Он будет делать все возможное, чтобы я ударился головой, — подумал Эндер. — Постарается во что бы то ни стало повредить мой мозг. И если драка затянется — победит. У него превосходство в силе. Если я собираюсь выйти отсюда, нужно победить быстро и окончательно». Он снова вспомнил то тошнотворное ощущение, когда кости Стилсона

подались под его ногой. «На этот раз затрещат мои кости, если только я не сломаю его первым».

Эндер отступил назад, развернул головку душа в сторону Бонзо и пустил горячую воду. К потолку начал подниматься пар. Эндер протянул руку и включил один за другим еще два крана.

— Я не боюсь горячей воды, — вкрадчиво предупредил Бонзо.

Но не вода нужна была Эндеру, а тепло. Жар. Он ведь не успел смыть мыло. Пот сделает тело скользким. К вящему неудовольствию Бонзо.

Вдруг из дверей раздался крик:

— Остановитесь!

На мгновение Эндеру показалось, что учителя наконец пришли ему на помощь, но это был всего лишь Динк Микер. Подручные Бонзо крепко держали его.

— Остановись, Бонзо! — кричал Динк. — Не смей его трогать!

— С чего бы это? — спросил Бонзо и в первый раз улыбнулся.

«Ага, — подумал Эндер, — ему нравится, когда люди вынуждены признавать его силу, его власть».

— Потому что он самый лучший из нас, вот почему! Кто еще будет сражаться с жукерами?

Ведь только это имеет значение! Понимаешь, придурок?!

Бонзо перестал улыбаться. Вот что он ненавидел в Эндере: все с ним носятся, а до Бонзо никому и дела нет. «Ты убил меня своими словами, Динк. Бонзо не желает даже слушать о том, что я могу спасти мир.

Где же учителя? — думал Эндер. — Неужели они не понимают, что первый же удар может оказаться последним? Это ведь не боевая комната, где никто не может серьезно покалечиться, потому что нет точки опоры. Здесь, между прочим, земная сила тяжести, а пол и стены очень твердые. Остановите нас сейчас, иначе будет поздно!»

— Если ударишь его сейчас, значит ты прихвостень жукеров! — надрывался Динк. — Проклятый предатель! Тебя убить мало!

Те шестеро вытолкали Динка за дверь, и теперь его голоса не было слышно.

В душевой уже стоял довольно густой туман. Пот струился по телу Эндера. «Пора! Сейчас, пока еще не стекло мыло. Пока я скользкий и он не может меня удержать».

Эндер отступил назад и позволил страху, который ощущал, проступить на лице.

— Бонзо, не бей меня, — взмолился он. — По-

жалуйста!

Этого-то и ждал Бонзо — признания своей силы. Другой бы удовлетворился тем, что напугал Эндера, заставил его подчиниться; Бонзо же лишь уверился, что победа близка. Он занес ногу, будто желая пнуть Эндера, но в самый последний момент сгруппировался и прыгнул. Эндер разгадал его намерения и наклонился, чтобы лишить противника равновесия, если тот попробует схватить его и швырнуть на трубы.

Жесткие ребра Бонзо ударили Эндера прямо в лицо. Руки противника скользили по спине, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Но Эндер без труда вывернулся, и вот уже он свободен, хотя и рядом с врагом. Классический удар в таком положении — вогнать колено в пах противнику. Но здесь нужна точность, а главное, Бонзо был к этому готов: он уже поднимался на цыпочки и отводил бедра назад, чтобы Эндер не смог дотянуться до него. И даже не глядя вверх, Эндер понял, что Бонзо сейчас наклонился к нему совсем близко, практически дышит ему в волосы. И вместо того чтобы бить в пах, Эндер оттолкнулся от пола — мощно, резко, как отталкивался от стены в боевой комнате, — и врезался макушкой прямо в лицо Бонзо.

Эндер отлетел назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как Бонзо отшатнулся. Из носа у него текла кровь, а на лице застыла гримаса боли и удивления. Теперь можно было спокойно уходить. По сути, бой закончен. Вот так, после первой крови, он ушел когда-то из боевой комнаты. Но тогда придется драться снова. Снова и снова, пока не кончатся силы, не ослабеет воля. Есть только один способ покончить с этим раз и навсегда — причинить Бонзо такую боль, чтобы в дальнейшем страх, поселившийся в нем, был сильнее ненависти.

Эндер прислонился к стене, потом подпрыгнул и оттолкнулся руками. Его ноги ударили Бонзо в грудь и живот. Эндер перекувырнулся через голову, приземлился на четвереньки, перевернулся и скользнул между ногами Бонзо. И вот тут, выбросив ногу вверх, он врезал ему в пах — точно, сильно и жестко.

Бонзо не закричал от боли. Он вообще никак не отреагировал. Как будто Эндер ударил не человека, а предмет мебели. Он пошатнулся, упал на бок и растянулся прямо под струей кипятка, льющегося из душа. И даже не попытался сдвинуться в сторону, хотя наверняка ошпарился.

— О господи! — воскликнул кто-то.

Дружки Бонзо кинулись выключать воду. Эндер медленно поднялся на ноги. Кто-то накинул на него полотенце. Это был Динк.

— Пошли скорей отсюда, — сказал он и поволок Эндера в коридор.

За спиной послышалось звонкое клацанье ботинок, спускающихся по лестничным ступеням. Взрослые. Торопятся. Сейчас сюда сбегутся учителя. Врачи. Чтобы перевязать раны противника Эндера. Интересно, где они были раньше? Ведь все могло обойтись без крови…

Теперь у Эндера не осталось никаких сомнений. Он ни от кого не получит помощи. С чем бы он ни столкнулся сейчас или в будущем, никто его не защитит. Питер та еще сволочь, но Питер прав, как всегда прав: только власть причинять боль имеет значение. Только власть убийцы. Ибо тот, кто не может убивать, становится добычей тех, кто может. И никто никогда тебя не спасет.

Динк привел Эндера в его комнату, уложил на кровать:

— Что-нибудь болит?

Эндер покачал головой.

— Ты сделал его. Когда он схватил тебя, я думал, ты пропал. Но ты таки сделал его. Если б он продолжал трепыхаться, ты бы его убил, пожалуй.

— Потому что он хотел убить меня.

— Я знаю это. И знаю его. Он умеет ненавидеть сильнее всех нас, этот Бонзо Мадрид. Вернее, умел. Если его не отправят на лед, не вышибут из школы, он больше не посмеет даже взглянуть на тебя. И вообще ни на кого. Он выше тебя сантиметров на двадцать, а выглядел сегодня как больная корова, жующая собственное дерьмо.

Но перед глазами Эндера стояло лицо Бонзо, каким оно было, когда Эндер ударил его в пах. Пустые мертвые глаза. Он уже кончился тогда. Потерял сознание. Глаза его были открыты, но Бонзо уже не мог думать, не мог двигаться — остался только глупый, пустой взгляд. «Ровно такой же был у Стилсона, когда я с ним покончил».

— Но он как пить дать отправится на лед, — продолжал Динк. — Все знают, что это он начал драку. Я видел, как он встал и вышел из командирской столовой. И только секунды через три я сообразил, что ты не приходил на обед, а еще с минуту выяснял, куда ты делся. Я же предупреждал: никуда не ходи в одиночку.

— Прости.

— Его просто обязаны вышибить. Он давно нарывался на неприятности. А теперь его вонючую честь засунут ему в задницу.

И тут, к удивлению Динка, Эндер заплакал. Лежа на спине, он, все еще мокрый от воды и пота, давился рыданиями. Слезы текли из-под закрытых век, но оставались незаметными на влажном лице.

— Что с тобой?

— Я не хотел делать ему больно! — выкрикнул Эндер. — Ну почему он не мог просто оставить меня в покое?!

Он услышал, как почти беззвучно открылась, а потом закрылась дверь, и сразу понял, что это очередной приказ о сражении. Открыл глаза, ожидая встретить полумрак раннего утра — наверное, еще нет и шести. Но было светло. Он лежал на койке голый, а когда пошевелился, понял, что простыня мокрая. Глаза припухли и болели. Часы компьютера показывали восемнадцать двадцать. Тот же самый день. «Мы сегодня уже сражались. Причем я — дважды. Эти гады прекрасно знают, через что я прошел, и все равно…»

УИЛЬЯМ БИ, АРМИЯ ГРИФОНОВ, ТАЛО МОМО, АРМИЯ ТИГРОВ, 19.00.

Он сидел на краю койки. Бумажка дрожала в его руке. «Я не могу», — сказал он беззвучно. А

потом повторил вслух:

— Не могу!

Он встал шатаясь и начал искать боевой костюм. Потом вспомнил, что оставил его в стиральной машине, в душевой. Наверное, костюм все еще там.

Сжимая в руке бумажку с приказом, он выбрался из комнаты. Ужин скоро должен был закончиться, по коридорам шли несколько человек, но никто не посмел заговорить с ним. Может, им мешал страх: в школе наверняка уже все знали, что случилось в полдень в душевой. Или же их останавливало выражение его лица — ужасное, пугающее. Почти вся его армия собралась в спальне.

— Привет, Эндер. Ну что, будем заниматься сегодня вечером или нет?

Эндер протянул Хана-Цыпу приказ.

— Сукины дети! — процедил тот. — Две сразу?

— Две армии? — заорал Чокнутый Том.

— Да они же будут спотыкаться друг о друга, — хладнокровно заметил Боб.

— Мне нужно привести себя в порядок, — сказал Эндер. — Соберите всех, будьте готовы. Я встречу вас у ворот.

Он вышел из спальни. За спиной немедленно

поднялся шум. Он услышал, как Чокнутый Том проорал:

— Каких-то две дерьмовые армии! Да мы их вчистую уделаем!

В душевой было пусто. И чисто. Ни следа крови, которая хлестала из носа Бонзо, смешиваясь с душевой водой. Все как прежде, словно ничего и не было.

Эндер встал под душ, намылился и дал сегодняшнему поту стечь в систему водоочистки. «Все смыто, как будто бесследно. Но потом все это пройдет через фильтры, и утром за завтраком все мы будем пить кровь Бонзо. Да, в ней не останется жизни, но это все равно будет его кровь. Его кровь и мой пот, пролившиеся из-за их глупости или жестокости — или почему еще они все это допустили?..»

Он вытерся, надел костюм и отправился в боевую комнату. Армия ждала в коридоре перед закрытой дверью. Солдаты молча смотрели, как он прошел через ряды и остановился перед серой стеной силового поля. Конечно, они уже знали про драку в душевой; мысли об этом да еще накопившаяся с утра усталость заставляли их держаться тихо. А сознание того, что придется сражаться с двумя армиями сразу, наполняло

страхом.

«Все, что угодно, — подумал Эндер, — лишь бы разбить меня. Любой подлый трюк, нарушение правил — все годится, лишь бы я проиграл. Меня тошнит от этой игры. Никакая игра не стоит той розовой от крови Бонзо водички на полу в душевой. Отправляйте меня на лед, отсылайте домой. Я не хочу больше играть в ваши игры».

Дверь исчезла. В трех метрах за ней в сетке боевой комнаты висели четыре звезды, напрочь загораживая обзор армии Драконов.

«Мало им двух армий. Они еще хотят заставить меня командовать боем вслепую».

— Боб, — окликнул Эндер, — возьми своих ребят и разведай, что по ту сторону звезд.

Боб размотал с пояса нить, обвязал один конец вокруг талии, второй протянул парню из своего отряда и легко шагнул в ворота. Спецкоманда нырнула за ним. Этот прием отрабатывался много раз, так что не прошло и минуты, как солдаты повисли на одной из звезд, крепко удерживая свой конец веревки. Боб как следует оттолкнулся и полетел параллельно двери; достигнув угла, он снова оттолкнулся и помчался прямо на врага. На стене вспыхнуло несколько световых пятен — противники открыли огонь. Нить наматывалась

на звезду, дергая Боба из стороны в сторону, изменяя траекторию его полета, делая неуязвимым. В результате он облетел звезду и приземлился прямо в объятия своих солдат. Повернувшись к двери, Боб пошевелил руками и ногами, чтобы те, кто стоит в коридоре, поняли: врагу так и не удалось подстрелить его.

Эндер скользнул через ворота.

— Там довольно-таки темно, — начал Боб, — а с другой стороны достаточно светло, поэтому свет от костюмов не виден. В общем, освещение — хуже не придумаешь. От наших звезд до вражеских ворот комната пуста. Открытое пространство. У них восемь звезд. Расположены квадратом вокруг ворот. Прекрасная защита. Видны только головы тех, кто высовывается. Они просто сидят там и ждут нашей атаки.

Словно в подтверждение словам Боба, с противоположного конца комнаты донеслось:

— Эй! Мы голодны, придите и накормите нас! Драконы хвост поджали!

Эндеру казалось, что мозг его онемел. Полная глупость. У него нет никаких шансов: соотношение сил — два к одному, плюс лобовая атака на надежно окопавшегося противника.

— Будь это настоящая война, умный коман-

дир попросту отступил бы, чтобы сберечь свою армию.

— Черт, но это же просто игра, — возразил Боб.

— Это перестало быть игрой, когда они начали на ходу менять правила.

— И что мешает тебе последовать их примеру?

Эндер вдруг улыбнулся:

— О'кей. Почему бы и нет? Давай посмотрим, как эти олухи отреагируют на строй.

Глаза Боба полезли на лоб.

— Строй?! Да мы сроду в строю не воевали.

— Официально нам положено три месяца на подготовку. Есть еще целый месяц в запасе. Самое время учиться действовать в строю. Боб, малыш, строй — такая штука, ею нельзя пренебрегать.

Эндер сложил из пальцев букву «А», потом призывно махнул рукой. Взвод А нырнул через дверь, и Эндер начал выстраивать его позади звезды. Всего три метра на маневрирование — было очень тесно, ребята нервничали и плохо соображали; ушло целых пять минут, чтобы втолковать им, чего от них требуется.

Тигры и Грифоны распевали дразнилки, а их командиры тем временем спорили: стоит вести превосходящие силы на явно растерянную армию Драконов, пока она еще не вышла из-за звезд, или

лучше воздержаться? Момо хотел атаковать:

— Мы сделаем их. Соотношение — два к одному.

— Сидя тут, мы не можем проиграть, а стоит нам высунуться, как Эндер мигом выкинет какой-нибудь фортель и порвет нас на тряпки, — ответил Уильям Би.

Поэтому Тигры с Грифонами сидели на месте, пока не увидели, как из-за звезд Эндера вынырнуло что-то большое. Очень большое. Оно подобралось и решительно полетело вперед, нацелившись точно в центр «звездной крепости», где ждали восемьдесят два солдата вражеских армий.

— Фига! — воскликнул какой-то Грифон. — Они же строем летят!

— Вот зачем им понадобились эти пять минут, — догадался Момо. — Нападай мы, пока они готовились, — от них бы мокрого места не осталось.

— Ага, щас, — прошептал Би. — Видел, как летал тот мелкий? Он обогнул звезду и полетел обратно, даже не коснувшись стены. А что, если у них у всех есть крюки или что-то такое, — ты об этом подумал? Они явно приготовили нам сюрприз.

А строй был довольно-таки странный. Впереди

квадрат из плотно прижатых друг к другу тел. Щит. Стена. За ним цилиндр — шесть человек по кругу, два в глубину. Их руки и ноги были расставлены в стороны и заморожены, то есть они никак не могли держаться друг за друга, но летели они, будто связанные, — как, собственно говоря, оно и было.

Драконы, защищенные строем, вели плотный заградительный огонь, не давая Тиграм и Грифонам даже высунуться из укрытия.

— Эй, у них ведь тыл совсем открыт, — сказал Би. — Как только они окажутся между нашими звездами, мы их обойдем и…

— Так не болтай, действуй! — фыркнул Момо, после чего, решив последовать собственному совету, приказал солдатам покинуть звезды и заходить в тыл Драконам.

Пользуясь тем, что в стане противника царил хаос: Тигры снимались с мест, в то время как Грифоны продолжали удерживать занятые позиции, — Драконы начали перестраиваться. И цилиндр, и переднюю стену расколол надвое мощный толчок изнутри, и одновременно Драконы изменили направление полета — поплыли обратно к своим воротам. Грифоны открыли огонь по отступавшему противнику, а тем време-

нем Тигры ударили с тыла.

«Что-то не так, что-то тут нечисто», — подумал Уильям Би и лишь через несколько секунд сообразил, что именно: строй не может так резко изменить направление движения в открытом пространстве, если только кто-то не использовал его как трамплин для полета в противоположную сторону. И если этот кто-то оттолкнулся с такой силой, что развернул группу из двадцати с лишним человек, то он должен лететь очень быстро.

Да, вот они! Шестеро маленьких солдат в комбинезонах Драконов совсем рядом с воротами Уильяма Би. По цвету боевых костюмов Би понял, что трое из них серьезно покалечены, двое задеты и только на одном ни царапины. Бояться нечего. Би небрежно прицелился, нажал на спуск и…

Ничего не случилось.

Вспыхнул свет.

Игра была окончена.

И хотя Би глядел прямо на Драконов, потребовалось несколько секунд, чтобы до него дошло. Четверо Драконов прижали шлемы к углам ворот, а пятый только что пролетел внутрь. Они просто исполнили победный ритуал. Разбитые, уничтоженные, не сумевшие причинить врагу мало-мальски существенного вреда, Драконы

выкинули дерзкий трюк и закончили игру под носом у противника.

И вдруг Уильям Би начал понимать, что Драконы не просто закончили сражение — по правилам игры они победили. Чтобы победить, нужно было иметь как минимум пятерых незамерзших солдат — четверо прижимают шлемы к углам ворот, пятый пролетает внутрь. Иначе победа тебе не засчитывалась. В каком-то смысле этот ритуал и был победой. Во всяком случае, компьютер Боевой школы воспринимал его именно так.

Открылась дверь, через которую входили учителя, и появился майор Андерсон.

— Эндер! — позвал он, оглядываясь.

Один из замороженных солдат-Драконов попытался ответить, но ему мешал подбородок шлема, крепко прижимавший нижнюю челюсть. Андерсон подлетел к нему и разморозил.

Эндер улыбался:

— Я снова победил вас, сэр.

— Чепуха, Эндер, — мягко возразил Андерсон. — Твоими противниками были Тигры и Грифоны.

— Вы принимаете меня за дурака?

— После сегодняшнего несколько неожиданного поворота событий правила игры меняются! — громко объявил Андерсон. — Победитель должен

заморозить или тяжело ранить всех солдат противника, прежде чем компьютер позволит ему исполнить ритуал.

— Все равно такое могло сработать только один раз.

Андерсон вручил ему крюк. Эндер разморозил всех разом. К чертям протокол. К черту все.

— Эй! — крикнул Эндер, когда майор Андерсон повернулся, чтобы уйти. — А что будет завтра? Моя армия в клетках и без оружия против всей Боевой школы? Нельзя ли хоть немного уравнять шансы?

Среди солдат послышалось одобрительное бормотание, и, что любопытно, исходило оно не только от Драконов. Андерсон даже не обернулся в ответ на столь явный вызов. Вместо него ответил Уильям Би:

— Эндер, если в сражении участвуешь ты, шансы уже не равны. Какое бы преимущество у другой стороны ни было.

— Правильно! — закричали ребята.

Многие засмеялись. Тало Момо захлопал в ладоши.

— Эндер Виггин! — крикнул он, и другие тоже стали хлопать и выкрикивать имя Эндера.

Эндер прошел через ворота противника. Его

солдаты последовали за ним. Он шел и слышал, как его имя летит следом, бьется о стены коридоров.

— Тренируемся сегодня? — спросил Чокнутый Том.

Эндер покачал головой.

— Тогда завтра?

— Нет.

— А когда?

— Что касается меня — никогда.

За спиной Эндера поднялся ропот.

— Эй, это несправедливо, — сказал кто-то из ребят. — Мы же не виноваты, что учителя стали жульничать. Ты перестанешь учить нас только потому, что...

Эндер изо всех сил ударил раскрытой ладонью по стене.

— Да плевать мне на эту игру! — заорал он, и его голос звучным эхом прокатился по коридору. Из дверей спален начали высовываться любопытствующие головы. В наступившей тишине Эндер добавил: — Вы что, не понимаете этого? — И прошептал: — Игра окончена.

Он пошел к своей комнате. Один. Хотел рухнуть на кровать, но не смог, потому что постель была мокрой. Это напомнило ему обо всем, что

случилось в этот день. В ярости Эндер сорвал с койки матрас и постельное белье и вышвырнул в коридор. Потом свернул комбинезон и, сунув его под голову, устроился прямо на сетке. Было неудобно, но Эндеру не хотелось вставать.

Он пролежал так всего несколько минут, когда кто-то постучал в дверь.

— Уходите, — мягко отозвался Эндер.

Но тот, кто стучал, либо не услышал, либо не захотел обращать внимания на его слова. Наконец Эндер разрешил стучавшему войти.

Это был Боб.

— Уходи, Боб.

Боб кивнул, но не ушел. Он стоял в дверях, разглядывая носки своих ботинок. Эндер хотел заорать на него, обругать, выгнать из комнаты. Но тут он заметил, как плохо выглядит Боб. Его тело будто согнулось под грузом усталости, глаза потемнели от постоянного недосыпания, а вот кожа оставалась мягкой и прозрачной кожей ребенка. Тонкая шея, худенькие руки маленького мальчика. Ему еще и восьми нет. Не важно, что он умен, упрям, что он прекрасный боец. Он ребенок. Он еще совсем *маленький*.

Нет, неправда. Ростом не вышел — это да. Но уже не раз бывало, что от Боба и его команды за-

висела судьба сражений, судьба всей армии. Боб блестяще справлялся с заданием, и они побеждали. Это уже никакое не детство. Даже не юность.

Приняв молчание и смягчившееся выражение лица Эндера за разрешение остаться, Боб шагнул в комнату. И только тогда Эндер заметил, что тот держит в руке листок бумаги.

— Ты переведен? — спросил Эндер.

Ему вовсе не было это безразлично, но голос его прозвучал сухо и безжизненно.

— В армию Кроликов.

Эндер кивнул. «Конечно. Совершенно очевидно. Если мою армию нельзя разбить, значит ее надо отнять».

— Карн Карби — хороший парень, — сказал Эндер. — Надеюсь, он оценит тебя по достоинству.

— Карн Карби сегодня выпустился. Ему пришел приказ, пока мы там сражались.

— Ну и кто же теперь командует Кроликами?

— Я, — ответил Боб, беспомощно разведя руками.

Эндер посмотрел в потолок и снова кивнул:

— Понятно. В конце концов, ты всего на четыре года моложе, чем положено быть командиру.

— Это не смешно. Я не понимаю, что происходит. Все эти перемены в игре. Назначения.

Знаешь, я ведь не единственный, кого перевели. Сегодня из школы выпустилась чуть ли не половина командиров, а на их место поставили всех наших.

— Кого именно?

— Ну… всех взводных и их заместителей.

— Почему бы и нет. Если уж они решили развалить мою армию, то сровняют ее с землей, не меньше. Работают они очень тщательно…

— Ты все равно будешь побеждать, Эндер. Мы все это знаем. «Вы всерьез думаете, что я смогу разбить армию Драконов?» — спросил у них Чокнутый Том. Все знают, что ты самый лучший. Им не сломить тебя, что бы они ни делали.

— Они уже сломили меня.

— Нет, Эндер, они не могут…

— Меня больше не интересует игра, Боб, я больше не буду играть. Никаких тренировок. Никаких сражений. Они могут до бесконечности подбрасывать свои маленькие бумажки под мою дверь, мне плевать, я никуда не пойду. Я решил это еще до того, как начался бой. Поэтому и послал тебя к вражеским воротам. Даже не надеялся, что это сработает, но мне было все равно. Я просто хотел уйти, хлопнув дверью.

— Видел бы ты рожу Уильяма Би! Он прям

остолбенел, пытаясь понять, что происходит, — как он мог проиграть сражение, если у почти всех наших только мизинцы и шевелились, а у него погибло всего трое?

— И зачем мне видеть рожу Уильяма Би? Почему я вообще должен хотеть кого-то побеждать? — Эндер прижал ладони к глазам. — Я сегодня избил Бонзо. Я сделал ему очень больно.

— Он сам нарвался.

— Он стоял, когда я ударил его. Он стоял как вкопанный, а я бил его.

Боб промолчал.

— Я хотел только одного: чтобы он оставил меня в покое.

— Так и будет, — сказал Боб. — Его отправили домой.

— Уже?

— Учителя никому ничего не объясняли, ну, как всегда. Согласно официальной версии он переведен, но в бумаге вместо школы назначения — Тактическая, Интендантская, Начальная Командная, Навигационная и так далее — стоит только название: Картахена, Испания. Это его родной город.

— Я рад, что его перевели.

— Черт, Эндер, это он должен быть рад. Если бы

мы узнали раньше, что он задумал, то убили бы его на месте. А правда, что он приволок с собой целую банду, чтобы побить тебя?

— Да. Нет. Дрались только он и я. И он дрался честно.

«О да, если бы не его честь, меня разобрали бы на части. Наверное, и вправду убили бы. Его чувство чести спасло мне жизнь».

— Он повел себя честно. А я — нет. Я дрался, чтобы победить.

— И ты победил, — рассмеялся Боб. — Ты вышиб его с орбиты. Насовсем.

В дверь постучали. Прежде чем Эндер успел ответить, дверь распахнулась. Эндер ожидал увидеть кого-нибудь из своих, но на пороге стоял майор Андерсон. А из-за его спины выглядывал полковник Графф.

— Эндер Виггин, — сказал Графф.

Эндер поднялся на ноги:

— Здесь, сэр.

— Та сцена, что ты сегодня устроил в боевой комнате, была проявлением неповиновения. Впредь такое не должно повториться.

— Так точно, сэр.

Что касается Боба, он по-прежнему не испытывал желания повиноваться и, видимо, считал,

что Эндер не заслужил подобной отповеди.

— А мне казалось, что вам давно пора было узнать, что мы думаем о ваших грязных делишках, — встрял он.

Но взрослые не обратили на него внимания. Андерсон протянул Эндеру бумагу. Большой лист. Не маленький клочок, какие ходили внутри Боевой школы, а полновесный приказ. Боб понял, что это значит. Эндера переводили из школы.

— Ты выпускаешься? — спросил Боб. Эндер кивнул. — Чего это они так задержались? Тебе ведь уже почти десять. Ты умеешь ходить, говорить, шнурки завязывать. Чему еще тебя можно научить?

Эндер покачал головой:

— Я знаю одно: игра окончена. — Он свернул бумагу. — Вовремя, ничего не скажешь. Могу я объявить об этом своей армии?

— Нет времени, — ответил Графф. — Челнок отбывает через двадцать минут. К тому же тебе лучше не встречаться с ними. Так будет легче.

— Им или вам? — спросил Эндер.

Ответа дожидаться он не стал. Повернулся к Бобу. Взял его руку, пожал и направился к двери.

— Подожди, — остановил его Боб. — Куда тебя загнали? В тактики? Навигаторы?

— В Командную школу, — ответил Эндер.

— Начальную Командную?

— В просто Командную, — ответил Эндер и исчез за дверью.

Андерсон шагнул за ним. Боб ухватил Граффа за рукав:

— Но никто не попадает в Командную, пока ему не исполнится шестнадцать!

Графф стряхнул руку Боба, вышел и закрыл за собой дверь.

Боб стоял посреди пустой комнаты, пытаясь понять, что все это значит. Никто не попадал в Командную школу, не проучившись три года в Тактической, Навигационной или Начальной Командной. И никто не выпускался из Боевой школы меньше чем через шесть лет. Эндер уложился в четыре.

Вся система летит к чертям. В этом не может быть сомнений. Либо кто-то наверху сошел с ума, либо с войной что-то неладно. С настоящей войной, с войной против жукеров. Иначе зачем гробить собственную систему подготовки? Зачем портить игру? С чего назначать мелкого мальчишку командиром армии?

Боб размышлял об этом, пробираясь коридорами в свою комнату. Свет погас, как только он

опустился на койку. Боб в темноте разделся и запихнул комбинезон в невидимый шкафчик. Он чувствовал себя ужасно. Сначала думал, что это просто страх — страх не справиться с собственной армией. Но нет. Он знал, что будет хорошим командиром. Бобу хотелось плакать. А плакал он только в самые первые дни — от тоски по дому. Потом перестал. Он пытался дать название чувству, которое стояло комком в горле и заставляло всхлипывать против воли. Он укусил руку, чтобы подавить это чувство, заменить его болью. Не помогло. Он больше никогда не увидит Эндера.

Вот она, причина боли. Он ее обозначил, а значит, теперь мог управлять ею. Лежа на спине, Боб заставил себя расслабиться, успокоиться, и слезы быстро высохли. Он плавно погрузился в сон. Рука его замерла на подушке возле рта — так, словно Боб собирался грызть ногти или сосать палец. Лоб пересекла упрямая морщина. Дыхание стало медленным и ровным. Он был солдатом, и, если бы кто-нибудь спросил его, что он станет делать, когда вырастет, Боб не понял бы вопроса.

Перебираясь в челнок, Эндер впервые заметил, что у майора Андерсона теперь другие нашивки.

— Да, он стал полковником, — подтвердил Графф. — С сегодняшнего дня майор, вернее, пол-

ковник Андерсон распоряжается Боевой школой. У меня теперь другие обязанности.

Эндер не стал спрашивать какие.

Графф уселся через проход от Эндера и пристегнул ремни. В челноке был еще один пассажир — спокойный человек в штатском, которого представили как генерала Пейса. Пейс держал дипломат, багажа у него не было, как и у самого Эндера. Почему-то мальчику было приятно, что они путешествуют налегке. В пути Эндер заговорил лишь однажды.

— Почему мы летим на Землю? — спросил он. — Я слышал, что Командная школа где-то на астероидах.

— Так и есть, — ответил Графф. — Но корабли дальнего следования не могут пришвартоваться к Боевой школе. Так что нам предстоит короткий отпуск на Земле.

Эндер хотел спросить, значит ли это, что он сможет повидаться с семьей. Но почему-то мысль о возможности такого свидания испугала его, и он не стал спрашивать. Просто закрыл глаза и попробовал уснуть. Краем прикрытого глаза он видел, что генерал Пейс перегнулся через спинку кресла и внимательно рассматривает его. Эндер не понимал почему.

Они приземлились прямо в жаркое солнечное флоридское утро. Эндер так долго жил вдали от солнечного света, что едва не ослеп. Он щурился, чихал и очень хотел попасть обратно под крышу. Все было таким чужим. А почва под ногами вместо того, чтобы загибаться вверх, как в Боевой школе, почему-то уходила вниз. Эндеру казалось, что он стоит на вершине горы. Сила тяжести прижимала его к земле. Он шел шаркая и еле передвигая ноги. Ему было плохо. Он хотел назад, домой, в Боевую школу, в единственное место во Вселенной, где он был нужен.

— Арестован?

— Вполне логичное допущение. Ведь генерал Пейс на самом деле глава военной полиции. А в Боевой школе произошло убийство.

— Мне не сказали, повышен наш полковник или передан военному суду. Просто сообщили, что он переведен на другую должность и должен явиться лично к Полемарху.

— Это хороший знак или дурной?

— А кто ж знает? С одной стороны, Эндер Виггин не просто выжил, он преодолел очень важный рубеж. Да, он покинул школу в отличной форме, и этим мы обязаны старине Граффу. С другой стороны, в челноке был и четвертый пассажир.

Тот, что путешествует в ящике.

— Вторая смерть в истории нашей школы. Слава богу, на этот раз не самоубийство.

— По-вашему, убийство лучше, майор Имбу?

— Это не убийство, полковник Андерсон. Мы видели, что произошло. Никто не может обвинить в происшедшем Эндера.

— Зато могут обвинить Граффа. Когда кончится война, гражданские примутся рыться в наших файлах и начнут решать, что правильно, а что — нет. И будут раздавать медали за «правильно» и отправлять в отставку без пенсии или сажать в тюрьму за «неправильно». По крайней мере, у них хватило ума не говорить Эндеру, что тот парень умер.

— Это ведь уже второй раз.

— Да, про Стилсона ему тоже не сказали.

— Малыш пугает меня.

— Эндер Виггин не убийца. Он просто побеждает. И делает это… основательно. Пусть жукеры его боятся.

— Я начинаю чувствовать жалость к жукерам при мысли о том, что ими займется Эндер Виггин.

— А мне жаль самого Эндера. Но не настолько, чтобы вступаться за него. Теперь я получаю те

материалы, которые прежде ложились на стол Граффа. Сводки, передвижения частей и так далее. Когда-то я спокойно спал по ночам.

— У нас так мало времени?

— Я не должен был говорить. Все это совершенно секретно.

— Знаю.

— Скажем так: они нисколько не поторопились с отправкой мальчика в Командную школу. Но, возможно, на пару лет опоздали.

13
Валентина

— Дети?

— Брат и сестра. Там такие лисьи петли… пишут для одной компании, оплату получают на другую, допуск через третью. И все анонимно или через подставных лиц. С нас семь потов сошло, прежде чем разобрались.

— И что же они скрывают?

— Все, что угодно! Прежде всего возраст. Мальчику четырнадцать. Девочке двенадцать.

— И кто из них Демосфен?

— Девочка. Которой двенадцать.

— Прошу прощения. Я понимаю, что это совсем не смешно, просто не смог удержаться. Все это время мы тряслись, как зайцы, пытаясь убедить русских не принимать Демосфена всерьез, и вместе с тем поднимали на щит Локка, надеясь доказать миру, что не все американцы — кровожадные параноики. Брат и сестра. Несовершеннолетние.

— И их фамилия Виггин.

— Ага. Совпадение?

— Наш Виггин — третий. Эти — первый и вторая.

— Восхитительно. Русские никогда не поверят…

— …Что мы не управляем Демосфеном и Локком. Что они не находятся под таким же строгим контролем, как наш Виггин.

— А что, если это заговор? Что, если кто-то и вправду управляет этой парочкой?

— Мы не засекли никаких контактов между ними и кем-либо из взрослых, кто мог бы дергать их за ниточки.

— Но вдруг кто-то изобрел способ обмануть вас? Какой-нибудь способ связи, который вы не смогли засечь? Трудно поверить, что двое школьников…

— Я разговаривал с полковником Граффом, когда он прибыл из Боевой школы. По его мнению, то, что якобы творили эти детишки, вполне им по силам. Они обладают такими же способностями, как и наш Виггин. Только темпераменты разные. Однако Графф был чрезвычайно удивлен, как он выразился, «ориентацией» персонажей. Нам точно известно, что Демосфен — это девочка, но Графф сказал, что Валентину не приняли в Боевую школу из-за ярко выраженного

миролюбия, склонности к компромиссам и гипертрофированной способности к сопереживанию.

— Ну, это точно не Демосфен.

— А у мальчишки душа шакала.

— Кого это у нас недавно превозносили как «единственный незашоренный ум Америки»? Не Локка ли?

— Очень трудно понять, что происходит на самом деле. Но Графф советует — и я с ним согласен — оставить их в покое. Не выводить на чистую воду. Ничего не докладывать наверх, кроме одного: нами, мол, достоверно установлено, что Демосфен и Локк не имеют контактов за пределами страны и не связаны ни с одной из внутренних группировок, ну, за исключением тех, что открыто действуют в компьютерных сетях.

— Другими словами, дать им карт-бланш.

— Я знаю, что Демосфен кажется весьма опасным, в частности потому, что у него, вернее, у нее так много последователей. Но куда важнее то, что мальчик — а он куда более честолюбив — выбрал для себя взвешенную, умеренную, мудрую позицию. И еще. Пока они просто говорят. У них есть влияние, но нет власти.

— По-моему, влияние и есть власть.

— Как только нам покажется, что они выходят за рамки, мы их сдадим.

— Это может сработать только в ближайшую пару лет. Чем дольше мы ждем, тем старше они становятся.

— Тебе известно о передвижениях русских войск. Всегда существует вероятность, что Демосфен прав. И потому…

— Лучше иметь его рядом, под рукой. Хорошо. Скажем, что они чисты. Но слежку продолжим. И конечно, надо найти способ успокоить русских.

Несмотря на все опасения и сомнения, Валентине нравилось быть Демосфеном. Ее колонку теперь публиковали почти все информационные каналы страны, и было очень забавно следить за тем, как стремительно растут счета ее поверенных. Время от времени они с Питером вносили четко просчитанные пожертвования в фонды определенных кандидатов или партий: цифра должна была быть достаточно большой, чтобы ее заметили, и достаточно скромной, чтобы у кандидата не создалось впечатления, будто его подкупают. Валентина получала теперь столько писем, что одна из сетей, для которой она писала, наняла секретаршу, которая должна была отвечать на всякую бумажную мелочь. Нема-

ло развлечений доставляли письма от важных людей из американского или международного правительства — иногда дружелюбные, чаще враждебные, — и каждый автор непременно пытался выяснить, что у Демосфена на уме. Эту корреспонденцию они с Питером всегда читали вместе и хохотали. А что, если бы все эти важные шишки узнали, что пишут каким-то сопливым детишкам?! Да они б от стыда сквозь землю провалились!

Кстати, о стыде. Временами и Валентине становилось стыдно. Отец регулярно читал Демосфена, но никогда не читал Локка, даже слышать о нем не хотел. За обедом он частенько цитировал очередное заявление Демосфена, громко одобряя все прочитанное. Питер обожал, когда отец так делал.

— Видишь, это доказывает, что простые люди нас слушают!

Но Валентине казалось, что это унижает отца. Если бы тот узнал, что все эти статьи писала она, да еще не веря и в половину собственных утверждений, — о, как бы он был зол и пристыжен.

Однажды в школе она чуть не втравила их в неприятности. Учитель истории задал написать сравнительную характеристику взглядов Локка

и Демосфена, опираясь на их ранние колонки. Валентина по беспечности своей настрочила прекрасную аналитическую работу. И ей потребовалось добрых два часа, чтобы уговорить директора не публиковать ее эссе на том же самом портале, где сейчас выступал Демосфен. Питер был просто в бешенстве:

— Ты пишешь совсем как Демосфен! Тебе ни в коем случае нельзя нигде публиковаться! Все, нужно убить Демосфена прямо сейчас! Ты выходишь из-под контроля!

Питер часто приходил в ярость по пустякам. Но куда больше брани ее пугало его молчание. Однажды Демосфен получил приглашение занять место в Президентском совете по вопросам будущего образования. Престижная синекура. Очередной совет, созданный для ничегонеделания и блестяще с этим справляющийся. Валентина думала, что Питер обрадуется, но вышло наоборот.

— Откажись, — велел он.

— Почему? — удивилась она. — Это будет совсем нетрудно, и мне пообещали, что, уважая стремление Демосфена сохранить инкогнито, заседания будут проводиться исключительно в Сети. Это пойдет на пользу персоне Демосфена,

придаст ему респектабельности и…

— …И вообще, как это здорово, что ты получила приглашение раньше меня. Не правда ли?

— Питер, но это же не ты и я. Это Демосфен и Локк. Мы их придумали, только и всего. Они не настоящие. Да и, кстати, приглашение вовсе не означает, что Демосфен им нравится больше, чем Локк. Просто Демосфена поддерживает больше народу. Ты же и сам это знаешь. Это назначение очень польстит всяким шовинистам и русофобам.

— Все должно быть наоборот. Это Локк должен пользоваться уважением.

— Так он и пользуется! Настоящее уважение всегда приходит позже, чем официальное признание. Питер, не злись на меня. Я ведь просто исполняла твои распоряжения и делала это хорошо.

И все же он несколько дней подряд дулся. С тех пор ей пришлось самой изобретать темы для своих выступлений, потому что Питер отказался руководить ею. Наверное, посчитал, что от этого статьи Демосфена станут хуже и тот начнет терять популярность, но никто ничего и не заметил. А еще больше его, наверное, разозлило то, что Валентина не прибежала к нему вся в слезах и

моля о помощи. Она была Демосфеном так долго, что уже не нуждалась в подсказках.

И поскольку переписка с другими политически активными гражданами росла, Валентина начала узнавать много нового, получать информацию, практически недоступную обычной публике. Некоторые военные, обменивавшиеся с ней письмами, иногда выдавали секретную информацию, сами того не желая. Затем они с Питером складывали кусочки мозаики и получали интересную и довольно жуткую картину деятельности стран Варшавского договора. Русские действительно готовились к войне. К долгой кровавой наземной войне. Демосфен не ошибался, когда заподозрил страны Варшавского договора в заговоре против Лиги.

Итак, Демосфен обрел собственную жизнь. Время от времени, закончив очередную статью, Валентина ловила себя на том, что продолжает думать, как Демосфен, и соглашается со всеми теми идеями, которые на самом деле представляли собой лишь тщательно просчитанные позы. А читая статьи Локка, она, наоборот, искренне удивлялась: и как это он не видит, что происходит на самом деле?

Наверное, когда носишь маску, она рано или

поздно прирастает к твоему лицу. Валентина даже испугалась этой мысли — несколько дней ее обдумывала, а затем использовала в статье, чтобы доказать: политиканы, уступающие русским только во имя мира, обязательно кончат тем, что станут их рабами, — просто не смогут выйти из привычной колеи. Это был хороший удар по правящей партии, и она получила много интересных писем. С тех пор она уже не боялась, что до определенной степени стала Демосфеном. Этот персонаж оказался намного умнее, чем они с Питером рассчитывали.

Графф ждал ее у ворот школы. Стоял, прислонившись к машине. Полковник был в штатском и здорово набрал вес. Она его даже не сразу узнала. Но он двинулся ей навстречу, и Валентина все же вспомнила его имя, прежде чем он успел представиться.

— Я не стану больше писать писем, — сказала она. — Мне и того не следовало писать.

— Не нравятся ордена?

— Не очень.

— Поехали со мной, Валентина.

— Я не сажусь в машины к незнакомым людям.

Он протянул ей бумагу. Это было разрешение,

подписанное ее родителями.

— Хорошо. Куда мы едем?

— Повидать одного молодого солдата, проводящего отпуск в Гринсборо.

Она села в машину.

— Эндеру только десять, — сказала она. — А вы утверждали, что он сможет получить первый отпуск, только когда ему исполнится шестнадцать.

— Он перескочил через пару ступенек.

— Так у него все хорошо?

— Спроси его самого.

— Почему только я? Почему не вся семья?

— Эндер видит мир по-своему, — вздохнул Графф. — Мы едва уговорили его встретиться с тобой. Питер и родители его не интересуют. Видишь ли, жизнь в Боевой школе была очень… насыщенной.

— Вы хотите сказать, что он сошел с ума?

— Наоборот, он самый разумный человек из всех, кого я знаю. И прекрасно понимает, что родителям вовсе не хочется воскрешать давно похороненную привязанность. Что же касается Питера, встречу с ним мы даже не предлагали. Заранее знали, куда будем посланы.

Они свернули как раз за озером Брандт и ехали по дороге, которая то взбегала на холмы, то

спускалась с них, пока не добрались до ограды. Чуть дальше на вершине холма виднелся домик из белого камня, стоявший на перешейке между озером Брандт и маленьким пятиакровым частным озерцом.

— Это поместье принадлежало фирме Мэдли. «Мойтесь росой!» Знаешь? — сказал Графф. — Международный флот купил его на налоговых торгах лет двадцать назад. Эндер настоял на том, чтобы ваша беседа не прослушивалась. Я обещал ему, что так и будет, а чтобы обеспечить полное уединение, мы отправим вас разговаривать на озеро — на плот, который он построил своими руками. Но предупреждаю, потом, после этого разговора, я задам тебе несколько вопросов. Ты, конечно, можешь не отвечать, но, надеюсь, все же ответишь.

— У меня нет купальника.

— Найдем.

— С маленьким таким микрофончиком, да?

— Мы должны хоть сколько-то доверять друг другу. Например, я прекрасно знаю, кто такой Демосфен.

Дрожь страха пробежала по ее телу, но она смолчала.

— Мне об этом рассказали, как только я приле-

тел сюда из Боевой школы. Сейчас лишь шесть человек во всем мире знают, кто вы такие. Не считая русских: только Бог ведает, до чего им удалось докопаться. Но Демосфену нечего бояться нас. Демосфен может быть уверен в том, что мы умеем хранить тайны. Точно так же я верю: Демосфен не расскажет Локку о том, что случилось сегодня. Взаимное доверие, кажется, так это называется?

Валентина не могла понять, кому они симпатизируют — Демосфену или же ей, Валентине Виггин. Если Демосфену — она не может им доверять. Просьба ничего не говорить Питеру означает, что ее собеседник прекрасно понимает разницу между ними. Между Валентиной и Демосфеном. Хотя сама она предпочла не отвечать себе на этот вопрос: осталась ли между ними разница?

— Вы сказали, он построил плот. Как долго Эндер живет здесь?

— Два месяца. Мы думали, он задержится тут максимум на пару дней, но, видишь ли, Эндер не особенно хочет продолжать свое обучение.

— О, значит, я опять в роли лекаря.

— На этот раз мы не можем перекраивать твое письмо. Придется идти на риск. Нам очень нужен твой брат. Человечество в опасности.

На сей раз Валентина была достаточно взрослой, чтобы понимать: весь мир действительно висит на волоске. И она слишком долго была Демосфеном, чтобы отказаться от исполнения своего долга.

— Где он?

— На причале.

— А где купальник?

Эндер даже не помахал рукой, когда увидел, что она спускается по склону холма, не улыбнулся, когда она ступила на шаткий плавучий настил лодочного причала. Но Валентина знала, он очень рад этой встрече. Эндер смотрел на нее, не отводя глаз.

— Ты больше, чем мне помнилось, — сказала она невпопад.

— Ты тоже, — ответил он. — И еще я помнил, что ты очень красивая.

— Память частенько нас подводит.

— Нет, твое лицо осталось прежним. Просто я больше не помню, что такое быть красивым. Давай руку. Поплыли отсюда.

Она неуверенно посмотрела на маленький плот.

— На нем нельзя вставать в полный рост, а в остальном — все в порядке. — Эндер перебрался

на плот, как паук, опираясь лишь на кончики пальцев. — Это первая вещь, которую я сделал своими руками. Помнишь, как мы строили дома из кубиков? Питероустойчивые здания.

Валентина рассмеялась. Когда-то они развлекались тем, что возводили здания, которые могли стоять даже после изъятия большей части опорных конструкций. Питер тоже обожал в этом участвовать — он вытаскивал кубики. Вытаскивал и вытаскивал, пока конструкция не становилась настолько хрупкой, что рассыпалась при первом же прикосновении. О да, Питер был той еще задницей, но он придавал их играм особый вкус.

— Питер изменился, — сказала она.

— Давай не будем говорить о нем.

— Хорошо.

Она переползла на плот, хотя и не так ловко, как Эндер. Он взял весло и медленно вывел утлое сооружение на середину озерца. Валентина вслух заметила, что он стал сильным и очень загорел.

— Силы я поднабрался в Боевой школе, а загорел тут, на озере. Много времени провожу в воде. Когда плывешь, чувствуешь себя невесомым. Я скучаю по невесомости. А еще, когда я в озере, земля вокруг как будто загибается кверху.

— Словно в миске.

— Я четыре года провел в миске.

— Значит, теперь мы чужие?

— А разве нет, Валентина?

— Нет, — сказала она, потянулась и погладила его по ноге, а потом вдруг ухватила Эндера за колено, за самое «щекотное» место.

В тот же миг он поймал ее запястье и стиснул железной хваткой, хотя его ладони были меньше, чем у сестры, а руки казались такими тонкими и слабыми. В глазах Эндера промелькнуло пугающее выражение, но потом он расслабился.

— Ну да, точно, — сказал он. — Ты любила меня щекотать.

— Больше не буду, — сказала она, убирая руку.

— Хочешь поплавать?

В ответ она молча перевалилась через край плота. Вода была чистой и прозрачной — и никакой хлорки. Валентина немного поплавала, потом забралась обратно на плот и улеглась погреться на солнышке. Оса описала круг над ее головой, а затем приземлилась совсем рядом, на край плота. Валентина заметила ее и в другой раз, скорее всего, испугалась бы. Но не сегодня. Пусть себе ползает, жарится на солнышке.

Плот качнулся, она повернула голову и увидела,

как Эндер убил осу. Одним точным движением, придавив пальцем.

— Эта порода очень вредная, — объяснил Эндер, — жалят, не дожидаясь, когда их обидят. — Он улыбнулся. — Я сейчас изучаю превентивные стратегии. Я очень хорош. Никто никогда не побеждал меня. Я лучший солдат, что когда-либо был.

— Кто бы стал ожидать меньшего? — отозвалась Валентина. — Ты же Виггин.

— Что ты хочешь сказать?

— Это значит, что ты способен изменить мир. — И она рассказала ему про их с Питером заговор.

— Сколько теперь Питеру, четырнадцать? И он уже мечтает захватить власть над миром?

— Он метит в Александры Великие. А почему бы и нет? Почему бы и тебе туда не метить?

— Мы не можем стать Александром оба.

— Две стороны одной медали. А я — металл между ними.

Она произнесла эти слова и подумала: а может, это правда? За последние несколько лет она столько всего разделила с Питером, что, несмотря на все свое презрение, научилась понимать его. А Эндер все это время оставался воспоминанием. Маленьким хрупким мальчиком, нуждавшимся

в ее защите. А вовсе не этим темнокожим пареньком с ледяными глазами, убивающим ос одним движением пальца. «Может, и он, и Питер, и я одинаковые и всегда были такими? Может, мы считаем друг друга разными просто из зависти?»

— У медали есть недостаток: когда одна сторона наверху, другая — внизу.

«Думаешь, ты теперь внизу?» — промелькнуло в голове Валентины.

— Они хотят, чтобы я вернула тебе интерес к занятиям.

— Это не занятия, это игры. Все время игры, с начала и до конца. И правила меняются по щелчку пальцев. — Эндер поднял вялую руку. — Посмотри. Видишь ниточки, сестренка?

— Но ты ведь тоже можешь их использовать.

— Только когда они хотят, чтобы их использовали. Только когда думают, что используют меня. Нет, это слишком тяжело. Я больше не хочу играть. Каждый раз, когда все начинает устраиваться, когда я осваиваюсь с положением вещей, когда становится хорошо, мне в спину втыкают еще один нож. Все время, что я живу здесь, меня мучают кошмары. Мне снится, что я в боевой комнате, только вместо невесомости они играют с силой тяжести. Все время изменяют

ее направление. И вот я отталкиваюсь от стены, но лечу в совершенно другом направлении. Или падаю. И я прошу, умоляю их дать мне добраться до двери, дать выйти, но мне никто не отвечает. Меня засасывает обратно, обратно…

Валентина услышала злость в его голосе и решила, что эта злость направлена на нее.

— Думаю, меня привезли сюда именно для этого. Чтобы засосать тебя обратно.

— Я не хотел тебя видеть.

— Мне передали.

— Я боялся, что все еще люблю тебя.

— Я надеялась на то же.

— Мой страх, твое желание — они сбылись.

— Эндер, это правда. Может, мы молоды, но вовсе не бессильны. Мы довольно долго играем по их правилам, и эта игра уже начала становиться нашей. — Она хихикнула. — Я член Президентского совета. Питер в бешенстве.

— Меня к сетям не подпускают. Здесь вообще нет компьютеров, кроме тех, что контролируют систему безопасности и электричество. Древние штуки. Их установили лет сто назад, когда компьютеры работали автономно. У меня забрали армию, забрали комп, и знаешь… Мне этого совсем не жаль.

— Ты хорошо проводишь время сам с собой.

— Не с собой. С воспоминаниями.

— Возможно, это то, что ты есть. Воспоминания.

— Нет. Я вспоминаю нечто иное. Жукеров.

Валентина даже передернулась, как будто с холма вдруг подул холодный ветерок:

— Я перестала смотреть видео про жукеров. Все одно и то же.

— А я их раньше днями напролет изучал. То, как они управляют в космосе своими кораблями. И знаешь, пока я болтался здесь, на озере, мне в голову пришла одна забавная мысль. Я понял, что все сцены ближнего боя, рукопашной между людьми и жукерами, взяты из фильмов времен Первого нашествия. А все съемки, сделанные во время Второго нашествия, — их легко отличить, потому что там морские пехотинцы одеты в форму Международного флота, — самих сражений не показывают. Только мертвых жукеров, которые лежат в рубках и переходах. Никаких следов борьбы. И о той знаменитой битве, в которой победил Мэйзер Рэкхем, — из нее нам вообще ничего не показывают.

— Возможно, это было какое-то секретное оружие.

— Нет-нет, меня вовсе не интересует, как их тогда убивали, меня интересуют они сами. Я ничего не знаю о жукерах, а ведь предполагается, что когда-нибудь мне придется сражаться с ними. Я прошел через много битв — побеждал в играх… и не только. Но всякий раз я побеждал только потому, что понимал ход мыслей своего противника. По его действиям угадывал то, о чем он думал, что замышлял. От этого я и отталкивался. О да, в этом я хорош. Я умею проникать в чужие мысли.

— Проклятие семейства Виггин.

Валентина сейчас шутила, но она и вправду боялась того, что Эндер сможет прочесть ее мысли, как читал мысли своих врагов. Питер всегда понимал ее — или думал, что понимал, — но сам был такой свиньей, что она его никогда не стыдилась, — ей было безразлично, как глубоко он залезет к ней в голову. Но Эндер… Валентина не хотела, чтобы он ее понял, не хотела обнажаться перед ним. Ей будет стыдно.

— Думаешь, ты не сможешь разбить жукеров, если не поймешь их?

— Все еще серьезнее. Одиночество и безделье располагают к мыслям о себе. Я пытался разобраться, почему так себя ненавижу.

— Нет, Эндер.

— Не говори: «Нет, Эндер». Мне потребовалось много времени, чтобы осознать свою ненависть, но, поверь мне, я ее осознал. И осознаю. Все сводится к одному: вместе с настоящим пониманием, позволяющим победить врага, приходит любовь к нему. Видимо, нельзя узнать кого-то, проникнуть в его желания и веру, не полюбив так, как он любит себя. И в этот самый миг моей любви…

— …Ты его побеждаешь. — Сейчас она не боялась его проницательности.

— Нет, ты не поняла. Я его уничтожаю. Я делаю так, чтобы он больше никогда не смог подняться против меня. Втаптываю в землю до тех пор, пока он не перестает существовать.

— Нет, этого не может быть.

Страх вернулся и стал еще сильней. «Питер смягчился, а ты… Они сделали тебя убийцей! Две стороны одной медали, но как отличить их друг от друга?»

— Я причинял людям настоящую боль, Вэл. Я не придумываю.

— Знаю, Эндер…

«Что же ты сделаешь со мной?»

— Видишь теперь, чем я стал, Вэл? — тихо сказал он. — Даже ты боишься меня.

Он погладил сестру по щеке так бережно, что

ей захотелось разрыдаться. Вспомнилось прикосновение его мягкой ручки, когда он был еще совсем малышом. Она до сих пор помнила его руку у себя на щеке.

— Я не боюсь тебя, — возразила она, и сейчас это было правдой.

— А стоило бы.

«Нет. Никогда».

— Если ты останешься в воде, замерзнешь и пойдешь пупырышками. И еще тебя может съесть акула.

Он улыбнулся:

— Акулы давно научились не лезть ко мне.

Но он все же выбрался на плот, хрупкое сооружение качнулось, плеснуло волной. Брызги были холодными.

— Эндер, у Питера получится… Он достаточно умен, чтобы ждать столько, сколько потребуется. Он пробьется к власти, не сейчас, так позже. Не знаю, хорошо это будет или плохо. Питер может быть жестоким, но он знает, как взять власть, и сумеет удержать ее, а есть вероятность, что сразу по окончании войны, может, еще даже до ее окончания мир опять рухнет в пропасть… Страны Варшавского договора добивались гегемонии перед Первым нашествием. И если они снова

возьмутся за старое…

— То даже Питер — лучшая альтернатива.

— Ты обнаружил в себе что-то от разрушителя, Эндер. Так было и со мной. У Питера нет монополии на это качество, что бы там ни думали психологи. Но в Питере, представь себе, проснулся строитель. Он не стал добрым, но уже не стремится разрушать все, что попадается ему на глаза. Понимаешь, власть в конечном счете оказывается в руках у тех, кто стремится к ней. И по-моему, большинство нынешних правителей намного хуже Питера.

— После такой рекомендации я сам готов голосовать за него.

— Иногда все это кажется мне полным бредом. Четырнадцатилетний мальчик и его младшая сестра сговорились захватить власть над миром. — Она попыталась рассмеяться, но ей было не смешно. — Мы не обычные дети. Вообще не дети.

— А тебе не хотелось бы все изменить? Снова вернуться в детство?

Она попыталась представить, что стала такой же, как другие девочки в школе. Попробовала вообразить жизнь, в которой больше не нужно чувствовать ответственность за судьбы мира.

— Это будет очень скучно.

— Мне так не кажется.

Он растянулся на плоту, будто готов был всю жизнь провести на воде.

Так и есть. Что бы ни делали с Эндером в Боевой школе, его честолюбие сгорело, угасло. Он действительно не хотел покидать свою нагретую солнцем миску.

Нет, поняла она, нет, он сейчас искренне верит, что ему никуда не хочется, что ему ничего не нужно, но в нем еще слишком много от Питера. Или от нее. Никто из них не может долго оставаться счастливым просто так, ничего не делая. Иначе говоря, никто из них не может быть счастливым наедине с самим собой.

И она снова заговорила:

— Назови мне имя, которое знает весь мир.

— Мэйзер Рэкхем.

— А если ты выиграешь следующую войну, как это сделал Мэйзер Рэкхем?

— Мэйзер Рэкхем был чудом. Счастливой случайностью. Никто не верил в него. Он просто оказался в нужном месте в нужное время.

— Но представь, что это сделал ты. Разгромил жукеров, и твое имя известно повсюду, как имя Мэйзера Рэкхема.

— Пусть другие будут знамениты. Питер жаждет славы. Вот пусть и спасает мир.

— Да я же, Эндер, не о славе говорю. И даже не о власти. Я говорю о случайности. О той самой случайности, что вынесла Мэйзера Рэкхема туда, где кто-то должен был остановить жукеров.

— Если я останусь здесь, — сказал Эндер, — меня там не будет. Будет кто-то другой. Пусть ему достанется счастливый случай.

Его усталый, безразличный тон вывел Валентину из себя.

— Я говорю о *своей* жизни, эгоцентричная ты сволочь! — (Если ее слова и задели Эндера, он не показал этого. Просто лежал с закрытыми глазами.) — Когда ты был совсем маленьким и Питер мучил тебя, я ведь не сидела сложа руки, не ждала, когда папа и мама придут тебя спасать. Они-то никогда не понимали, насколько Питер опасен. О да, у тебя был монитор, но я почему-то не ждала, пока приедут *эти*. А знаешь, что Питер творил со мной, после того как я вмешивалась? Знаешь?

— Заткнись, — прошептал Эндер.

И она замолчала, потому что увидела, как дрожит его грудь, потому что поняла: ему больно. Она, как Питер, нашла его самое слабое место, и

удар попал в цель.

— Я не смогу их победить, — тихо сказал Эндер. — Однажды я буду там, как Мэйзер Рэкхем, и все будет зависеть от меня, а я не смогу ничего сделать.

— Если не справишься ты, Эндер, никто не справится. Если ты их не победишь, значит жукеры заслужили победу, потому что сильнее и лучше нас. Это будет не твоя вина.

— Расскажи это мертвым.

— Если не ты, то кто?

— Кто угодно.

— Никто, Эндер. Я скажу тебе кое-что. Дерись и проиграй — вот тогда ты будешь не виноват. Но если ты откажешься даже попытаться, значит это все ты. Ты убил нас всех.

— Так или иначе я буду убийцей.

— А кем еще ты можешь быть? Человечество развивало свои мозги вовсе не затем, чтобы прохлаждаться у озерца. Первое, чему мы научились, — это убивать. И хорошо, что научились, иначе бы нас не было, а Землей правили бы тигры.

— Я никогда не мог победить Питера. Что бы ни делал, что бы ни говорил. Не мог.

Ага, возвращаемся к Питеру.

— Он был старше. И сильнее.

— Как и жукеры.

Она наконец поняла логику его поступков, вернее, их алогичность. Он мог побеждать сколько угодно, но в глубине души понимал, что на свете существует кто-то способный его уничтожить. Он всегда знал, что его победы — ненастоящие, потому что есть Питер, непобедимый воин.

— Ты хочешь надрать задницу Питеру?

— Нет, — ответил он.

— Тогда разбей жукеров. А потом возвращайся домой и спроси: кто такой Питер Виггин? Посмотри ему в глаза, любимый и почитаемый всем миром, — ты увидишь там поражение. Вот как ты победишь.

— Ты не поняла, — сказал он.

— А по-моему, как раз наоборот.

— Я не хочу побеждать Питера.

— Тогда чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы он полюбил меня.

На это у нее не было ответа. Насколько ей было известно, Питер никого не любил.

Эндер больше ничего не говорил. Просто лежал. И лежал…

Наконец Валентина почувствовала, что устала от солнца и вся вспотела. Приближался закат,

и начинали гудеть комары. Тогда она нырнула в воду и начала толкать плот к берегу. Эндер оставался безучастным, однако его неровное дыхание говорило о том, что он не спит. Когда они добрались до берега, Валентина вскарабкалась на причал и сказала:

— Я люблю тебя, Эндер. Больше, чем когда-либо. Что бы ты ни решил.

Он не ответил. Валентина сомневалась, что он поверил ей. Она взбиралась по склону холма, яростно проклиная тех, кто заставил ее приехать сюда сегодня, к *такому* Эндеру. Потому что в результате она сделала то, чего от нее хотели. Уговорила Эндера вернуться. И он не скоро ей это простит.

Эндер шагнул в дверь, все еще мокрый после купания. На улице смеркалось, но еще темнее было в комнате, где ожидал его Графф.

— Едем сейчас? — спросил Эндер.

— Если хочешь.

— Когда?

— Как только ты будешь готов.

Эндер принял душ и оделся. Он наконец привык к штатской одежде, но все же чувствовал себя привычнее в комбинезоне или боевом костюме. «Я никогда больше не надену боевой костюм, —

подумал он. — Это ведь была игра Боевой школы, и с ней навсегда покончено». Он слышал сумасшедшее стрекотание цикад в лесах, скрежет шин по гравию на дороге за домом.

Что еще взять с собой? Он прочел несколько книг из библиотеки, но они принадлежали дому, их нельзя было увозить. Единственное, чем он обзавелся, — это плотом, который сам построил. Но плот тоже останется здесь.

В комнате, где ждал Графф, теперь горел свет. Полковник тоже переоделся. Он снова был в форме.

Они устроились рядом на заднем сиденье. Машина ехала кружным путем по проселочным дорогам, чтобы попасть в аэропорт со служебного въезда.

— Раньше, когда население Земли еще росло, — заметил Графф, — здесь были только леса да фермы. Поливные земли. Дожди стекают в реки, просачиваются сквозь землю, образуя водоносные слои. Земля глубока, Эндер, и она живая, у нее живое сердце. Мы, люди, живем на поверхности, как водомерки на глади спокойной воды у берега.

Эндер ничего не сказал.

— Мы готовим наших командиров именно так,

а не иначе, потому что у нас есть на то причины. Нам нужно, чтобы они думали определенным образом, не отвлекались по пустякам. Поэтому мы изолируем их. Тебя. Отделяем от остального мира. И это срабатывает. Но когда почти не встречаешь людей, когда совсем не знаешь Земли, когда живешь среди металла, за которым космический холод, — так легко забыть, почему вообще надо защищать Землю. Почему мир людей стоит той цены, которую вам приходится платить.

«Значит, вот зачем вы привезли меня сюда, — подумал Эндер. — Вы так спешили и все же не пожалели целых трех месяцев, только бы заставить меня полюбить Землю. Что ж, это сработало. Все, что вы придумываете, работает. И Валентина… Вы использовали ее, чтобы напомнить мне: я вовсе не ради себя стараюсь. И да, я вспомнил».

— В некотором роде я действительно использовал Валентину, — как обычно, угадал его мысли Графф. — И ты можешь ненавидеть меня за это, Эндер, но имей в виду: это сработало только потому, что между вами есть нечто особенное, нечто настоящее. Миллиарды связей между человеческими существами — вот что ты должен сохранить и спасти.

Эндер повернулся к окну и стал смотреть, как

поднимаются и опускаются вертолеты и дирижабли.

Их подобрал вертолет и понес к космопорту Международного флота в Стампи-Пойнт. Официально космопорт носил имя какого-то покойного Гегемона, но все именовали его Стампи-Пойнт — так звался жалкий городишко, который снесли, когда строили дороги к огромным островам из стекла и бетона, выросшим в заливе Пэмлико. Чайки и бакланы все еще вышагивали по прибрежному песку, замшелые деревья наклонялись к соленой воде, будто желая напиться. Моросил дождь, бетон стал черным и скользким, и невозможно было разобрать, где кончается дорога и начинается залив.

Графф провел его через лабиринт заграпостов. Единственным документом служил маленький пластмассовый шарик, который Графф каждый раз доставал из кармана. Он опускал его в приемник — и открывалась очередная дверь, люди вставали и отдавали честь; затем приемник выплевывал шарик, и Графф шел дальше. Эндер заметил, что сначала все смотрели на Граффа, но по мере продвижения вглубь космопорта куда больше внимания уделялось ему, Эндеру. Рядовые служители реагировали на высокий чин

Граффа, людей же посерьезнее интересовал не ранг, а груз.

И только когда Графф зашел в челнок, сел и пристегнулся, Эндер понял, что полковник летит с ним.

— И далеко? — спросил он Граффа. — Далеко вы полетите со мной?

— До самого конца, Эндер, — тонко улыбнулся Графф.

— Значит, вас назначили администратором Командной школы?

— Нет.

Стало быть, Граффа отозвали с поста заведующего Боевой школой только для того, чтобы он проводил Эндера до следующего места назначения. «Неужели я и в самом деле такая важная персона?» — подумал он. И тут же словно шепот Питера раздался у него в голове: «А как бы мне это использовать?»

Он пожал плечами и попробовал переключиться на что-нибудь другое. Питер может сколько угодно грезить о покорении мира, а у Эндера другие мечты. Но, вспомнив всю свою жизнь в Боевой школе, Эндер пришел к выводу, что всегда обладал властью, хотя никогда и не искал ее. Однако, решил он, в основе этой власти ле-

жали реальные достижения, а не какие-нибудь манипуляции и уловки. Так что стыдиться тут нечего. Он ни разу не использовал власть, чтобы причинить человеку боль. Разве что с Бобом, да и с ним все вышло — лучше не придумаешь. Боб стал другом, заняв место ушедшего Алая, как тот когда-то заступил на место Валентины. Валентины, которая сейчас помогала Питеру в его замыслах. Валентины, которая все еще, несмотря ни на что, любила Эндера. И эта цепочка мыслей, переплетение следов вернули его на Землю, к тихим часам, проведенным посредине маленького, чистого озера, окруженного лесистыми холмами. «Вот это и есть Земля», — подумал он. Не висящий в пустоте огромный шар, а редкий лес и сверкающая на солнце гладь озера, утонувший в листве дом на вершине холма, травянистый склон, спускающийся к воде, плеск волны, серебристая чешуя рыбы, птицы, ныряющие вниз, чтобы поймать муху или жука над самой поверхностью воды. Земля — это непрекращающийся треск цикад, свист ветра и пение птиц. И голос девочки, говорившей с ним из такого далекого детства. Тот самый голос, который когда-то был его единственной защитой от страхов. И чтобы сохранить этот голос, чтобы та девочка осталась

жива, он сделает все, что угодно, — вернется в школу, покинет Землю еще на четыре года, на сорок, четыреста лет. Пусть даже она любит Питера больше.

Его глаза были закрыты, он не издавал ни звука, только дышал ровно и мирно. Вдруг Графф протянул руку через проход и коснулся его плеча. Эндер от удивления напрягся, и тот быстро отдернул пальцы. Но на миг Эндера ошарашила безумная мысль, что, возможно, Графф ощущает к нему какую-то привязанность. Нет, не может быть. Это всего лишь еще один точно рассчитанный жест. Графф создает из маленького мальчика боевого командира. Наверняка какой-нибудь параграф номер семнадцать учебного плана рекомендует учителям периодически прибегать к отеческим жестам.

Через несколько часов челнок причалил к спутнику МПЗ. Спутник межпланетного запуска населяли три тысячи человек. Воздух и пищу им поставляли растения. Пили они только ту воду, что уже десятки тысяч раз прошла сквозь их тела, и существовали лишь для того, чтобы обслуживать буксиры, таскавшие грузы через Солнечную систему, и челноки, возившие пассажиров туда-обратно на Луну или на Землю. В этом маленьком

мирке Эндер почувствовал себя как дома: полы на спутнике МПЗ загибались вверх, точь-в-точь как в Боевой школе.

Их буксир был относительно новым; Международный флот следил за своими кораблями — постоянно списывал старые суда и закупал новые. Буксир только что приволок на спутник большой груз оружейной стали, выплавленной кораблем-фабрикой, который добывал и перерабатывал руду где-то в Поясе астероидов. Теперь сталь предстояло переправить на Луну, и возле буксира пришвартовались четырнадцать объемистых барж. Но стоило Граффу опустить шарик в считывающее устройство спутникового компьютера, как в мгновение ока баржи отсоединили. Буксир должен был на максимальной скорости проследовать к цели, которую задаст полковник Графф, как только они отчалят от спутника МПЗ.

— Тоже мне секрет! — улыбнулся капитан буксира. — Всякий раз, когда место назначения неизвестно, мы летим на МЗЗ.

По аналогии с МПЗ Эндер решил, что аббревиатура обозначает станцию межзвездного запуска.

— Не в этот раз, — сказал Графф.

— Куда же мы летим?

— В штаб Международного флота.

— У меня нет допуска к такой информации. Я понятия не имею, где это.

— Корабельный компьютер вам поможет, — ответил Графф. — Покажите ему вот это и следуйте курсом, который он проложит.

Графф вручил капитану пластиковый шарик.

— И мне придется всю дорогу просидеть с закрытыми глазами, чтобы случайно не увидеть, куда мы летим?

— О нет, конечно нет. Штаб Международного флота расположен на малой планете Эрос, в трех месяцах полета на максимальной скорости, с которой, естественно, мы и будем лететь.

— Эрос? Но я думал, жукеры стерли эту планетку в радиоактивную… Ага! Когда это я успел получить допуск?

— А вы его и не получали. Поэтому по прибытии на Эрос вам, вероятно, подыщут там работу.

Капитан мгновенно все понял и категорически не одобрил:

— Слушай, сукин ты сын, я пилот, и у тебя нет никакого права ставить меня на мертвый якорь на какой-то захолустной планетенке.

— В докладе начальству я позволю себе опустить ваши цветистые выражения. Прошу простить, но мне приказано погрузиться на первый

попавшийся быстроходный военный буксир. Вы подошли к станции в момент моего прибытия. Никто не собирался специально осложнять вам жизнь. И не расстраивайтесь так. Лет через пятнадцать война наверняка закончится, и тогда местонахождение нашего штаба перестанет быть тайной. Кстати, если вы принадлежите к числу капитанов, привыкших швартоваться на глазок, предупреждаю: с Эросом этот номер не пройдет. Альбедо астероида лишь не намного больше, чем у черной дыры. Так что увидеть его невозможно.

— Вот спасибо, — буркнул капитан.

И только через месяц совместного путешествия он нашел в себе силы вежливо обратиться к полковнику Граффу.

Библиотека корабельного компьютера была невелика и предназначалась скорее для развлечения, чем для образования. Поэтому после зарядки и завтрака Эндер обычно разговаривал с Граффом о Командной школе, Земле, физике и астрономии — обо всем, что хотел знать.

А больше всего его занимали жукеры.

— Мы знаем о них очень немного, — признался Графф. — Нам так и не удалось поймать ни одного живьем. Как только нам попадался живой и безоружный жукер, происходила странная вещь: он

умирал в тот же самый момент, когда осознавал, что схвачен. Собственно, даже местоимение «он» под сомнением. Скорее всего, солдаты-жукеры — самки, но с рудиментарными или атрофированными половыми органами. Тебя, наверное, больше всего интересует их психология, а нам так и не удалось с ними пообщаться.

— Расскажите все, что знаете. Может, мне удастся извлечь из этого что-нибудь полезное.

И Графф начал рассказывать. Организмы, подобные жукерам, вполне могли появиться и на Земле, повернись все иначе несколько миллиардов лет назад. На молекулярном уровне никаких сюрпризов, даже генетический материал был таким же. Не случайно жукеры напоминали людям насекомых. Хотя в процессе эволюции их внутренние органы развились и усложнились, а вместо внешнего появился скелет внутренний, физическое строение жукеров несло черты сходства с далекими предками, которые, скорее всего, были подобны земным муравьям.

— Но не придавай этому большого значения, — предупредил Графф. — С таким же успехом можно сказать, что наши предки здорово смахивали на белок.

— Но все же это хоть какая-то точка отсчета, —

сказал Эндер.

— Белки никогда не строили космических кораблей, — возразил Графф. — Они собирают орехи и ягоды, мы разрабатываем астероиды и устанавливаем исследовательские станции на лунах Сатурна. Слава богу, белкам еще далеко до нас.

Жукеры, очевидно, воспринимали тот же световой спектр, что и люди. На их кораблях и станциях имелось искусственное освещение. Но антенны их, по мнению ученых, были рудиментарны и нефункциональны. Результаты вскрытия не дали ответа на вопрос, какими ощущениями — зрительными, слуховыми, обонятельными, вкусовыми — жукеры руководствуются в первую очередь.

— Еще мы предполагаем, что жукеры обмениваются информацией не при помощи звуков, а как-то иначе. Конечно, это только гипотеза. И вот еще странная штука. На их кораблях мы не нашли ни одного коммуникационного устройства. Никакого радио, ничего, что могло бы передавать или принимать сигналы.

— Но экипажи кораблей общаются друг с другом. Я видел записи — они разговаривают.

— Правильно. Тело с телом, сознание с созна-

нием. Это самое важное, что о них мы узнали. Их система связи, какой бы она ни была, работает молниеносно, причем скорость света не предел. Когда Мэйзер Рэкхем разгромил их флот вторжения, они мигом прикрыли лавочку. Всюду и сразу. У них не было времени обменяться сигналами. Но все просто взяло и остановилось.

Эндер вспомнил кадры, на которых целехонькие жукеры валялись мертвыми на своих постах.

— Тогда-то мы и поняли, что это возможно: обогнать свет. Это было семьдесят лет назад. Мы это поняли, и мы это сделали. То есть меня, конечно, там не было, я тогда еще не родился.

— И как же это возможно?

— Я не смогу объяснить тебе принципы филотической физики. До конца их вообще никто не понимает. Важно только то, что мы создали ансибль. Официально эта машинка называется мгновенным филотическим параллакс-коммуникатором, но кто-то выудил из старого фантастического романа словечко «ансибль», оно и прилипло. О существовании аппарата, конечно, знают немногие.

— Значит, теперь люди могут разговаривать друг с другом, даже если находятся на разных

концах Солнечной системы?

— Да хоть на разных концах Галактики. А жукерам для этого и машины не нужны.

— Итак, они узнали о нашей победе в тот же самый момент, когда потерпели поражение, — сказал Эндер. — А мне всегда казалось, вернее, все вокруг утверждали и утверждают, что жукеры выяснили это только четверть века назад.

— Мы не хотим, чтобы люди паниковали, — ответил Графф. — Кстати, я рассказываю вещи, которые тебе вовсе не положено знать. Но ведь ты не покинешь штаб Международного флота. Пока не кончится война, разумеется.

Эндер разозлился:

— Вы знаете меня достаточно давно. Я умею хранить секреты.

— Таковы правила. Люди до двадцати пяти лет относятся к зоне риска во всем, что касается секретной информации. Да, это несправедливо по отношению к детям, среди которых встречаются личности, заслуживающие всякого доверия, но все равно помогает сузить круг лиц, которые могут проговориться.

— Но ради чего вся эта секретность?

— Потому что мы пошли на огромный риск, Эндер, и не хотим, чтобы половина форумов в Сети

была посвящена разгадыванию наших дальнейших планов. Видишь ли, построив работающий ансибль, мы снабдили аппаратами наши лучшие корабли и отправили их атаковать родную систему жукеров.

— Мы что, знаем, откуда они пришли?

— Да.

— Значит, мы не ждем Третьего нашествия?

— Мы и есть Третье нашествие.

— Мы напали на них? Но никто об этом даже не упоминал. Все считают, что мы собрали за кометным поясом огромный флот и ждем, когда…

— Там нет ни одного корабля. Мы беззащитны.

— А что, если они тоже послали к нам флот?

— Тогда мы пропали. Но наши корабли не видели этого флота. Никаких следов.

— А может, им просто надоело и они решили оставить нас в покое?

— Возможно. Но ты ведь просматривал видео. Ты готов рискнуть существованием человечества, поставив на то, что они сдались и больше не вернутся?

Эндер попытался прикинуть, сколько времени прошло:

— То есть корабли летят уже семьдесят лет?

— Некоторые. Другие — тридцать или два-

дцать. Мы теперь делаем очень хорошие корабли. Навострились проделывать кое-какие штуки с пространством. Так или иначе, все наши суда, кроме тех, что достраиваются в доках, сейчас на пути к мирам жукеров, их форпостам. Все большие корабли, транспорты и корабли-матки с истребителями и крейсерами на бортах приближаются к цели. И сбрасывают скорость. Потому что уже почти прибыли. Первые эскадры мы посылали к самым дальним мирам, новые — к тем, что поближе. Мы хорошо рассчитали время. Наш флот выйдет на боевые позиции с разницей всего в несколько месяцев. К сожалению, самые старые, примитивные корабли будут атаковать родную планету жукеров. Но все же они неплохо вооружены. У нас есть парочка игрушек, которых жукеры еще не видели.

— И когда они прибудут?

— Лет через пять, Эндер. Но штаб флота уже полностью функционален. Центральный ансибль поддерживает связь с флотом вторжения. Корабли в прекрасном состоянии и готовы сражаться. Единственное, чего нам недостает, так это главнокомандующего. Человека, который будет знать, какого черта делать нашим кораблям, когда они доберутся до места.

— А если никто не будет знать, что с ними делать?

— Значит, будем действовать по обстановке — с лучшим командиром, какой на тот момент у нас будет.

«То есть со мной, — подумал Эндер. — Они хотят, чтобы через пять лет я был готов».

— Полковник Графф, времени слишком мало, и я вряд ли успею подготовится к командованию флотом. Так что без шансов.

Графф пожал плечами:

— Хорошо. Ты, главное, постарайся. А если не справишься, попробуем обойтись теми, кто есть.

Эндеру стало легче. Но только на мгновение.

— Плохо одно: у нас сейчас никого нет. Вообще никого.

«Еще один трюк Граффа. Хочет внушить, что все зависит от меня, чтобы я не мог отказаться, чтобы лез из кожи вон.

Впрочем, все это весьма похоже на правду. И потому я должен вкалывать. Ведь этого хочет Вэл. Пять лет. Всего через пять лет флот будет на месте, а я еще совсем ничего не знаю».

— Через пять лет мне будет пятнадцать.

— Почти шестнадцать. Но главное не возраст, а знания.

— Полковник Графф, я хочу вернуться назад, в домик на озере.

— Сразу после победы, — пообещал Графф. — Или поражения. У нас будет лет двадцать — тридцать, прежде чем жукеры доберутся досюда, чтобы нас прикончить. Дом никуда не денется. И ты сможешь плавать, сколько душе угодно, обещаю.

— Я еще слишком молод, чтобы меня допустили к секретной информации.

— Будем постоянно держать тебя под вооруженной охраной. Военные умеют улаживать такие проблемы.

Они рассмеялись, и Эндеру даже пришлось напомнить себе, что Графф просто играет, изображает дружелюбие, — все его слова и поступки лживы, направлены на то, чтобы превратить Эндера в эффективную боевую машину. «Что ж, я стану тем орудием, в которое вы хотите меня превратить, — подумал Эндер, — но вам не удастся меня одурачить. Я сделаю это потому, что так решил, а не потому, что вы такие уж хитрые сволочи».

Они достигли Эроса, сами того не подозревая. Капитан показал им пустой экран визуального обзора, а потом наложил на него картинку,

снятую в инфракрасных лучах. Буксир висел прямо над планетоидом, всего в четырех тысячах километров от него, но Эрос (двадцать четыре километра в диаметре), скрытый от солнечных лучей, был невидим во мраке космоса.

Капитан опустил корабль на одну из трех посадочных площадок на орбите Эроса. Он не мог приземлиться прямо на планетоиде: на Эросе присутствовала сила тяжести и буксир, созданный для перетаскивания грузов в космосе, не смог бы выбраться из гравитационного колодца. Капитан мрачно буркнул: «Прощайте», но у Эндера и Граффа настроение от этого не испортилось. Капитану было горько оставлять буксир, а Графф и Эндер чувствовали себя как заключенные, наконец-то выпущенные из тюрьмы на поруки. Перебираясь на челнок, который должен был доставить их на поверхность Эроса, они без конца повторяли специально перевранные цитаты из видео, которые всю дорогу крутил капитан. И хохотали как сумасшедшие. Капитан еще больше разозлился и сделал вид, что спит. И тогда, будто только что вспомнив, Эндер задал Граффу последний вопрос:

— А из-за чего мы воюем с жукерами?

— Мне известны десятки предположений, —

ответил Графф. — Из-за того, что их система перенаселена и они нуждаются в колониях. Из-за того, что им невыносима сама мысль о существовании во Вселенной другой разумной жизни. Из-за того, что они не считают нас разумными. Из-за того, что одурманены религией или насмотрелись наших старых видео и сочли нас безнадежно агрессивными. Тут что угодно может быть причиной.

— А во что верите вы лично?

— Это не имеет значения.

— Я просто хочу знать.

— Должно быть, они общаются друг с другом напрямую, мозг с мозгом. Делят мысли и воспоминания. Зачем им тогда язык? Зачем учиться читать и писать? Как они узнбют, что такое чтение и письмо, если столкнутся с нами? Или сигналы? Или числа? Любые средства коммуникации? Это даже не проблема языкового барьера. У них нет языка. Мы использовали все, что могли, пытаясь связаться с ними, но у них нет даже аппаратуры, чтобы принять наши сигналы. Возможно, они все время пытались установить с нами мысленную связь — и не понимали, почему мы не отвечаем.

— Значит, мы воюем просто потому, что не

можем поговорить?

— Если другой человек не способен рассказать тебе свою историю, можно ли быть уверенным, что он не замышляет убийство?

— Но что, если мы просто оставим их в покое?

— Эндер, не мы всё начали — это они пришли к нам. И если бы они хотели оставить нас в покое, то сделали бы это еще сотню лет назад, перед Первым нашествием.

— Возможно, они не понимали, что мы разумны. Или…

— Эндер, поверь мне, этот вопрос обсуждается вот уже сто лет. Никто не знает ответа. И все сводится к одному: если кто-то из нас должен быть уничтожен, пусть, черт побери, это будем не мы. Сами гены не позволяют нам принять другое решение. Отдельные особи еще могут жертвовать собой, но целая раса никогда не решится взять и прекратить свое существование. Поэтому, если сумеем, мы уничтожим всех жукеров до последнего. Или они, если сумеют, уничтожат всех нас.

— Лично я, — сказал Эндер, — стою за выживание.

— Я знаю, — ответил Графф. — Поэтому-то ты и здесь.

14
Учитель Эндера

— Вы не больно-то спешили, а, Граффф? Путь, конечно, неблизкий, но трехмесячные каникулы — это уже чересчур.

— Я предпочитаю доставлять товар в рабочем состоянии.

— Некоторым людям незнакомо слово «спешка». Да что там, на карте всего лишь судьба человечества. Не обращайте внимания, полковник. Поймите наше беспокойство. Мы сидим тут возле ансибля и каждый божий день получаем доклады о продвижении наших кораблей. Война может начаться в любой день. В любую минуту. А он еще так мал.

— В нем есть величие. Сила духа.

— И, надеюсь, инстинкт убийцы.

— Да.

— Мы тут спланировали для него импровизированный курс обучения. Конечно, он будет принят только с вашего одобрения.

— Спасибо, адмирал Чамраджнагар, я просмотрю его, хотя и не претендую на то, будто

что-то понимаю в вашем деле. Я здесь только потому, что лучше других знаю Эндера. Так что не бойтесь, я не буду лезть в ваши дела. Меня интересуют только темпы.

— Сколько мы можем сказать ему?

— Не тратьте время на изложение физики межзвездных путешествий.

— Про ансибль?

— Я уже рассказал ему об этом и про наши корабли. Упомянул, что они прибудут к месту назначения через пять лет.

— Собственно, вы рассказали ему практически все.

— Ну, вы можете поговорить с ним о системах вооружения. Ему следует хорошо их изучить, чтобы принимать разумные решения.

— Ага. Оказывается, и мы можем быть полезны, как мило. Мы предоставим в его распоряжение один из пяти компьютерных симуляторов.

— А что с остальными?

— Симуляторами?

— Нет, детьми.

— Вас доставили сюда, чтобы работать с Эндером Виггином.

— Просто любопытствую. В разное время все они были моими учениками.

— А теперь они мои ученики. И сейчас я их посвящаю в мистерии флота, которых вы, полковник Графф, как обычный солдат, никогда даже не касались.

— Звучит так, словно вы готовите их в священнослужители.

— О да, это религия. Даже те из нас, кто командует через ансибль, познали грандиозность межзвездного перелета. Вижу, вам не по вкусу мой мистицизм. Уверяю вас, это неприятие только обличает ваше невежество. Очень скоро Эндер Виггин обретет знание; он постигнет изящество призрачного танца среди звезд, и то величие, что сокрыто в нем, вырвется наружу, дабы явить себя Вселенной. У вас каменная душа, полковник Графф, но я могу с равной легкостью петь и камню, и другому певцу. Не буду вас больше задерживать. Отправляйтесь в свою комнату и распаковывайте вещи.

— У меня нет багажа. Единственное имущество — это форма, которая сейчас на мне.

— У вас ничего нет?

— Мое жалованье перечисляют на счет в банке где-то на Земле. Я давно уже не нуждаюсь в деньгах. Разве что на покупку штатской одежды во время… каникул.

— Вы явно не материалист. И все же вы неприятно толсты. Прожорливый аскет? Какое противоречие…

— Когда нервы шалят, я ем. Но вижу, когда шалят нервы у вас, вы начинаете слагать вирши.

— Вы мне нравитесь, полковник Граффф. Думаю, мы поладим.

— Мне это безразлично, адмирал Чамраджнагар. Я прилетел сюда ради Эндера. Вы лично не интересуете ни его, ни меня.

Эндер возненавидел Эрос с того самого момента, как челнок отвалил от буксира. Он даже на Земле маялся, где полы были плоскими, ну а Эрос оказался совсем безнадежен. Планетка напоминала грубо обтесанное каменное веретено шести с половиной километров в диаметре в самом узком месте. Поскольку всю ее поверхность занимали солнечные батареи, люди жили внутри поделенных на комнаты туннелей, которые пронизывали астероид. Замкнутое пространство не так беспокоило Эндера; его раздражало, что полы туннелей отчетливо загибались книзу. У него начинала кружиться голова, когда он шел по этим туннелям — особенно по тем, которые окольцовывали самое основание веретена. Не помогало и то, что сила тяжести на Эросе была всего

лишь в половину земной, — все равно казалось, что вот-вот упадешь.

Раздражали пропорции комнат: слишком большие помещения, слишком низкие потолки и слишком узкие проходы. Неприятное ощущение.

А хуже всего было обилие людей. Эндер сохранил смутные воспоминания о городах Земли. Его представлениям о приемлемой численности населения отвечала Боевая школа, где он знал в лицо всех, кто там жил. На Эросе же обитало десять тысяч человек. Особой скученности, правда, не наблюдалось, хотя много места занимали различные системы жизнеобеспечения и прочие механизмы. Но Эндера бесило то, что его все время окружали незнакомцы.

И кстати, заводить знакомства ему тоже не дозволялось. Эндер часто видел других учащихся Командной школы, но они оставались для него просто лицами — занятия он посещал очень нерегулярно. Да, порой он сидел на лекциях, но чаще учителя занимались с ним лично. Иногда ему помогал кто-то из студентов, но дальше одной встречи их знакомство не заходило. Эндер ел один или с полковником Граффом. Он часто занимался в гимнастическом зале, но всегда с разными группами.

Эндер быстро понял, что его опять изолировали. Раньше на него организовывали травлю, а теперь ему даже приближаться ни к кому не давали. Впрочем, он вряд ли смог бы сойтись со здешними мальчишками: все они были намного старше.

Поэтому Эндер с головой ушел в занятия. Астронавигацию и военную историю он впитывал как губка. Абстрактная математика была тяжелее, но он быстро понял, что, решая задачи с пространством и временем, нужно полагаться скорее на интуицию, чем на расчет. Зачастую он мгновенно приходил к правильному решению, но обосновать его мог только после пары часов сложных и малоприятных математических преобразований.

А для развлечений существовал симулятор, самая совершенная видеоигра в мире. Учителя и другие студенты шаг за шагом обучали Эндера управлять ею. Сначала, не понимая еще невероятных возможностей машины, он играл только на тактическом уровне, управляя продолжительными маневрами одного корабля-истребителя, пытающегося найти и уничтожить врага. Противник, за которого играла сама машина, был коварен и силен; каждый раз, когда Эндер при-

бегал к новой тактике, через несколько минут машина обращала нововведения против него самого.

На трехмерном голографическом дисплее истребитель выглядел пятнышком света. Вместе с огоньком другого цвета, изображавшим врага, он танцевал, выписывая сложные фигуры в темном кубе с ребром около десяти метров. Контрольная панель была изумительна. Эндер мог развернуть куб и наблюдать за происходящим с любого ракурса, передвинуть центр, чтобы дуэль разворачивалась вблизи или вдали от него.

По мере того как он учился управлять скоростью, вести свой корабль, ориентироваться в пространстве и владеть оружием, игра усложнялась. Теперь приходилось сражаться с двумя вражескими кораблями одновременно; в пространстве появлялись препятствия, например облака пыли; приходилось заботиться о топливе и боекомплекте; компьютер стал давать ему четко очерченные задачи — уничтожить того-то, выполнить то-то, — чтобы он учился не отвлекаться на ерунду, а четко следовать к цели.

Когда он освоил игру с одним истребителем, ему позволили принять команду над отрядом из четырех кораблей. Теперь он отдавал приказы

электронным пилотам четырех кораблей и, вместо того чтобы выполнять указания компьютера, сам определял тактику, выбирал из нескольких целей самую важную, уничтожал или захватывал ее согласно собственному плану. В любой момент Эндер мог лично принять командование над каждым истребителем; сначала он довольно часто так и делал, но быстро заметил, что тем самым обрекает остальных своих бойцов на уничтожение; и, по мере того как игра усложнялась, Эндер все больше времени посвящал командованию отрядом в целом. Он стал выигрывать все чаще и чаще.

За год пребывания в Командной школе Эндер научился мастерски управляться с имитатором на всех пятнадцати уровнях — от свободного поиска на одном истребителе до командования флотом или группой флотов. Он уже давно понял, что симулятор Командной школы играет ту же роль, что и боевая комната Боевой школы. Занятия важны, но настоящая форма обучения — это игра. Время от времени приходили люди и смотрели, как он играет. Они никогда не разговаривали, ни слова не произнесут, разве что подскажут что-нибудь очень важное, научат чему-нибудь. Наблюдатели молча следили, как

он решает очередную тактическую задачу, и уходили, как только игра кончалась. «Что вы здесь делаете? — хотелось спросить Эндеру. — Судите меня? Решаете, стоит ли мне доверить боевой флот? Только помните, я об этом не просил».

Эндер обнаружил, что многое из усвоенного в Боевой школе годится и для симулятора. Теперь он все время менял ракурс, через каждую пару минут поворачивая куб, чтобы не связывать себя привычкой искать «верх» и «низ». А еще он пытался рассматривать свои позиции с точки зрения противника. Было что-то захватывающее в таком всеобъемлющем контроле над сражением, в возможности наблюдать его с любой точки.

Жаль, что он почти не имел власти над солдатами, которых контролировал компьютер. Они были хороши ровно настолько, насколько позволяла машина. И не более того. Не обладали ни инициативой, ни разумом. Вот бы сюда парочку его взводных, чтобы хоть некоторые эскадрильи не нуждались в постоянном присмотре.

Под конец первого года Эндер выигрывал у машины все сражения подряд и научился обращаться с симулятором так, как будто тот был частью его тела. Однажды, обедая с Граффом, он спросил:

— И это все, на что способна здешняя машина?

— Ты о чем?

— О том, как она играет. Теперь я легко ее побеждаю. Раньше игра все время усложнялась, но теперь она застряла на одном уровне, и все.

— А-а-а.

Казалось, Граффа это не заинтересовало. С другой стороны, он при любых обстоятельствах оставался невозмутимым. На следующий день все переменилось. Графф исчез, а вместо него Эндеру дали другого компаньона.

Когда Эндер проснулся поутру, старик уже находился в его комнате. Он сидел на полу, скрестив ноги. Эндер выжидательно поглядел на незнакомца, приглашая его заговорить. Но незнакомец промолчал. Эндер встал, принял душ, оделся, предоставив пришельцу и дальше молчать, если так ему угодно. Эндер давно усвоил, что, когда происходит неожиданное, задуманное не им, а учителями, простейший способ получить информацию — это не спрашивать, а молчать. Взрослые почти всегда теряли терпение первыми.

Эндер привел себя в порядок и, собираясь уходить, направился к двери. Незнакомец так и не открыл рта. Но дверь тоже не открылась. Эндер обернулся и внимательно посмотрел на

незваного гостя. На вид тому было лет шестьдесят, — пожалуй, Эндер не встречал на Эросе людей старше. По щекам спускались клочковатые, едва отросшие седые бакенбарды; волосы, тоже седые, были очень коротко острижены. Казалось, что кожа лица обвисла; глаза обрамляла сетка складок и морщинок. Старик глядел на Эндера пустым, равнодушным взглядом.

Эндер повернулся к двери и снова попробовал открыть ее.

— Ну ладно, — сказал он, сдаваясь. — Почему дверь заперта?

Старик тупо смотрел на него.

«А, так это игра, — подумал Эндер. — Что ж, если они хотят, чтобы я пошел на занятия, дверь откроют. Если нет — не откроют. Мне плевать».

Эндер не любил игр, правила которых неизвестны, а цель ясна только противоположной стороне. В такие игры он играть отказывался. Но и сердиться тоже не стал. Эндер прислонился к двери, расслабился, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов — и успокоился. Старик бесстрастно наблюдал за ним.

Это продолжалось и продолжалось — сначала минуты, потом часы. Эндер отказывался говорить, а старик притворялся немым идиотом. Уж

не сумасшедший ли это, сбежавший из-под опеки медиков и избравший комнату Эндера, чтобы погрузиться в свои безумные видения? Но время шло, а к двери так никто и не подходил, никто его не искал, и Эндер все больше убеждался, что это не случайность. Но он не собирался уступать старику победу. Чтобы убить время, он начал делать гимнастику. Для некоторых упражнений требовались гимнастические снаряды, но на них свет клином не сошелся. Были и другие — например, те, что предписывал курс самозащиты без оружия. Для них не требовалось никакого оборудования.

Работая, Эндер кружил по комнате. Он отрабатывал нападение и удары ногами, как вдруг одно из движений вынесло его прямо на старика. Такое уже и раньше случалось, но в этот раз старик выбросил вперед сухую костлявую руку и перехватил ногу Эндера. Тот потерял равновесие и неловко рухнул на пол.

Разъярившись, он тут же вскочил на ноги. Старик снова сидел спокойно, скрестив ноги, дышал ровно, как будто и не шевелился вовсе. Эндер автоматически принял боевую стойку, но неподвижность противника мешала атаковать. «Что ж теперь, голову снести старикашке? А потом

объясняйся с Граффом: мол, старик ударил меня и я обязан был дать сдачи…»

Эндер вернулся к упражнениям; старик продолжал наблюдать за ним.

Наконец, усталый и злой из-за того, что потерял день, сидя в четырех стенах, Эндер пошел обратно к своей койке, чтобы взять комп. Но когда он наклонился, чтобы подобрать комп с постели, одна старческая рука вдруг схватила его за штаны, а другая грубо вцепилась в волосы, и еще через мгновение его перевернули вверх ногами. Лицо и плечи Эндера старик прижал к полу коленом, спина мальчика выгнулась дугой, ноги чуть не выворачивались из суставов, удерживаемые крепким захватом. Эндер не мог достать противника руками, не мог согнуться и выскользнуть, ударить его ногой. Меньше чем за две секунды старик победил Эндера Виггина.

— Ладно, — выдохнул Эндер. — Твоя взяла.

Колено незнакомца еще сильнее вдавилось в спину.

— С каких это пор, — спросил мягкий хрипловатый голос, — ты сообщаешь врагу, что он одержал победу?

Эндер промолчал.

— Я однажды уже застал тебя врасплох, Эндер

Виггин. Почему ты не уничтожил меня на месте? Просто потому, что я казался безобидным? Ты повернулся ко мне спиной. Глупо. Ты ничему не научился. У тебя никогда не было учителя.

Вот теперь Эндер разозлился по-настоящему. Он даже не пытался подавить гнев или скрыть его:

— У меня было слишком много учителей, и откуда мне было знать, что один из них окажется…

— Врагом, Эндер Виггин, — прошептал старик. — Я твой враг, первый враг, который сумел перехитрить тебя. Нет лучшего учителя, чем враг. Только враг честно расскажет тебе, что он собирается делать. Только враг научит тебя уничтожать и покорять. Только враг укажет тебе на твои слабые места. Только враг покажет, где он силен. И единственное правило в этой игре таково: делай с врагом все, что сможешь, иначе он сделает это с тобой. Отныне я — твой враг. И твой учитель.

И старик отпустил ноги Эндера. Он все еще прижимал к полу его голову, мальчик не сумел сгруппироваться, и ноги его со стуком ударились об пол. Было очень больно, до тошноты. Потом старик встал и позволил Эндеру подняться.

Тот медленно подтянул ноги, застонав от боли,

и поднялся на четвереньки, приходя в чувство. Но вдруг его рука метнулась вперед, стремясь захватить ногу врага. Старик сделал быстрый танцующий шаг назад, и рука Эндера поймала только воздух, в то время как нога учителя уже летела к подбородку мальчика.

Только она не нашла цели. Эндер лежал на спине на полу и, улучив момент, когда учитель оказался в неустойчивом положении, изо всех сил врезал его по второй ноге. Тот рухнул как мешок, но упал достаточно близко, чтобы взмахнуть рукой и ударить Эндера прямо в лицо. Мальчик никак не мог поймать ногу или руку противника, а между тем удары градом сыпались на его спину и плечи. Эндер был меньше, его руки и ноги — короче. Он не мог пробиться сквозь оборону врага, чтобы нанести удар в корпус. Наконец он ухитрился отползти в сторону и прижаться спиной к двери.

Старик снова сел на полу, скрестив ноги, но теперь на его лице не осталось и следа прежнего безразличия. Он улыбался.

— Лучше. В этот раз много лучше, мой мальчик. Но медленно. Ты должен управлять флотом быстрее, чем своим телом, иначе тем, кем ты командуешь, грозит верная смерть. Урок усвоен?

Эндер медленно кивнул. Похоже, на его теле сейчас набухали сотни синяков.

— Хорошо, — сказал старик. — Тогда нам больше не придется повторять этот бой. Все остальное — с симулятором. Теперь я буду составлять программы твоих сражений, я, а не компьютер. Я буду изобретать стратегию врага, и ты научишься реагировать быстро и предугадывать, что за сюрпризы припас для тебя противник. Запомни, малыш, с этой минуты враг намного умнее тебя. С этой минуты враг сильнее тебя. С этой минуты ты всегда на грани поражения. — Лицо старика снова стало серьезным. — Ты будешь ходить на грани поражения, Эндер, и в то же самое время будешь побеждать. Ты научишься справляться с врагом. Он сам тебя этому научит. — Учитель встал. — В этой школе всегда была традиция: старший ученик выбирает себе товарища из числа новичков. Они поселяются в одной комнате, и старший обучает младшего всему, что знает. Они сражаются, соревнуются, они всегда вместе. Так вот, я выбрал тебя.

Старик направился к двери.

— Но вы слишком стары, чтобы учиться, — сказал ему вслед Эндер.

— Нельзя быть слишком старым, чтобы учиться

у врага. Я учился у жукеров. Ты будешь учиться у меня.

Старик положил ладонь на замок, дверь приоткрылась. В этот миг Эндер прыгнул и ударил учителя сомкнутыми ногами в копчик. Ударил так сильно, что отлетел в сторону и даже смог приземлиться на ноги. А старик с криком боли осел на пол.

Он встал медленно, цепляясь за притолоку, с искаженным от боли лицом. Казалось, он едва стоял на ногах, но Эндер ему не очень-то верил. И несмотря на подозрения, старик все же застал его врасплох. Через мгновение Эндер уже валялся у противоположной стены, нос и губы кровоточили: падая, он ударился о койку. Эндер с трудом повернулся и увидел, что старик стоит в дверях, фыркая и потирая поясницу. Потом старик улыбнулся ему.

Эндер улыбнулся в ответ.

— Учитель, — сказал он, — а имя-то у вас есть?

— Мэйзер Рэкхем, — ответил старик.

И вышел.

С того дня Эндер проводил время только с Мэйзером Рэкхемом или в одиночестве. Старик редко говорил, но постоянно был рядом — за обедом, на лекциях, у компьютера, в комнате по ночам.

Иногда он уходил, но тогда дверь не открывалась до его возвращения. Однажды неделю кряду Эндер называл его Тюрягой Ракмэном. Мэйзер откликался на прозвище так же охотно, как и на собственное имя, и не подавал виду, что это хоть сколько-нибудь его беспокоит. Поэтому Эндер довольно быстро сдался.

У нового положения были свои преимущества. Мэйзер показал Эндеру все видео, что остались после Первого и Второго нашествий, в том числе и те, что повествовали о страшных поражениях Международного флота в самом конце войны. Это были не обрывки, разбросанные по трижды выхолощенным пропагандистским лентам, а длинные и подробные записи. И важные сражения обычно снимали десятки видеокамер, фиксирующих тактику и стратегию жукеров в разных ракурсах. Эндер смотрел эти записи по многу раз, и впервые в жизни учитель рассказывал ему вещи, до которых тот не сразу доходил самостоятельно. Впервые Эндер встретил человека, чей разум восхищал его.

— А почему вы еще живы? — спросил однажды Эндер. — Вы ведь сражались семьдесят лет назад. Но вам не дашь больше шестидесяти.

— Чудеса релятивистики, — ответил Мэйзер. —

Меня промурыжили здесь двадцать лет после той битвы, хотя я молил дать мне под команду одно из судов, отправлявшихся атаковать родные миры и колонии жукеров. Потом до них стало доходить кое-что… насчет действий солдат на поле боя. Насчет того, как на них влияет напряжение битвы, и так далее.

— И как же?

— Тебя слишком мало учили психологии, чтобы понять. Скажу одно: они наконец сообразили, что, хотя я не смогу командовать флотом — умру прежде, чем он достигнет цели, — никто другой не понимает жукеров, как я. Я единственный, признали они, кто выиграл у жукеров благодаря расчету, а не слепой удаче. Я был нужен им здесь — чтобы обучить человека, который будет командовать флотом.

— Поэтому вас запихнули в корабль, разогнали его до скорости света…

— Я сделал круг и прилетел домой. Очень скучное путешествие, Эндер. Пятьдесят лет в космосе. Фактически для меня прошло всего восемь лет, но они тянулись, как пять столетий. И все это для того, чтобы я мог передать свои знания тому, кто придет за мной.

— Значит, мне суждено стать этим самым ко-

мандиром?

— Скажем так, ты на сегодня лучший из тех, на кого можно делать ставку.

— Вы готовите и других?

— Нет.

— И опять все сходится на мне.

Мэйзер пожал плечами.

— Исключая вас. Вы ведь еще живы, не так ли? Почему бы вам не возглавить флот?

Мэйзер покачал головой.

— Но почему? Вы же побеждали раньше.

— Я не могу командовать. На то есть веские причины.

— Покажите мне, как вы победили жукеров, Мэйзер.

Лицо учителя окаменело.

— Вы прокручивали мне все остальные сражения много-много раз подряд. Мне кажется, я придумал пару-другую способов, с помощью которых можно было бы разбить жукеров. Но вы так и не показали, как на самом деле победили их.

— Эта запись — один из самых больших наших секретов, Эндер.

— Знаю. Я отчасти восстановил картину по кусочкам. У вас была небольшая группа истребителей, резерв, у них — армада, десятки

кораблей-маток и сотни истребителей. Вы атакуете вражеский корабль. Огонь! Взрыв! И тут видео всегда обрывается. Дальше идут только кадры с морскими пехотинцами, проникающими на корабли жукеров, чтобы найти одни трупы.

Мэйзер улыбнулся:

— М-да, секретность называется. Ладно, пошли посмотрим.

Они были одни в видеозале. Эндер запер дверь:

— Показывайте.

Фильм начинался с той самой сцены, о которой рассказывал Эндер. Самоубийственная атака Рэкхема, клин истребителей, летящий на главные силы врага, одиночный взрыв, а потом…

Ничего. Крейсер Мэйзера чуть повернул, избегая ударной волны, и нырнул в гущу вражеских судов. Но жукеры по нему не стреляли. Их корабли продолжали следовать прежним курсом. Два их истребителя столкнулись и взорвались. Совершенно бессмысленная и легкопредотвратимая авария. Однако ни один из пилотов не предпринял ровным счетом ничего, чтобы ее избежать.

Мэйзер нажал кнопку быстрой перемотки.

— Мы ждали там три часа, — пояснил он. — Никак не могли поверить. Потом корабли Международного флота начали медленно приближаться

к армаде противника. Пехотинцы пошли на абордаж. Камеры показывали сотни мертвых жукеров — и никаких следов борьбы. Так что, как видишь, — резюмировал Мэйзер, — ты и раньше все знал.

— Так что же произошло?

— Никто толком не знает. У меня есть свое мнение. Но ученые хором заявили, что я недостаточно образован, чтобы его иметь.

— Но ведь вы выиграли сражение?

— Я тоже считаю, что это по крайней мере придает моим суждениям некоторый вес, но ты же знаешь, как бывает. Ксенобиологи и ксенопсихологи не могут вынести мысли о том, что какой-то офицеришка надрал их ученые задницы, опираясь лишь на чистые догадки. Они вообще порядком меня ненавидят, ведь, посмотрев эту пленку, они вынуждены оставаться навсегда здесь, на Эросе. Требования безопасности. Вот радость-то…

— Выкладывайте.

— Жукеры не разговаривают. Они обмениваются мыслями; это процесс мгновенный, как филотический обмен. Как действие ансибля. Но большинство людей считают, что это именно мыслеязык, то есть они разговаривают: я посы-

лаю тебе мысль, а ты мне отвечаешь. Только я в это не верю. Жукеры реагируют на любое изменение ситуации все вместе и слишком быстро. Ты видел наши записи. Жукеры не совещаются, не спорят насчет наилучшего варианта. Каждый корабль действует как часть единого организма. Так ведет себя в бою человеческое тело: различные его органы мгновенно и машинально исполняют, что им положено. Нет, чтобы вести диалог, пусть даже мысленный, нужно обладать разными мыслительными процессами. Но у жукеров мысли не рождаются, они просто присутствуют, единые для всех.

— Вы говорите о единой личности? Для которой каждый жукер просто часть тела, как рука или нога?

— Да. Я не первый, кто высказал такие предположения, но первый, кто в них всерьез поверил. И еще кое-что. Идея настолько детская и глупая, что наши ксенобиологи подняли меня на смех, как только я заикнулся о ней, пусть даже дело происходило уже после моей победы. Жукеры-то по природе своей жуки, насекомые. Вернее, не совсем жуки, а муравьи или пчелы. Значит, есть королева и есть рабочие. Сотни миллионов лет назад наверняка так и было, именно с этого

они начали свое развитие. Конечно, с тех пор многое изменилось, но ведь что-то должно было остаться. Совершенно очевидно, что те жукеры, с которыми нам довелось столкнуться, не способны воспроизводить потомство. И даже если они научились думать вместе, почему бы им не иметь королевы? Может, в центре каждой отдельной их группы находится именно королева? С чего бы им менять заведенные порядки?

— Значит, королева. И она управляет группой.

— У меня есть доказательства. Только наши спецы не хотят их видеть. Первое нашествие не в счет, это была разведка. Но во второй раз к нам летели колонизаторы. Они собирались устроить на Земле свой новый муравейник, или что там у них.

— Они везли с собой королеву.

— Сейчас я снова покажу тебе несколько видео времен Второго нашествия, когда нас громили в кометном поясе. — Он вызвал на экран изображение армады жукеров. — Попробуй найти корабль королевы.

Это было нелегко. Эндер все смотрел, смотрел — и не видел. Корабли жукеров постоянно двигались. Не обнаруживалось явного флагмана, очевидного нервного центра. Но постепенно,

внимательно разглядывая в сотый раз прокручиваемые Мэйзером сцены, Эндер стал понимать, что все движения вражеского флота как бы фокусируются на одном корабле, исходят из одной точки. Она тоже перемещалась, но, понаблюдав за ней некоторое время, Эндер уверился в собственной правоте. Именно оттуда осуществлялось управление остальными кораблями, именно там находились глаза флота, «я» флота. Он показал на корабль.

— Ты это видишь. Я это вижу. За долгие годы этот фильм посмотрели многие, но увидели только двое. Но ведь мы правы, не так ли?

— Они замаскировали свой флагман. Притворились, будто он ничем не отличается от других.

— Знают, где их слабое место.

— Вы правы. Это действительно королева. Но тогда они должны были сосредоточить всю огневую мощь на вас. Да они бы вас в пыль развеяли.

— Знаю. И не могу постичь этого их поступка. Не то чтобы они не пытались остановить меня — стреляли, да еще как. Но словно не могли поверить до последней минуты, пока не стало слишком поздно, что я и в самом деле убью королеву. Может, в их мире королев не убивают — только берут в плен, снимают с доски. Я сделал

то, чего они не ожидали даже от врага.

— И когда она умерла, погибли все остальные.

— Нет, просто отупели, впали в прострацию. На тех кораблях, что мы захватили первыми, жукеры были еще живы. Физически. Но они не двигались, ни на что не реагировали, даже когда наши ученые решили вивисектировать парочку, чтобы получше их изучить. А потом, очень быстро, все они умерли. Потому что лишились воли к жизни. Когда погибает королева, в их телах не остается ни искры разума.

— А почему вам не поверили?

— Потому что как раз королеву мы и не нашли.

— Ее разорвало в клочья.

— Превратности войны. Сначала выживание, наука — потом. Но сейчас некоторые начинают склоняться к моему мнению. Нельзя же всю жизнь провести с закрытыми глазами, а на этой планетке из каждого угла на тебя смотрят доказательства.

— Какие доказательства? При чем тут Эрос?

— Эндер, оглянись вокруг. Это место построили не люди. Нам, например, нравятся потолки повыше. Здесь во времена Первого нашествия был аванпост жукеров. Они вырезали в этой скале

свою базу еще в те дни, когда мы и не подозревали об их существовании. Мы живем с тобой в муравейнике жукеров. Но ренту за эту квартиру мы заплатили сполна. Здесь погибло больше тысячи солдат, пока мы зачищали этот лабиринт, закоулок за закоулком, комнату за комнатой. Жукеры сражались за каждый метр.

Теперь Эндер понимал, почему пропорции комнат показались ему неправильными.

— Я сразу понял, что это место построено не для людей.

— Это была настоящая сокровищница! Знай они, что мы выиграем ту, первую войну, никогда бы не построили базу на Эросе. Именно тут мы научились управлять гравитацией — благодаря жукерам, которые увеличили здесь силу тяжести. И теперь мы умеем эффективно использовать звездную энергию, потому что они зачернили планету. Собственно, так мы их и обнаружили. В течение трех дней Эрос постепенно исчезал с наших телескопов. Мы послали буксир, чтобы выяснить причины. И выяснили. Буксир вел трансляцию, в частности и того, как жукеры взяли судно на абордаж и вырезали команду. Мы видели все до тех пор, пока жукеры не разобрали корабль, а вместе с ним и передатчик. И вот тут

они допустили ошибку. Они никогда не нуждались в устройствах для передачи информации, а потому не подозревали, что за ними мог кто-то наблюдать, — команда-то была мертва.

— А зачем они перебили команду?

— А почему нет? Для них потерять несколько членов экипажа — это все равно что ногти остричь. Тоже мне расстройство! Они, наверное, думали, что, «выключая» рабочих на борту буксира, лишают нас связи. И не подозревали, что уничтожают разумных существ с индивидуальным генетическим будущим. Убийство — пустяк для них. Только умерщвление королевы — преступление.

— Они не ведали, что творили.

— Не нужно оправдывать их, Эндер. Они не знали, что убивают разумных существ, но это не значит, что они нас не убивали. Мы имеем право защищаться, а единственный способ защиты таков: убей жукера, пока он не убил тебя. За все время войн, за два нашествия, жукеры убили десятки тысяч живых, мыслящих существ. А мы — всего-навсего одно.

— Но, Мэйзер, если бы вам не удалось убить королеву, мы бы что, проиграли войну?

— Шансы были три к двум в пользу жукеров.

Думаю, я сумел бы здорово потрепать их флот, прежде чем нас сожгли бы дотла. У них очень быстрая реакция, они давят огневой мощью, но и у нас есть кое-какие преимущества. За пультом управления каждого корабля сидит разумное человеческое существо и думает своей головой. Каждый из нас в отдельности способен найти свое гениальное решение. Жукеры думают быстро, но умных среди нас куда больше. Даже когда в ходе Второго нашествия трусливые и недалекие командиры проигрывали столь важные для нас сражения, среди их подчиненных находились такие, кто причинял флоту жукеров значительный урон.

— А что будет, когда наш флот доберется до места? Опять ударим по их королеве?

— Жукеры никогда не вышли бы к звездам, будь они настолько тупы. Эта стратегия могла сработать только раз. Я подозреваю, теперь нам и близко подобраться не дадут к королевам, разве что мы возьмем штурмом их родную планету. В конце концов, руководство боем вовсе не требует личного присутствия королев. Это только для рождения жучат необходимо личное участие. Второе нашествие было попыткой основать колонию — королева готовилась заселить Землю,

поэтому она была вместе со своей армией. Нет, на этот раз не пройдет. Нам придется бить их флот за флотом. И еще надо учесть: жукеры располагают ресурсами дюжины звездных систем. Значит, в каждом бою численное превосходство будет за ними.

Эндер вспомнил, как сражался с двумя армиями одновременно. «А я-то думал, что учителя жульничают. Но когда начнется настоящая война, такое будет повторяться каждый день. И никаких тебе ворот, чтобы смухлевать».

— Одно хорошо, малыш: теперь не надо особо целиться. У нашего оружия большой радиус действия.

— Мы что, больше не используем ядерные ракеты, как во время предыдущих войн?

— Доктор Девайс гораздо мощнее. Что ни говори, а ядерное оружие было достаточно невинной штукой — его даже на Земле когда-то использовали. А вот из Доброго Доктора ты на поверхности планеты не бабахнешь. Хотел бы я иметь хоть одного такого во время Второго нашествия…

— И как он работает?

— Не знаю точно, поэтому построить его вряд ли смогу. В фокальной точке встречаются два луча и образуют большое поле, в котором молекулы

больше не могут держаться вместе. Прекращается обмен электронами. Насколько хорошо ты знаешь физику?

— Я больше занимался астрофизикой, но в принципе идею понимаю.

— Поле обычно принимает форму сферы и по мере распространения слабеет. Но если по дороге попадается большое скопление молекул, поле «съедает» их и снова набирает силу. Чем больше вражеский корабль, тем сильнее становится новое поле.

— Значит, каждый раз, когда поле поражает корабль, оно выбрасывает новую сферу…

— И если корабли располагаются неподалеку друг от друга, начинается цепная реакция, которая способна уничтожить целый флот. Потом поле рассеивается, и молекулы снова собираются вместе, но там, где раньше был корабль, возникает просто куча пыли, насыщенная молекулами железа. Никакой радиоактивности, никаких обломков. Просто пыль. В первом бою, возможно, удастся подманить их поближе, но они быстро учатся. И начнут держаться подальше друг от друга.

— Получается, Доктор Девайс — это не снаряд. Из-за угла не выстрелишь.

— Правильно. От снарядов теперь мало толку. Во время Первого нашествия мы многому научились у жукеров, но и они кое-чему у нас научились. Например, тому, как устанавливать экстатический щит.

— Но Добрый Доктор его пробивает?

— Так, будто никакого щита нет вовсе. Да, прицелиться толком ты не сможешь, но, поскольку генератор экстатического щита всегда находится ровно в центре, вычислить точку, в которую нужно бить, совсем не сложно.

— А почему меня этому никогда не учили?

— Как не учили? Напротив. Твоя забота — выбрать стратегически выгодную позицию и цель. А наведение предоставь корабельному компьютеру. Он лучше тебя управится с Добрым Доктором.

— Доктор Девайс — откуда такое название?

— Во время разработки прибор окрестили молекулярным дисперсионным устройством. М. Д. Девайс.

Эндер все еще не понимал.

— М. Д. Эти буквы перед фамилией обозначают обычно звание — доктор медицины. М. Д. Девайс — Доктор Девайс. Шутка.

Эндер так и не понял, что тут смешного.

Симулятор перестроили. Эндер по-прежнему

мог контролировать перспективу и степень приближения, но исчезла панель управления кораблем. Вместо нее на подлокотнике укрепили пластинку с десятком рычажков непонятного назначения. Кроме того, на спинке кресла висели наушники с маленьким микрофоном.

Техник, стоявший рядом с объемным дисплеем, быстро объяснил, как пользоваться наушниками.

— Но как я стану управлять кораблями? — спросил Эндер.

Мэйзер объяснил. Эндеру больше не придется самому управлять кораблями.

— Начинается новая фаза обучения. Ты научился работать на пятнадцати стратегических уровнях. Пришло время сосредоточиться на командовании всем флотом. В Боевой школе ты управлял командирами взводов, теперь у тебя под началом окажутся командиры эскадрилий. В твое подчинение передается три дюжины человек. С этого дня будешь работать с ними. Научишь их принимать правильные тактические решения, узнаешь их сильные и слабые стороны, превратишь в единое целое.

— И когда они придут сюда?

— Они уже ждут у своих симуляторов. Ты

можешь связаться с ними через переговорное устройство. Новая панель с рычажками позволит тебе наблюдать за боем с позиции любой эскадрильи. Максимальное приближение к боевым условиям: в настоящем сражении ты сможешь видеть ровно столько, сколько видят твои командиры.

— Но как я могу работать с людьми, которых не вижу?

— А зачем тебе их видеть?

— Чтобы понять, кто они, что думают…

— Ты узнаешь, кто они и что думают, из того, как они будут работать с симулятором. Но вряд ли у тебя возникнут проблемы с новой командой. Они ждут твоего слова. Надень наушники и поговори с ними.

Эндер надел на голову обруч.

— Салам, — прошептали ему на ухо.

— Алай! — выдохнул Эндер.

— Гнома вызывали?

— Боб!

И Петра, Динк Микер, Чокнутый Том, Шен, Хана-Цып, Муха Моло — все-все самые лучшие ребята, что сражались бок о бок с Эндером и против него, все, кому он мог доверять.

— Я и не знал, что вы здесь, — сказал он. — Не

знал, что встречу вас.

— Да нас уже три месяца гоняют на здешних симуляторах, — отозвался Динк.

— А я в этой компании самый приличный тактик, — сообщила Петра. — Динк, конечно, пытается тягаться со мной, но он еще из детских штанишек не вырос.

И они начали работать вместе: командиры эскадрилий управляли пилотами истребителей, Эндер руководил командирами эскадрилий. Они освоили много способов взаимодействия — компьютер все время подбрасывал что-то новое и неожиданное. Иногда в их распоряжении был флот побольше; Эндер делил его на несколько эскадр по три-четыре эскадрильи в каждой. А бывало, что компьютер выводил на экран всего один корабль-матку и двенадцать истребителей. И Эндер давал трем командирам по четыре машины на брата.

Это была радость, это была игра! Враг-компьютер не блистал умом, и они все время выигрывали, несмотря на ошибки и недоразумения. За три недели совместных занятий Эндер сумел еще лучше узнать их. Динк с блеском выполняет любой приказ, но слаб в импровизации. Боб не справляется с большими группами кораблей, а

дай ему два-три судна, словно скальпелем, взрежет строй противника благодаря мгновенной реакции. Алай показал себя таким же сильным стратегом, как и сам Эндер, — ему можно было смело доверить половину флота, снабдив лишь расплывчатыми инструкциями. Чем лучше Эндер понимал их, тем быстрее находил им роль в бою, тем эффективнее мог их использовать.

Игра начиналась с того, что симулятор выводил на дисплей первоначальную диспозицию, которая сообщала, кто какими силами располагает и где находится противник. Эндер тратил всего несколько минут на то, чтобы вызвать нужных ему командиров эскадрилий, разбросать их по кораблям или группам кораблей и объяснить задание. По ходу боя Эндер перескакивал с позиции одного командира на позицию другого, наблюдал, вносил предложения, координировал их действия. Поскольку каждый видел только свой участок боя, приказы Эндера могли казаться бессмысленными, но ребята научились доверять ему. И, получив команду отступать, отступали, потому что знали: либо они оказались под ударом, либо отступление каким-то образом подставит под удар врага. Также они усвоили и другое: когда никаких приказов от Эндера не поступает, это

значит, что он предоставляет им действовать на свое усмотрение. Их стиль ведения боя всегда точно подходил ситуации, в которой они оказывались, иначе бы Эндер их туда не послал.

Доверие было полным, флот действовал быстро и слаженно. В конце третьей недели Мэйзер показал Эндеру записи последних сражений, но снятых с точки зрения противника.

— Вот так вы атаковали. Ничего не напоминает? Ну, например, скорость реакции?

— Мы похожи на флот жукеров.

— Вы сравнялись с ними в скорости. И еще, посмотри-ка вот сюда.

Эндер смотрел, как эскадрильи вступают в бой, маневрируют, ведут атаку под его руководством, но в то же время они не просто выполняли инструкции, а импровизировали, обманывали, заманивали врага в ловушки, часто меняли тактику — одним словом, демонстрировали независимость, которой у флота жукеров не было и в помине.

— Королева жукеров очень умна, но она может сосредоточиться только на ограниченном круге проблем. А твои командиры эскадрилий с блеском решают свои, конкретные задачи — решают их индивидуально, — и в то же время

ими всеми управляет весьма мощный разум. Так что у тебя тоже имеются некоторые преимущества: хорошее, пусть и не идеальное, оружие, сносная скорость, а также большее количество разумов, способных вести битву. Зато за жукерами останется численное превосходство, и с каждым сражением они будут узнавать про тебя все больше. И мгновенно применять эти знания на поле боя.

Эндер ожидал выводов.

— Поэтому, Эндер, отныне мы начнем готовить тебя всерьез. Компьютер запрограммирован на моделирование ситуаций, которые могут возникнуть во время настоящих сражений с жукерами. Как основу мы использовали их тактику времен Второго нашествия. Но чтобы компьютер не повторял бездумно одно и то же, вражеским флотом буду управлять я. Сначала ты столкнешься с легкими задачами и, вероятно, быстро с ними справишься. Учись быстро. Потому что я всегда буду опережать тебя на шаг, ставить все более и более сложные препятствия, чтобы вынудить тебя работать на пределе возможностей.

— И за ним?

— У нас мало времени. Ты должен учиться так быстро, как только можешь. Пока я летел к

звездам, чтобы продлить свою жизнь и встретиться с тобой, моя жена и дети умерли, а внуки состарились, и, когда я вернулся… Что бы я мог им сказать? Меня отрезали от всего, что я любил в этой жизни, от всего, что я помнил и знал, заперли в инопланетных катакомбах, чтобы я сидел здесь и учил мальчиков воевать. Вначале все они подавали блестящие надежды, и все под конец ломались. Я учу, учу, но никто не может научиться. Ты тоже подаешь надежды, но вдруг и в тебе зреют зерна поражения? Моя задача, Эндер, заключается в том, чтобы отыскать их и уничтожить тебя. И поверь мне, Эндер, если тебя можно уничтожить, я это сделаю.

— Значит, я не первый.

— Нет, конечно не первый. Но последний. Если ты не справишься, замену мы просто не успеем найти. Я надеюсь на тебя, потому что ты последний из тех, на кого можно надеяться.

— А другие? Командиры эскадрилий?

— Кто их них может занять твое место?

— Алай.

— А если честно?

У Эндера не нашлось ответа.

— Я не особенно счастливый человек, Эндер. Но человечество не планировало сделать нас счаст-

ливыми. Оно хочет, чтобы мы сумели защитить его. Выживание — прежде всего, а счастье — как получится. Так что, Эндер, я надеюсь, во время занятий ты не будешь надоедать мне жалобами на то, как трудно тебе приходится. По возможности получай удовольствие от своей работы, но помни: работа — главное, учеба — главное, а победа — всё, потому что без победы ничего остального не будет. Верни мне мою умершую жену, Эндер, и тогда можешь сколько угодно жаловаться на то, как дорого тебе встало твое образование.

— Но я вовсе не собираюсь жаловаться.

— Все еще впереди, Эндер, потому что я постараюсь стереть тебя в порошок. Я не остановлюсь ни перед чем, не жди от меня милосердия, ибо, когда ты столкнешься с жукерами, они придумают такое, что мне и не снилось, а сострадание к людям им неведомо.

— Ты не сможешь победить меня, Мэйзер.

— Неужели?

— Я сильнее тебя.

Мэйзер улыбнулся:

— Посмотрим, Эндер.

Мэйзер разбудил его задолго до наступления утра, часы показывали без двадцати четыре; у Эндера шумело в голове, подгибались ноги, когда

он брел по коридору.

— Кто рано ложится и поздно встает, — пропел Мэйзер, — глупеет, слепнет и мало живет.

Эндеру снилось, что жукеры препарируют его. Только вместо того, чтобы вскрывать его тело, они отреза`ли у него кусочки воспоминаний, выводили их на экран и пытались в них разобраться. Очень странный был сон, и Эндер никак не мог избавиться от него, пока шел по туннелям к симулятору. Жукеры мучают его во сне, а наяву за ним тенью ходит Мэйзер. Какой уж тут отдых? Усилием воли Эндер заставил себя проснуться. Очевидно, Мэйзер не лгал, когда обещал сломать его любой ценой. Вот и устроил игру усталому, невыспавшемуся противнику. Дешевый, но всегда работающий трюк. Ну нет, сегодня это не сработает.

Эндер устроился в кресле напротив симулятора, надел обруч с наушниками и обнаружил, что все командиры эскадрилий тоже в сборе. Врага еще не было видно, поэтому он разделил людей на два отряда и начал разыгрывать сражение, командуя обеими армиями одновременно, чтобы проверить своих командиров. Сначала ребята едва ворочались, но потом разошлись и заиграли в полную силу.

И тут куб потемнел, изображения кораблей исчезли, дисплей подернуло туманом — и все изменилось. У ближнего края куба Эндер увидел зеленые огни, складывавшиеся в очертания трех кораблей-маток земного флота. Значит, на каждом двенадцать истребителей. Всего — тридцать шесть. Враг, давно уже заметивший присутствие людей, построился, образовав шар, — полый шар с единственным кораблем посредине. Эндер улыбнулся. Его не проведешь, это вовсе не корабль королевы. Численное превосходство было на стороне жукеров: примерно два к одному, — но их корабли сгрудились теснее, чем следовало бы. Доктор Девайс скоро покажет им, как они не правы. Эндер выбрал один из больших кораблей и заставил его изображение мигнуть. Потом сказал в микрофон:

— Алай, этот — твой. С тобой — Петра и Влад, распредели между ними истребители на свое усмотрение.

Он быстро раскидал людей по местам, оставив три истребителя в запасе — для Боба.

— Проскользни по стене, Боб, и зайди к ним в тыл. Если за тобой погонятся, возвращайся к главным силам, не нарывайся. Если нет — зависни где-нибудь, откуда можно быстро ударить,

когда потребуется. Алай, построй своих и атакуй плотной массой, как будто собираешься ударить в одну точку. Но не стреляй, пока я не скажу. Это только маневр.

— Мы легко сделаем их, Эндер.

— В таком случае почему бы не проявить осторожность? Я хочу, чтобы в этом бою мы не потеряли ни единого корабля.

Резервные войска Эндер сбил в две тесные группы и приказал им прикрывать Алая с дальнего расстояния. Боб уже вылетел за пределы экрана; Эндер время от времени подключался к нему, чтобы знать, где он там летает.

Алай тем временем затеял тонкую игру с противником. Он построил корабли клином и повел на разведку. Как только клин приближался, корабли жукеров отступали, пытаясь заманить его в центр шара, к одинокому судну, но Алай тут же ускользал в сторону. Так они играли: Алай подходил — жукеры расступались, Алай отходил — жукеры выравнивали строй.

Двинулись чуть вперед, отступили, переместились вдоль сферы на другую позицию, опять двинулись чуть вперед, опять отступили, и тут Эндер отдал приказ:

— Все, Алай, давай внутрь.

Клин без малейших колебаний двинулся вперед.

— Ты же знаешь, меня впустят, окружат, а потом сожрут живьем, — прокомментировал Алай.

— Корабль в середине игнорируй.

— Как прикажешь, босс.

Когда сфера начала смыкаться, Эндер бросил к ней резервные войска. Вражеские корабли сразу сгрудились ближе к правой стороне шара, той, куда подходил резерв.

— Теперь атакуйте их скопление! — приказал Эндер.

— Но это опровергает четыре тысячелетия военной истории, — заметил Алай, исполняя приказ. — Нормальные люди атакуют там, где враг слабее.

— Похоже, симулятор «забыл» о возможностях нашего оружия. Такое сработает только раз, но давай сделаем это красиво. Пли!

Алай открыл огонь. Результат превзошел все ожидания. Один корабль, два, дюжина… все подряд взрывались, ослепительно вспыхивая по мере того, как поле пожирало, судно за судном, плотное скопление.

— Держись подальше! — приказал Эндер.

До судов на другой стороне сферы цепная реак-

ция не добралась, но уничтожить их не составило труда. О тех, кто попытался ускользнуть, позаботился Боб. Наконец бой закончился. На поверку все оказалось куда проще недавних упражнений.

Когда Эндер сказал об этом Мэйзеру, тот лишь пожал плечами:

— Это имитация настоящего вторжения. И это лишь самая первая битва, во время которой жукеры как бы еще не знают о наших возможностях. А вот дальше придется попотеть. Не принимай всерьез эту победу. У меня уже готовы для тебя неприятные неожиданности.

По десять часов в день Эндер занимался с командирами эскадрилий. Но не со всеми сразу. Он менял группы, давая ребятам по нескольку часов передышки. Настоящие, большие сражения разыгрывались с перерывом в два-три дня и, как обещал Мэйзер, стали намного тяжелее. Противник оставил попытки окружить Эндера и больше никогда не использовал тесные построения, чтобы не допустить цепной реакции. И каждый раз бой был неожиданным, труднее предыдущего. Иногда в распоряжении Эндера оказывался лишь один большой корабль и восемь истребителей; однажды пришлось гоняться за противником

в Поясе астероидов. Частенько враг оставлял замаскированные ловушки, одиночные корабли, взрывавшиеся, когда эскадрильи подлетали поближе. Эндер начал терять корабли.

— Ты не имеешь права нести потери! — орал на него Мэйзер после одного такого боя. — Когда начнется настоящая война, у тебя не будет такой роскоши, как неограниченный запас судов! Придется обходиться теми, что ты привел с собой, и ничем больше. Привыкай выигрывать с минимумом потерь.

— До сих пор я не потерял зря ни одного корабля, — возразил Эндер. — И как я смогу побеждать, если страх перед потерями свяжет мне руки?

Мэйзер улыбнулся:

— Прекрасно, Эндер. Ты кое-чему научился. Но в реальном сражении старшие офицеры и, будь они неладны, гражданские кричат и не такое. Кстати, если бы компьютер знал свое дело, он поймал бы тебя вот здесь и от эскадрильи Тома остались бы рожки да ножки.

И они занялись разбором боя. Завтра на занятиях Эндер объяснит своим командирам то, что показал Мэйзер, и в следующий раз они сработают лучше.

Раньше они думали, что готовы, что сплоти-

лись в одну команду. Но теперь, пройдя через настоящие испытания, они еще больше поверили друг в друга — они буквально упивались боем. Даже те, кто не сражался, частенько заглядывали в симуляторы, чтобы просто понаблюдать за ходом сражений. Эндер представлял, каково это — сидеть среди друзей, которые радуются, хохочут, замирают от неожиданности, хлопают в ладоши. Наверное, это здорово отвлекает, но как бы ему хотелось чего-то подобного… Даже там, на плоту, посреди озера, он не был так одинок. Мэйзер Рэкхем стал для Эндера учителем, спутником, но не другом.

Впрочем, Эндер не жаловался. Мэйзер ведь доходчиво объяснил, что жалости ему ждать неоткуда и его личные неурядицы никого не волнуют. Впрочем, бо`льшую часть времени они не волновали и самого Эндера. Он сосредоточился на игре, каждый день учась чему-то новому. Причем он старался думать вперед. Что бы сделали жукеры сегодня, будь они поумнее? И как реагировать, если в следующий раз они поступят именно так? Он жил прошедшими и будущими сражениями, видел их во сне и наяву и гонял своих подчиненных так нещадно, что иногда они нет-нет да огрызались.

— Послушай, ты слишком добр к нам, — сказал ему Алай однажды. — Мы ведь так несовершенны — и как ты нас терпишь? Если будешь и дальше нас так баловать, мы, чего доброго, пожалуй, поверим, что ты и правда нас любишь.

Несколько ребят прыснули в свои микрофоны. Эндер, конечно, уловил иронию и ответил долгим молчанием. А когда снова заговорил, начисто проигнорировал жалобу Алая:

— Все сначала. И на этот раз себя не жалеем.

Они повторили маневр, и все получилось как надо.

Но по мере того, как росло доверие ребят к Эндеру-командиру, их дружба, которую до сих пор подпитывали воспоминания из Боевой школы, распадалась. Ребята все больше притирались — друг к другу, но не к нему, делились тайнами — друг с другом, но не с Эндером. Эндер был их учителем, их командиром, требовательным и таким же далеким, каким был для него Мэйзер Рэкхем.

Что ж, от этого они только лучше сражались. А Эндера ничто не отвлекало от работы. По крайней мере, пока он бодрствовал.

Каждый вечер, уплывая в сон, он проигрывал в уме сцены из только что закончившихся сра-

жений. Но по ночам ему мерещилось другое, совсем другое. Частенько он видел медленно разлагавшийся труп Великана, но не плоский, двухмерный компьютерный труп. Все было настоящим — даже слабый запах смерти, еще витавший в воздухе. Правда, кое-что в его снах было иначе. В маленьком селении, выросшем под ребрами Великана, теперь жили жукеры. Они абсолютно всерьез отдавали ему честь, как гладиаторы, приветствовавшие Цезаря, прежде чем умереть ему на потеху. В этом сне он не испытывал к жукерам ненависти. Он знал, что где-то неподалеку должна прятаться их королева, но даже не пытался искать ее.

Он всегда старался побыстрее уйти от тела Великана, но, когда добирался до игровой площадки, дети всегда были там, глумливые и хищные, всегда носящие знакомые личины. Иногда Питера или Бонзо Мадрида, порой Стилсона и Бернарда. Но чаще, куда чаще у кровожадных чудовищ оказывались лица Алая и Шена, Динка и Петры, а несколько раз он встречал среди них Валентину. Во сне он сталкивал ее в воду и топил. Она билась в его руках, боролась, пытаясь вынырнуть, но потом вдруг успокаивалась, застывала. Тогда он вытаскивал ее из озера и бережно укладывал

на плот. Валентина лежала там, с окаменевшим заострившимся лицом, а он кричал и плакал над ней. Снова и снова повторял, что это была игра, что он только играл!..

Мэйзер Рэкхем тряс его за плечо.

— Ты кричал во сне, — сказал он.

— Извините, — ответил Эндер.

— Ерунда. Тебе опять пора в бой.

Постепенно расписание становилось плотнее. Им приходилось сражаться дважды в день, и Эндер свел практические занятия к минимуму. Пока остальные отдыхали, он до одурения крутил записи прошлых сражений, выявляя свои промахи, пытаясь угадать, что ждет его дальше. Иногда он был полностью готов к тем новшествам, что собирался использовать враг, иногда его заставали врасплох.

— Мне кажется, ты жульничаешь, — заявил он однажды Мэйзеру.

— Да?

— Ты наблюдаешь за моими занятиями. Видишь, над чем мы работаем. Поэтому всегда опережаешь меня.

— Бо`льшая часть того, что ты видишь, — компьютерная имитация, — ответил Мэйзер. — Это все программа. Ты придумываешь что-нибудь

новое, в следующий раз компьютер использует это против тебя.

— Значит, жульничает компьютер.

— Эндер, тебе нужно выспаться.

Но он не мог спать. Каждую ночь все дольше лежал с открытыми глазами в ожидании тревожного, неглубокого сна и часто просыпался. Ему не давала покоя игра? Или тревожные сновидения? Ответа он и сам не знал. Кто-то словно управлял его снами, заставлял оживать самые худшие воспоминания, снова и снова возвращаться в них. Ночной мир был настолько четок и осязаем, что теперь дни казались ему сном. Он начал бояться, что утратит ясность мысли, что усталость одолеет его во время игры. В первую секунду сражения он всегда «просыпался». «Замечу ли я, когда разум действительно станет покидать меня?» — думал он.

С каждым днем усталость сказывалась все больше. Теперь в каждом сражении он терял один-два истребителя. Несколько раз врагу удавалось спровоцировать Эндера, заставить его показать слабость. Порой бесконечные маневры настолько выматывали Эндера, что победу приносила не столько стратегия, сколько везение. Такие игры Мэйзер просматривал с глубоким презрением

на лице.

— Вот посмотри сюда, — говорил он. — Ну зачем ты сделал это?

Вот и с его командирами было так же. Эндер всячески пытался их поддержать, ободрить, но иногда не мог скрыть разочарования их слабостями, их ошибками.

— Порой мы все допускаем ошибки, — прошептала ему Петра однажды. Это была своего рода мольба о помощи.

— А порой — нет, — обрезал Эндер.

От него она помощи не дождется. Он учитель, а не друг. Друзей пусть поищет где-нибудь еще.

А потом случилось так, что одно из их сражений чуть не закончилось катастрофой. Петра завела свои войска слишком далеко. Она подставилась и поняла это, но Эндера с ней в тот момент не было. За несколько секунд от ее эскадрильи осталось только два истребителя. Подключившись, Эндер мгновенно увидел, что происходит, начал отдавать приказы, но Петра как будто не слышала. Нужно было срочно что-то предпринимать, иначе оставшихся двоих тоже собьют.

Эндер сразу понял, что Петра пошла вразнос, не выдержала давления. Блестящий командир, она играла чаще, чем кто бы то ни был, и получала са-

мые тяжелые задания. Но сейчас не было времени беспокоиться о Петре или терзаться угрызениями совести. Он приказал Чокнутому Тому принять команду над истребителями, а сам ринулся спасать положение; позиция Петры была ключевой, и теперь все планы Эндера полетели к чертям. Если бы жукеры не ошалели от радости и не кинулись сломя голову закреплять полученное преимущество, Эндер мог бы и проиграть. А так Шену удалось заставить противника сомкнуть строй и подставиться. Цепная реакция несколько уравняла шансы. Чокнутый Том бросил две машины в образовавшийся прорыв, сея хаос в рядах неприятеля. И хотя они понесли огромные потери — эскадрильи Тома и Шена были полностью уничтожены, — за это время Муха Моло зашел жукерам в тыл и положил конец сражению.

А потом Эндер сидел и слушал, как Петра пытается прорваться к микрофону и кричит:

— Скажите ему, что это все я, я виновата! Я так устала, даже не могла думать, совсем не могла! Эндер, прости меня, прости!..

Несколько занятий она пропустила и вернулась уже совсем другой — утратив прежнюю остроту и отвагу. То, что делало ее блистательным тактиком, куда-то ушло. Эндер теперь мог

использовать ее только на рутинных заданиях в мелких операциях. Однако Петра не была дурой. Она поняла, что происходит. А еще она знала, что у Эндера нет выхода, и прямо сказала ему об этом.

Но факт оставался фактом: Петра сломалась, а ведь она была далеко не самой слабой из командиров. Он воспринял это как предупреждение: нельзя так давить на людей, они могут не выдержать. Теперь, вместо того чтобы использовать того или иного командира всякий раз, когда требовалось его мастерство, Эндер сначала вспоминал, сколько боев тот провел за последнее время. Его люди нуждались в отдыхе, а потому Эндеру иногда приходилось идти в бой вовсе не с лучшими своими командирами. И, снимая груз с других, он наваливал его на себя.

Как-то ночью он проснулся от боли. Подушка взмокла от крови, соленый привкус стоял во рту. Пальцы дрожали. Он понял, что во сне грыз собственный кулак. А кровь все еще текла.

— Мэйзер! — окликнул он.

Рэкхем проснулся и вызвал врача.

Пока доктор обрабатывал рану, Мэйзер проворчал:

— Мне все равно, когда и как ты питаешься, Эн-

дер. Самоедство не облегчит твою участь. Отсюда тебе никуда не деться.

— Я спал, — ответил Эндер. — И вовсе не собирался куда-то деваться.

— Хорошо.

— А другие, те, что не смогли…

— Ты это о ком?

— О тех, что были до меня. О твоих учениках, которые не справились. Что с ними стало?

— Они просто не справились. Мы никак не наказывали их, если ты об этом. Отстранили их, и все.

— Как Бонзо?

— Бонзо?

— Его отстранили, и он уехал домой.

— Нет, не как Бонзо.

— А что тогда с ними случалось? Ну, когда они ломались?

— Почему это так интересует тебя?

Эндер не ответил.

— Никто из них не заходил так далеко. Да, с Петрой ты сделал ошибку. Но девочка оправится. И потом, Петра — это Петра, а ты — Эндер Виггин.

— Она — часть меня. Она меня создавала.

— Ты не сломаешься, Эндер. По крайней мере, не в ближайшее время. За свою короткую жизнь

ты побывал во многих переделках, но каждый раз ты выигрывал. Ты сам не знаешь пределов своей выносливости, но если ты уже достиг их, значит ты куда слабее, чем мне казалось.

— Они умерли?

— Кто?

— Те, кто сломался.

— Нет, не умерли. Боже мой, малыш, это же только игра, не больше.

— Думаю, Бонзо умер. Мне это приснилось прошлой ночью. Я вспоминал, как он выглядел, когда я размозжил ему лицо головой. Наверное, вогнал носовой хрящ прямо в мозг. У него кровь шла из глаз. Он умер на месте.

— Это же только сон.

— Мэйзер, я не хочу, чтобы мне снилось такое. Я боюсь спать. Я все время думаю о том, чего не хочу вспоминать. Снова и снова прокручиваю всю жизнь, как запись. Кто-то хочет, чтобы я заново пережил самые ужасные моменты моей жизни.

— Мы не можем накачивать тебя лекарствами, если ты на это надеешься. Мне очень жаль, что тебе снятся плохие сны. Может, оставлять на ночь свет включенным?

— Не смейся надо мной! — выкрикнул Эндер. — Я действительно боюсь, что схожу с ума.

Доктор закончил перевязку, и Мэйзер отпустил его.

— Ты правда этого боишься? — спросил Мэйзер.

Эндер подумал и усомнился.

— В моих снах, — сказал он, — я веду себя очень необычно. Как будто я — это не я.

— Странные сны, Эндер, — это предохранительный клапан. Впервые в жизни ты работаешь с полной отдачей. И твое тело ищет пути компенсации, вот и все. Ты теперь большой мальчик. Пора перестать бояться темноты.

— Хорошо, — кивнул Эндер и решил больше никогда не рассказывать Мэйзеру о своих снах.

Дни шли, и каждый день он сражался. Эндер втянулся в рутину саморазрушения. Появились боли в желудке. Доктор посадил его на диету, но вскоре он и так потерял аппетит.

— Ешь! — приказывал Мэйзер, и Эндер автоматически подносил ложку ко рту. Но если его не заставляли, он не ел.

Еще двое его командиров сломались, как раньше Петра, тем самым увеличив нагрузку, падающую на остальных. И у противника теперь всегда было трех— или четырехкратное превосходство. Жукеры изменили тактику; увидев, что

дело принимает дурной оборот, они быстренько отступали, перегруппировывались, затягивали бой. Сражения тянулись все дольше и дольше. Иногда проходили часы, прежде чем удавалось уничтожить последний корабль противника. Редко кто теперь выдерживал до конца сражения — командиры по нескольку раз менялись, чтобы нормально отдохнуть.

— Знаешь, — сказал ему однажды Боб, перехватывая команду над оставшимися четырьмя истребителями Хана-Цыпа, — эта игра уже не доставляет мне прежнего удовольствия.

В один прекрасный день, когда Эндер муштровал командиров на очередной тренировке, комната вдруг потемнела и он очнулся на полу. Лицо было в крови: он ударился о подлокотник и панель управления.

Его перенесли на кровать, и три дня он сильно болел. Во снах ему виделись лица, но даже в бреду он осознавал, что лица эти не настоящие. То мерещилось, что он видит Валентину или Питера, а порой это были его друзья из Боевой школы, иногда — жукеры-вивисекторы. Однажды он, будто наяву, увидел, что над ним склонился полковник Графф, — он шептал ему всякие добрые слова, словно заботливый отец. Но когда Эндер проснул-

ся, рядом был только враг, Мэйзер Рэкхем.

— Я не сплю, — сказал Эндер.

— Вижу, — ответил Мэйзер. — Долго же ты провалялся. Кстати, у тебя сегодня бой.

Эндер встал, и сражался, и победил. Второго сражения в тот день не было, и ему разрешили лечь пораньше. Когда он раздевался, его руки тряслись.

Ночью ему почудились чьи-то осторожные прикосновения. Бережные, нежные. Он словно бы слышал голоса:

— Да уж, в излишней доброте тебя никак не упрекнешь.

— А меня об этом никто и не просил.

— Сколько еще он выдержит? Он разваливается на кусочки.

— Достаточно. Скоро уже конец.

— Неужели?

— Еще несколько дней, и он сможет отдохнуть.

— Но как он продержится эти несколько дней? В таком-то состоянии?

— Все будет хорошо. Сегодня он сражался лучше, чем когда-либо.

Призрачные голоса, похоже, принадлежали полковнику Граффу и Мэйзеру Рэкхему. Но сон есть сон, могут померещиться самые дикие вещи.

Эндер окончательно уверился, что спит, когда услышал:

— Это просто жутко. У меня все внутри переворачивается, когда я смотрю на него.

А второй голос ответил:

— Знаю. Я тоже люблю его.

А потом ему пригрезились Валентина и Алай, которые хоронили его. Затем он стал холмом, высох изнутри, и жукеры построили в нем свою деревушку, как раньше это случилось с Великаном.

Сны. Самые настоящие сны. Только во сне его любили и жалели.

Он проснулся и вновь сражался и победил. И опять сон, и опять видения. Пробуждение, победа, сон… Границы между явью и сном стерлись. Не то чтобы он беспокоился по этому поводу.

А потом наступил его последний день в Командной школе, хотя Эндер об этом даже не подозревал. Когда он проснулся, Мэйзера Рэкхема не было в комнате. Он принял душ, оделся, сел на койку и стал ждать, когда Мэйзер вернется и откроет дверь. Но Мэйзер не появлялся. Эндер подошел к двери и толкнул ее ладонью. Дверь отворилась.

Неужели этим утром Мэйзер случайно вы-

пустил его на свободу? Никто не заставлял его есть, заниматься или спать. Свобода… Но вот в чем беда: он не знал, как ею распорядиться. Может, найти командиров эскадрилий, наконец-то встретиться с ними лицом к лицу — но где они живут? А вдруг километрах в двадцати? Поэтому, поблуждав немного по туннелям, Эндер отправился завтракать в столовую. Рядом сидело несколько солдат, отпускавших сальные шутки, половины из которых Эндер просто не понял. Потом он отправился к симулятору — немного потренироваться. Просто не знал, чем еще себя занять.

Мэйзер ждал его. Эндер медленно вошел в комнату. Понурый и усталый, он слегка шаркал при ходьбе.

— Эндер, ты нормально себя чувствуешь? — нахмурился Мэйзер.

В комнате было много посторонних. Эндер не знал, кто они такие, но даже не дал себе труда поинтересоваться. Стоит ли? Все равно не скажут… Он сел в кресло, пробежал рукой по панели, подхватил обруч с наушниками…

— Эндер Виггин, — сказал Мэйзер, — пожалуйста, обернись. Сегодняшняя игра требует некоторых объяснений.

Эндер повернулся. Оглядел людей, столпившихся сзади. Многих он видел впервые. Некоторые были в штатском. Эндер заметил Андерсона и удивился: а он-то что здесь делает? Кто же тогда руководит Боевой школой? Взгляд выхватил Граффа, и Эндер сразу вспомнил озерцо в лесу под Гринсборо. И захотел домой. «Увези меня домой! — мысленно попросил он Граффа. — Во сне ты говорил, что любишь меня. Увези, пожалуйста!»

Но Графф только кивнул ему, и это было не обещание, а приветствие. Андерсон так и вовсе прикидывался, будто они незнакомы.

— Прошу тебя, Эндер, выслушай меня внимательно. Сегодня твой последний экзамен в Командной школе. Наблюдатели должны оценить твою подготовку. Если они мешают тебе, мы можем показывать им сражение в другой комнате.

— Они могут остаться.

«Последний экзамен. После него я, наверное, смогу отдохнуть».

— Чтобы испытание было честным, не повторяло пройденного и содержало нечто оригинальное, в игру введен новый элемент. Сражение развернется вокруг планеты. Это подстегнет врага

и заставит тебя импровизировать. Прошу тебя особо серьезно отнестись к сегодняшней игре.

Эндер подозвал Мэйзера поближе и спросил:

— Я первый, кто зашел так далеко?

— Победишь — будешь первым. Это все, что я могу сказать.

— Зато я могу слушать сколько угодно.

— А вот дерзить будешь завтра. Сколько угодно. А сейчас, пожалуйста, займись делом. Давай не будем портить картину. Как ты думаешь разобраться с планетой?

— Нужно послать кого-то на ее обратную сторону, чтобы действовать не вслепую.

— Правильно.

— И сила тяжести будет влиять на двигатели: легче лететь вниз, чем вверх.

— Именно.

— Сработает ли Добрый Доктор против целой планеты?

Мэйзер нахмурился:

— Даже жукеры во время своих нашествий не трогали гражданское население. Не знаю, разумно ли будет использовать стратегию, которая может повлечь за собой, скажем так, ответную реакцию?

— Единственное новшество — это планета?

— Ты помнишь хоть один бой, в котором я бы использовал против тебя только один новый трюк? Будь уверен, Эндер, я тебя сегодня не пожалею. Мы не можем подсунуть флоту второсортный товар. Я выложусь по полной, Эндер, и поддаваться тебе я не намерен. Держи в голове все, что знаешь о себе и жукерах. Может, чего и достигнешь.

Мэйзер вышел.

— Эй, вы здесь? — окликнул Эндер в микрофон.

— Все до единого, — отозвался Боб. — Несколько припозднились сегодня, а?

Значит, им не сказали. Эндер пару секунд тешил себя идеей намекнуть ребятам, насколько важен для него этот бой, но потом решил не забивать им голову лишней информацией:

— Извините, парни. Я тупо проспал.

Они рассмеялись. Не поверили ему.

Эндер заставил их повторить парочку маневров посложнее, чтобы разогреться перед сражением. Заодно сам обрел ясность мышления и сосредоточился на командовании — правда, на это ушло больше времени, чем обычно. Так, наконец-то все нормально — реакция хорошая, руки не дрожат, голова работает. «Или мне кажется,

что работает?»

Корабли исчезли. Куб потемнел. Эндер терпеливо ждал, когда появится диспозиция. «Интересно, что будет после того, как я сдам экзамен? Другая школа? Еще год или два изматывающих тренировок, год в полной изоляции, в роли марионетки, не способной распоряжаться собственной жизнью?..» Он с трудом припомнил свой возраст. Одиннадцать. Сколько же лет прошло с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать? Или дней? Да, одиннадцать ему исполнилось уже в Командной школе, но когда именно это случилось? Он не помнил. Наверное, просто не заметил, пропустил. Да и никто не заметил, кроме, пожалуй, Валентины.

Он ждал начала игры. Вот бы проиграть эту партию, провести ее плохо и бездарно, чтобы его отстранили от подготовки. И отправили домой, как Бонзо. «Бонзо уехал в Картахену. А меня пускай отправят в Гринсборо. Победа означает, что все будет продолжаться. А поражение — это путь домой».

«Нет, так нельзя, — возразил он сам себе. — Я нужен им, и, если проиграю, мне некуда будет возвращаться».

Но он не верил в это. Точнее, разумом он осо-

знавал свою важность, свою необходимость, но где-то глубоко-глубоко жило сомнение в том, что он кому-то нужен. Эта гонка, устроенная Мэйзером, — еще один трюк. Еще один способ помешать ему отдохнуть. Вот бы ничего не делать… долго-долго…

Посреди экрана возник вражеский строй, и усталость Эндера сменилась отчаянием.

Соотношение сил — сто к одному. Куб буквально светился зеленым, столько было вражеских кораблей. Они держались группами, но не стояли на месте, а постоянно двигались, меняли позицию, носились туда-сюда через весь экран. Эндер не мог найти ни одной щелки для атаки: только что свободный путь тут же оказывался закрытым, а рядом появлялся другой; строй, казавшийся уязвимым, вдруг менялся, и к нему уже невозможно было приблизиться. Планета висела в нижнем углу экрана, и, судя по всему, за ней, вне пределов видимости, затаилось еще столько же кораблей противника.

Его собственный флот состоял из двадцати кораблей-маток. При каждом корабле — четыре истребителя. Он знал эту модель: медлительная, старомодная и радиус действия Доброго Доктора вполовину меньше, чем у поздних вариантов.

Восемьдесят истребителей против пяти, а может, и десяти тысяч вражеских кораблей.

Эндер слышал в наушниках тяжелое дыхание ребят, а еще он слышал, как в комнате, за его спиной, кто-то из наблюдателей тихо и длинно выругался. Было приятно знать, что хоть один из взрослых отметил нечестность экзамена. Впрочем, какая разница? Честность не входит в условия игры — это ясно. Ему не дали ни малейшего шанса. «Я прошел через столько всего, но, оказывается, меня и не думали отпускать на волю».

Он вспомнил, как на него надвигались злобные дружки Бонзо — насмехаясь, угрожая. Тогда ему удалось пристыдить Бонзо, заставить сражаться один на один. Здесь такое не пройдет. И он не сможет ничем удивить своего врага — это вам не драка со старшими в боевой комнате. Мэйзер знает его возможности вдоль и поперек.

Из-за спины донеслось покашливание, послышался шорох ткани, будто кто-то переступил с ноги на ногу. Похоже, наблюдатели начали понимать, что Эндер в растерянности.

«Мне теперь все равно, — думал Эндер. — Оставьте свою игру себе. Вы не дали мне ни единого шанса, так чего ради я должен мучить-

ся?

Все совсем как в Боевой школе, когда напоследок меня заставили сражаться с двумя армиями сразу…»

И стоило этому воспоминанию всплыть у него в голове, как в наушниках зазвенел голос Боба:

— Главное помните: вражеские ворота — *внизу*!

Муха Моло, Хана-Цып, Влад, Мочила и Чокнутый Том рассмеялись в ответ. Они тоже вспомнили.

И Эндер тоже расхохотался. Это и в самом деле смешно. Взрослые, такие строгие, такие серьезные, и дети, подыгрывающие, искренне им верящие — до тех пор, пока взрослые не зайдут слишком далеко, пока не перегнут палку. Тогда дети вспоминают, что это всего лишь игра. «Гори огнем, Мэйзер Рэкхем. Мне все равно, сдам я экзамен или нет. Плевал я на правила. Если ты начал жульничать, я отвечу тем же. Тебе не победить меня с помощью обмана — я обману тебя первым».

Тогда, в Боевой школе, он победил, потому что, не обращая внимания на противника и собственные потери, атаковал вражеские ворота.

А вражеские ворота — внизу.

«Если я нарушу правило, не быть мне командиром. Я стану слишком опасен. Зато мне не придется больше играть. А это и есть победа».

Он быстро зашептал в микрофон. Ребята приняли команду над своими группами и построили истребители клином, нацелившись на ближайшее скопление вражеских кораблей. Враг даже не пытался отогнать их — наоборот, клин был гостеприимно пропущен внутрь, принят в объятия, чтобы быть там задушенным наверняка, раз и навсегда. «Ну да, все правильно. Согласно расчетам Мэйзера жукеры к этому моменту должны были научиться уважать меня, — подумал Эндер. — И тем самым я покупаю себе столь необходимое сейчас время».

Эндер нырнул вперед, свернул на север, на восток, опять нырнул вниз. Каждый из бесцельных вроде бы маневров на шаг приближал его к планете. Наконец вражеские корабли начали смыкать кольцо. И тут строй Эндера взорвался. На месте четкого клина воцарился хаос. Восемьдесят истребителей ныряли в любую щель, палили куда попало, лишь бы пробиться сквозь скопление вражеских судов.

Через несколько минут, однако, Эндер снова шепнул что-то в микрофон, и десяток из остав-

шихся истребителей, те, что проникли дальше всех за основные силы противника, вдруг опять выстроились в клин. Они понесли ужасные потери, но пробились и покрыли больше половины расстояния до вражеской планеты.

«Враги, наверное, уже поняли, — подумал Эндер. — Наверняка до Мэйзера дошло, что я делаю.

Или он никак не может поверить, что я решусь на такое? Что ж, тем лучше для меня».

Маленький флот Эндера метался из стороны в сторону, вилял; время от времени несколько истребителей вылетали из строя, будто для атаки, но тут же возвращались обратно. Враг смыкал ряды, стягивая рассеянные по космосу группы в единое целое. Жукеры не хотели рисковать. Плотная стена смыкалась за спиной Эндера, чтобы он точно не смог прорваться обратно в открытый космос.

«Замечательно, — подумал Эндер. — Ближе, еще ближе…»

А потом он отдал приказ, и его истребители начали падать камнем к поверхности планеты. Это были космические корабли, которые не могли пройти сквозь атмосферу, — они просто не были для этого предназначены, они бы там сгорели.

Но Эндер и не собирался входить в атмосферу. Едва начав падать, истребители стали наводить Доброго Доктора на цель. На планету.

Один, два, семь истребителей сбито. Это все игра, чет-нечет. Подберется ли хоть один из его кораблей достаточно близко, чтобы произвести выстрел? Мишень большая, целиться не надо, только подойти поближе. «Мне нужны какие-то считаные секунды, чтобы Доктор Девайс запустил реакцию».

Эндеру вдруг пришло в голову, что, скорее всего, в память компьютера такой оборот событий даже не заложен, — машина понятия не имеет, что произойдет с планетой, попавшей под удар Доброго Доктора. И что делать? Кричать «пах-пах, ты убит»?

Эндер убрал руку с панели и наклонился в кресле, чтобы лучше видеть происходящее. Планета все приближалась, по мере того как истребитель втягивало в гравитационный колодец. Разумеется, Добрый Доктор уже должен был запустить реакцию, просто компьютер не знает, как на это реагировать.

И тут поверхность планеты, занимавшая к тому времени уже пол-экрана, начала пузыриться. Мгновенно появившиеся вулканы изрыгали огонь в

небеса. Волна камней обрушилась на оставшиеся истребители. Эндер попытался представить, что происходит сейчас внутри планеты. Ему стало нехорошо. Поле растет и растет, молекулы распадаются на составные части, но атомам некуда деться…

Спустя ровно три секунды планета взорвалась, превратилась в облако яркой пыли, в разбухающий пылевой шар. Первыми погибли истребители Эндера, их экраны гасли один за другим; теперь компьютер мог демонстрировать только перспективу, которая открывалась с борта оставшихся по ту сторону вражеского флота кораблей-маток. Впрочем, это расстояние было самым что ни на есть правильным. Сфера росла очень быстро, настигая тесно сбившиеся вражеские корабли. Добрый Доктор стремился охватить всех своим вниманием — он словно бы касался волшебной палочкой корабль за кораблем, превращая их в яркие пятнышки света.

МД-поле ослабело, лишь немного не добравшись до самого края громадного дисплея. Нескольким вражеским судам удалось ускользнуть. Уцелели и большие корабли Эндера. Но там, где еще недавно находились огромный вражеский флот и планета, которую он защищал, не осталось

практически ничего. В пустоте висел некий бесформенный ком, который медленно рос за счет всякого мусора, притягиваемого силой тяжести. Он раскаленно светился и медленно вращался вокруг своей оси. Своими размерами он был куда меньше уничтоженной планеты — бо`льшая часть ее превратилась в пыль и сейчас громадными облаками разлеталась в стороны.

Оглушенный радостными воплями ребят, Эндер стащил с головы наушники и только тогда понял, что в комнате, где он находится, так же шумно. Люди в форме обнимались, хлопали друг друга по плечам, смеялись, кричали что-то непонятное; кто-то плакал; несколько человек стояли на коленях или даже распростерлись на полу — Эндер понял, что они молятся. Что происходит? Бред какой-то. Они ведь должны быть в ярости.

Откуда-то из толпы вынырнул полковник Графф и подошел к Эндеру. Слезы текли по его щекам, но он улыбался. Графф наклонился, протянул руки и, к удивлению Эндера, крепко обнял его, прижал к себе.

— Спасибо тебе, спасибо тебе, Эндер, — прошептал он. — Сам Бог послал нам тебя.

Остальные тоже начали подходить, поздравлять, пожимать ему руку, а он никак не мог

понять, что происходит. Неужели он все-таки сдал экзамен? Но он ведь сжульничал, нарушил правила. Почему же они ведут себя так, будто он одержал достойную победу?

Люди расступились, пропуская Мэйзера Рэкхема. Он подошел к Эндеру и протянул руку:

— Это был тяжелый выбор, малыш. Все или ничего. Либо мы, либо они. Господь знает, у тебя не было выбора. Поздравляю. Ты победил их, теперь все кончено.

«Все кончено. Победил их...» Эндер ничего не понимал.

— Я победил *тебя*.

Мэйзер рассмеялся, и его хохот раскатился по всей комнате.

— Эндер, ты играл не со мной. Честно говоря, ты вообще не играл, с тех пор как я стал твоим врагом.

Что за бред? Какая-то несмешная шутка? Он, Эндер, выиграл множество партий, и это дорого ему обошлось. Эндер начал закипать.

Мэйзер положил руку ему на плечо. Эндер сбросил ее. Тогда Мэйзер перестал улыбаться и сказал:

— Эндер, последние несколько месяцев ты командовал нашим флотом. Это было Третье

нашествие. Никаких игр, только настоящие сражения. И воевал ты с жукерами. Ты выиграл все битвы, и сегодняшняя происходила у их родной планеты, где была их королева, где были королевы всех их колоний. Они все были там, и ты стер их в порошок. Жукеры никогда больше не нападут на нас. Ты сделал это. Ты.

Все по-настоящему. Это была не игра. Мозг Эндера был слишком утомлен, чтобы в полной мере воспринять обрушившуюся на него информацию. Те точки света в пустоте оказались настоящими кораблями — он сражался с реальным противником и уничтожал его на самом деле. А еще он взорвал, отправил в небытие самую настоящую планету. Эндер прошел сквозь толпу, уворачиваясь от ободряющих похлопываний по плечу, огибая протянутые для пожатия руки, не слыша общего ликования. Он вернулся в свою комнату, разделся, забрался на койку и заснул.

Он проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Потребовалась секунда-другая, чтобы сообразить, кто это. Графф и Рэкхем. Эндер повернулся к ним спиной. «Дайте мне поспать».

— Эндер, мы хотим поговорить с тобой, — сказал Графф.

Эндер перекатился обратно.

— На Земле крутили видео твоего сражения весь день и всю ночь, не переставая.

— Весь день и всю ночь?

Получается, что он проспал целые сутки.

— Ты герой, Эндер. Все видели, что ты совершил. Ты и твои ребята. Думаю, нет на Земле правительства, которое еще не наградило тебя своим самым высоким орденом.

— Я их всех убил? — спросил Эндер.

— Всех — это кого? — удивился Графф. — А, ты о жукерах? Да, всех. А что?

Мэйзер наклонился поближе:

— На то она и война.

— Все королевы погибли. И я убил их детей, всех до единого.

— Они сами предопределили свою судьбу, напав на нас. Ты не виноват, Эндер. Так должно было случиться.

Эндер схватил Мэйзера за воротник комбинезона, повис на нем, притянул лицо Мэйзера к себе:

— Я не хотел их убивать! Никого не хотел убивать! Я не убийца! Вам нужен был не я, сволочи вы поганые, вам нужен был Питер, но вы заставили меня, обманом втянули во все это!

Потеряв самообладание, он разрыдался горькими слезами.

— Конечно мы обманули тебя. В том-то все и дело, — согласился Графф. — Иначе ты бы просто не справился. Видишь ли, мы зашли в тупик. Нам нужен был человек, способный на сопереживание, человек, который научился бы думать, как жукеры, понимать их и принимать. Человек, способный завоевать любовь и безоглядное доверие подчиненных, чтобы наша армия работала как единая совершенная машина. Как армия жукеров. Но тот, кто наделен даром сопереживания, не может быть убийцей. Он не способен побеждать любой ценой. А нам нужен был именно такой человек. Если бы ты все знал, ты бы ни за что не победил. И наоборот. Будь ты готов на нечто подобное, ты бы никогда до конца не понял жукеров.

— И это мог быть только ребенок, Эндер, — добавил Мэйзер Рэкхем. — Ты быстрее меня, лучше соображаешь. Я слишком стар и осторожен. Ни один нормальный человек, знающий, что такое война, не может идти в бой со спокойной душой. Но ты не знал. Мы сделали все, чтобы ты не знал. Ты был беспечен, молод и умен. Ты родился для того, чтобы побеждать.

— На наших кораблях были живые пилоты.

— Да.

— Я отправлял людей на верную смерть и даже не понимал, что делаю.

— Зато они всё понимали, Эндер. И все равно шли. Им было за что сражаться.

— Вы никогда не спрашивали, согласен ли я на такое! Вы ни разу не сказали мне правды! Ни единого слова!

— Ты должен был стать оружием, Эндер. Как пистолет, как Добрый Доктор. Главное — чтобы оружие было в рабочем состоянии; ему вовсе незачем знать, в кого оно стреляет. Целились мы. Мы же несем всю ответственность. И в том, что было не так, виноваты тоже мы.

— Потом поговорим. — Эндер закрыл глаза.

Мэйзер Рэкхем снова потряс его:

— Не спи, Эндер. Это очень важно.

— Вы добились своего, — сказал Эндер. — А теперь оставьте меня в покое.

— Для того мы сюда и пришли, — ответил Мэйзер. — Чтобы объяснить. Тебя не оставят в покое, даже не надейся. Там, внизу, они все с ума посходили. Собираются начать новую войну. Америка заявляет, что страны Варшавского договора хотят напасть на нее, а русские твердят то же самое про Гегемона. Жукеры всего сутки как мертвы, а мир уже втянулся в прежние свары,

причем очень дрянные, опасные свары. И всем чертовски нужен ты. Величайший полководец за всю историю человечества. Все хотят заполучить тебя. Американцы и Гегемон лично. Все. Кроме русских. Русские хотят, чтобы ты умер.

— Прекрасно, — пробормотал Эндер.

— Мы должны увезти тебя отсюда. На Эросе хватает русских пехотинцев, а приказы им, между прочим, отдает Полемарх, который тоже русский. В любой момент здесь может начаться резня.

Эндер снова повернулся к ним спиной. На сей раз они оставили его в покое. Но Эндер не уснул. Он лежал и слушал, что они скажут дальше.

— Этого я и боялся, Рэкхем. Ты слишком давил на него. Их аванпосты могли и подождать. Нужно было дать ему пару дней, чтобы он отдохнул, оправился.

— И ты туда же, Графф? Тоже пытаешься гадать, как было бы лучше? А ведь ты не знаешь, что произошло бы, поведи я себя иначе. И я не знаю. И никто не знает. Я поступал так, как считал разумным, и это сработало. Вот что главное — сработало. Запомни мои слова, Графф. Это очень хороший способ защиты. Возможно, тебе он тоже пригодится.

— Прости.

— Я могу предположить, что он сейчас чувствует. Полковник Лики утверждает, что, возможно, мальчик уже не оправится, но я ему не верю. Эндер слишком силен. Победа значила для него все, а он победил.

— Не рассказывай мне про силу. Парню одиннадцать. Пусть он отдохнет. В конце концов, пока все относительно спокойно. Можно поставить часовых у его двери.

— Лучше поставить их у другой двери, подальше. Пусть думают, что он там.

— Как скажешь.

Они ушли. А Эндер опять заснул.

Время шло, не касаясь Эндера, разве что изредка давая ему под дых. Однажды он проснулся оттого, что на его руку что-то очень сильно, болезненно давило. Он потрогал сгиб локтя: из вены торчала закрепленная пластырем игла. Эндер хотел выдернуть ее, но не сумел. Силы не хватило. В следующий раз он проснулся в темноте. Вокруг него бормотали и ругались. В ушах еще отдавался грохот, который и прогнал сон, но Эндер никак не мог понять, что же так грохотало.

— Дайте же свет! — воскликнул чей-то голос.

В другой раз Эндер проснулся оттого, что кто-то тихо плакал у его постели.

Возможно, прошли сутки или неделя, а может, и несколько месяцев — если судить по снам. В своих снах он проживал все новые и новые жизни. Снова Угощение Великана, детская площадка с детьми-оборотнями, умираешь-умираешь-умираешь, убиваешь-убиваешь-убиваешь… Когда он шел по лесу, кто-то шепнул ему прямо в ухо: «Тебе пришлось убить тех детей, чтобы добраться до Конца Света». — «Я не хотел никого убивать, — попытался ответить Эндер. — Никто не спрашивал меня, хочу ли я убивать». Но лес только рассмеялся. А когда он прыгал с утеса за Концом Света, его часто подхватывала не тучка, а истребитель, который уносил его к родной планете жукеров. И Эндер снова и снова вынужден был смотреть, как огненный смерч — реакция, запущенная Добрым Доктором, — пожирает земную твердь. А истребитель подлетал все ближе и ближе, и вот уже Эндер мог разглядеть отдельных жукеров, увидеть, как каждый из них взрывается, превращается в свет, а потом в бесформенный грязный комок. А вот королева, окруженная маленькими детишками, но потом королева становилась его мамой; к ней прижималась Валентина, а вокруг толпились ребята из Боевой школы. У одного из них было лицо Бонзо — он лежал чуть в сторонке,

на земле, кровь текла из носа и глаз. «У тебя нет чести», — беспрестанно повторял он. И всегда в самом конце сна появлялись зеркало, лужа воды или гладкая металлическая обшивка корабля — какая-нибудь отражающая поверхность. Сначала в ней постоянно отражалось лицо Питера с кровью, струящейся по подбородку, и змеиным хвостом, торчащим изо рта. Но потом сон изменился — из зеркала уже глядело лицо самого Эндера, только старое и печальное, а в глазах его отражалась скорбь. Он скорбел по миллионам и миллионам убитых, но, по крайней мере, это были его глаза, и Эндер ничего не имел против.

Вот в каком мире проживал свои жизни Эндер, пока снаружи бушевала пятидневная Война Лиги.

Когда он проснулся снова, кругом царила тьма. Где-то вдалеке гремели взрывы. Он прислушался и различил тихие шаги.

Быстро повернувшись, Эндер резким движением выбросил в воздух руку, чтобы поймать того, кто крался к нему. И точно — пальцы его ухватили чью-то одежду, и он рванул противника на себя, пригибая к своим коленям, готовый убить его на месте, если потребуется.

— Эндер, это я, я!

Он узнал этот голос — много-много веков назад он уже слышал его.

— Алай.

— Салам, недомерок. Что это ты, пытался убить меня?

— Да. Решил, что ты пришел убить *меня*.

— Я просто боялся тебя разбудить. Ну что ж, инстинкт самосохранения в порядке. А Мэйзер говорил, что ты превратился в овощ.

— Я пытался. А что это там грохочет?

— Война. Наш сектор перекрыли, чтобы с нами ничего не случилось.

Эндер опустил ноги на пол и попытался сесть, но не смог. Слишком болела голова. Он сощурился от боли.

— Не садись, Эндер. Все в порядке. Похоже, мы побеждаем. Не все солдаты из стран Варшавского договора поддержали Полемарха. Многие перешли на нашу сторону, когда Стратег сказал им, что ты за Международный флот.

— Я спал.

— Ну так он солгал. Или не солгал. Ты ведь не строил во сне изменнических планов? Русские перебежчики рассказали, что, когда Полемарх приказал найти и убить тебя, его самого чуть не убили. Что бы они ни думали о других людях,

Эндер, тебя — любят. Весь мир смотрел записи наших сражений. Видео крутили день и ночь. Я кое-что видел. Оттуда ничего не вырезали, все осталось — наши переговоры, то, как ты отдаешь приказы. Клево получилось. Ты мог бы сделать видеокарьеру.

— Не думаю.

— Да я шучу. Эй, ты вообще можешь в это поверить? Мы выиграли войну! Так рвались вырасти, выучиться, чтобы сражаться в ней, а оказалось, что мы не играли, а сражались. Мы, дети, Эндер. Это были мы. — Алай рассмеялся. — Вернее, это был ты. Ох и молодец же ты! Без дураков! Я до сих пор не понимаю, как у тебя это вышло. Но вышло же. Ты был молодец.

Эндер заметил, что Алай говорит о нем в прошедшем времени. Он *был* молодец.

— А теперь, Алай? Какой я теперь?

— Ты все еще самый лучший.

— В чем?

— Э… Во всем. Миллионы солдат готовы идти за тобой на край Вселенной.

— Я не хочу идти на край Вселенной.

— А куда ты хочешь идти? Они последуют за тобой.

«Я хочу домой, — подумал Эндер, — только не

знаю, где теперь мой дом».

Взрывы прекратились.

— Тихо, — сказал Алай.

Они прислушались. Дверь отворилась. Кто-то стоял в проеме. Кто-то маленький.

— Все кончилось, — сказал Боб.

И, как бы подтверждая его слова, вспыхнул свет.

— Хо, Боб.

— Хо, Эндер.

Следом вошла Петра, рука об руку с Динком. Все трое приблизились к постели Эндера.

— Кто победил?

— Мы, Эндер, — ответил Боб. — Ты же был там.

— Он не настолько сдвинулся, Боб. Он спрашивает, кто победил только что. — Петра взяла Эндера за руку. — На Земле заключено перемирие. Они там добрую неделю торговались. И все-таки решили принять Предложение Локка.

— Он же не знает о Предложении Локка…

— Да, там все сложно. Главное, что Международный флот остается, но страны Варшавского договора в нем не участвуют. Их солдаты возвращаются домой. Думаю, русские согласились только потому, что им грозило восстание исламских государств. Впрочем, пострадали все. Только

здесь пятьсот человек погибло, а на Земле все еще хуже.

— Гегемон подал в отставку, — сообщил Динк. — Они там внизу все умом тронулись. Да черт с ними.

— Ты в порядке? — спросила Петра и положила руку на лоб Эндера. — Ты нас здорово напугал. Они говорили, что ты спятил. А мы сказали, что это они все спятили.

— Я спятил, — ответил Эндер. — Но все в порядке.

— И когда ты это понял? — спросил Алай.

— Когда решил, что ты пришел убивать меня, и попытался убить тебя первым. Видимо, убийцу из меня никогда не вытравить. Но лучше быть живым, чем мертвым.

Все покатились со смеху, а Эндер расплакался и обнял Боба и Петру — они были ближе.

— Я так скучал. Так хотел увидеть вас всех.

— Зато мы все время друг друга слышали, — хмыкнула Петра и чмокнула его в щеку.

— Вы были великолепны, — ответил Эндер. — Но тем, в ком я сильнее всего нуждался, пришлось совсем туго. Это называется плохое планирование.

— Уже все в порядке, — успокоил его Динк. — Да

и не стряслось с нами ничего такого, что не смогла бы вылечить пятидневная отсидка в темной комнате посреди гражданской войны.

— Я же теперь больше не командир? — спросил Эндер. — Я не хочу никем командовать.

— Тебе и не надо, — ответил Динк. — Но ты всегда останешься нашим командиром.

Они немного помолчали.

— И что же нам делать дальше? — поинтересовался Алай. — Война с жукерами окончена, гражданская война на Земле — тоже. Нам-то куда деваться?

— Ну, вообще-то, мы еще дети, — сказала Петра. — Наверное, нас погонят в школу. Есть даже такой закон. Мы обязаны ходить в школу, пока нам не исполнится семнадцать.

И все расхохотались. Они смеялись до тех пор, пока слезы не потекли по щекам.

15
Говорящий от имени мертвых

Озеро было гладким и спокойным — ни волн, ни ряби. Два человека сидели рядом в креслах на причале. У самого конца пирса к балке был привязан маленький деревянный плотик. Графф зацепил ногой веревку и подтянул его, затем отпустил и стал смотреть, как плотик отплывает, потом опять подтянул.

— Ты похудел.

— Одно нервное напряжение увеличивает вес, другое его снимает. Я представляю собой сложное химическое соединение.

— Должно быть, тебе пришлось худо.

Графф вздохнул.

— Не особенно. Я знал, что меня оправдают.

— А вот мы не были так уверены. Они там с ума посходили. Жестокое обращение с детьми, убийство, допущенное по небрежности… Видеозаписи гибели Стилсона и Бонзо Мадрида — довольно-таки жуткое зрелище. Когда один ребенок убивает другого…

— Меня спасли именно видеозаписи. Обви-

нение манипулировало фрагментами, а мы показали все подряд. И всем стало ясно, что зачинщик — не Эндер. Ну а дальше — дело техники. Я заявил, что сделал все необходимое для спасения человеческой расы и у меня получилось. Потом мы заставили судей согласиться с тем, что обвинение должно доказать всего одну простую вещь: Эндер смог бы выиграть эту войну *без* подготовки в нашей школе. В общем, все списали на военное время.

— Знаешь, Графф, это большое облегчение для нас. Да, мы иногда ссорились, и я знаю, что обвинение использовало против тебя записи наших с тобой разговоров. Но к тому времени я уже понимал: с самого начала ты был абсолютно прав. Я даже хотел выступить свидетелем защиты.

— Знаю, Андерсон. Адвокаты мне рассказывали.

— И что ты будешь делать теперь?

— Понятия не имею. Пока прихожу в себя. За это время у меня накопилось несколько лет неиспользованных отпусков. Могу отдыхать сколько заблагорассудится. А еще у меня по разным банкам валяется чертова уйма денег — жалованье. Могу жить на проценты. Подумываю, не стать ли бездельником.

— Звучит заманчиво. А вот я быстро устаю от безделья. Представь, мне три разных университета предложили должность президента! Они считают, что я учитель. А когда я говорю, что в Боевой школе занимался только игрой, пожимают плечами и не верят. Но есть и другое предложение, поинтереснее.

— Да, я слышал. Пойти в спорт?

— Теперь, когда войнам пришел конец, можно снова приниматься за игры. Это будет не работа, а сплошные каникулы. В Футбольной лиге всего двадцать девять команд. Смешно. После стольких лет наблюдения за нашими летающими ребятишками футбольный чемпионат для меня выглядит как первенство среди улиток.

Они рассмеялись. Графф снова вздохнул и подтянул ногой маленький плот.

— Этот плот… Вряд ли он твой.

Графф покачал головой:

— Его построил Эндер.

— Ах да. Ты же его сюда привозил.

— Все это хозяйство переписано на его имя. Я проследил за тем, чтобы он получил соответствующую награду. Он никогда не будет нуждаться в деньгах.

— Если только ему позволят вернуться.

— Да, этого тоже никогда не будет.

— Даже несмотря на то, что Демосфен требует его немедленного возвращения?

— Демосфена в сетях уже нет.

Андерсон поднял бровь:

— И что бы это значило?

— Демосфен ушел в отставку. Навсегда.

— Ты что-то знаешь, старый хрыч. Пари держу, ты знаешь, кто такой Демосфен.

— Кто был Демосфеном.

— Расскажи.

— Нет.

— Графф, ты становишься неприятен.

— Я всегда таким был.

— Расскажи хотя бы почему. Многие из нас думали, что когда-нибудь Демосфен станет Гегемоном.

— У него не было никаких шансов. Нет, даже толпа кретинов-политиков, подпевал Демосфена, никогда не убедит Гегемона вернуть Эндера на Землю. Мальчик слишком опасен.

— Да ему же только одиннадцать. Нет, уже двенадцать.

— И потому он еще более опасен. Его так легко контролировать. Во всем мире имя Эндера произносят с придыханием. Ребенок-бог, чудо-

творец, мальчик, державший в руках жизнь и смерть человечества. Каждый будущий тиран будет стремиться заполучить его, поставить во главе своей армии, чтобы все остальные либо перебежали на его сторону, либо в ужасе сдались. Если Эндер и вернется на Землю, то только затем, чтобы отдохнуть, мирно прожить остаток своего детства. Но его не оставят в покое.

— Понятно. И кто-то объяснил это Демосфену.

— Наоборот, — усмехнулся Графф. — Демосфен объяснил это кое-кому. Кто мог бы использовать Эндера так, как не использовал бы никто, — чтобы захватить власть над миром и заставить весь мир гордиться этим подчинением.

— И кто же это?

— Локк.

— Но именно Локк убедил всех, что Эндеру лучше пока оставаться на Эросе.

— Видимость всегда обманчива.

— Это слишком сложно для меня, Графф. Я предпочитаю игры. Честные правила. Судей. Начало и конец. Победителей и проигравших. А потом все расходятся по домам, к своим семьям.

— Подбрасывай мне время от времени билеты на самые интересные матчи.

— Значит, ты все-таки не собираешься уходить

в отставку?

— Нет.

— Тебя переводят в аппарат Гегемона?

— Я новый министр по делам колоний.

— Ага, началось.

— Начнется, как только получим доклады от разведчиков, отправленных на бывшие колонии жукеров. Мы придем на готовенькое; плодородная почва, дома, заводы — все на месте, только жукеры мертвы. Очень удобно. Мы отменим законы, ограничивающие рост населения.

— Которые все ненавидят лютой ненавистью.

— А всех третьих, четвертых и пятых посадим на корабли и отправим к известным и неизвестным мирам.

— Думаешь, люди поедут?

— Еще как… Они всегда едут. Всегда находятся желающие. Те, кто хочет построить лучшую жизнь в новом мире.

— А почему бы и нет, черт возьми? Может, у них и получится.

Сначала Эндер думал, что его привезут на Землю, как только все немножечко успокоится. Но все уже успокоилось, год назад как успокоилось, и теперь стало совершенно ясно, что никто не хочет его возвращения. Куда легче использовать

имя и миф, чем живого, не очень уживчивого мальчика из плоти и крови.

А еще был военный трибунал над полковником Граффом. Тщетно адмирал Чамраджнагар пытался помешать Эндеру следить за этим судом. Эндер тоже получил чин адмирала, и это был один из редких случаев, когда он воспользовался своими привилегиями. До того он затребовал себе видео своих драк со Стилсоном и Бонзо Мадридом. Он увидел все, включая фотографии трупов крупным планом, услышал, как психологи и юристы решают, убийство это или самозащита. И составил на этот счет свое мнение — правда, его об этом никто не спрашивал. На самом деле процесс был не только над Граффом, но и над Эндером. Только обвинитель оказался слишком умен, чтобы напасть на него открыто, хотя и пытался выставить Эндера извращенцем, мерзавцем, сумасшедшим убийцей.

— Не обращай внимания, — сказал Мэйзер Рэкхем. — Политиканы боятся тебя, но им не удастся запачкать твою репутацию. Пока. Это произойдет только лет через тридцать, когда тобой займутся историки.

Эндеру была безразлична судьба его репутации. Он бесстрастно следил за процессом, но в душе за-

бавлялся. «Я убил в той битве десять миллиардов жукеров, таких же живых, разумных существ, как люди, причем они и не думали снова идти на нас войной… Однако никто не считает это преступлением».

Все эти преступления тяжким грузом легли ему на плечи, и смерти Стилсона и Бонзо были не тяжелее и не легче прочих.

Придавленный страшным бременем, Эндер тянул пустые месяцы, ждал, когда мир, который он спас, разрешит ему вернуться домой.

Один за другим друзья неохотно покидали его, улетали обратно на Землю, к своим родным и близким, чтобы быть встреченными как герои у себя на родине. Эндер всегда смотрел трансляции этих встреч и был очень тронут их похвалами Эндеру Виггину, который научил их всему — научил и привел к победе. Но стоило им заикнуться о возвращении Эндера на Землю, как этот кусок видео мгновенно цензурировали, чтобы никто не услышал их просьб.

Какое-то время единственными занятиями на Эросе были уборка после кровавой короткой, но все же кровавой Войны Лиги и прием сообщений с бывших боевых, а теперь просто космических кораблей, исследовавших колонии жукеров.

Но сейчас на Эросе все по уши ушли в работу, а в туннелях толпилось больше народу, чем во время войны. Эрос превратился в пункт сбора колонистов, готовых заселить опустевшие миры жукеров. Эндер помогал местному персоналу, насколько это ему позволялось. Взрослые как-то упускали из виду, что этот талантливый двенадцатилетний мальчик может сделать для дела мира столько же, сколько в свое время сделал для войны. Но Эндер был терпелив и не сердился, когда им пренебрегали; он научился вносить предложения и проталкивать свои планы через тех немногих взрослых, что прислушивались к нему. Его не интересовала слава, а только результат.

Единственное, чего он не мог выносить, так это преклонения колонистов. Он научился избегать тех туннелей, где они жили, потому что его всегда узнавали — весь мир теперь знал его в лицо, — и кричали от радости, и обнимали его, и поздравляли, и показывали детей, названных в его честь, и говорили, что он так молод, даже сердце щемит, что его не винят ни в каких убийствах, что он не виноват, что он еще совсем ребенок.

Он прятался от них как только мог.

Впрочем, от одного колониста ему не удалось

скрыться.

В тот день он улетел с Эроса, отправился на челноке к новой станции межзвездного запуска, где учился чинить корпуса кораблей в открытом космосе. Чамраджнагар сказал, что офицерам не подобает работать руками, но Эндер ответил, что, раз та профессия, которую он освоил, больше не пользуется спросом, самое время учиться чему-то новому.

Его вызвали через радиопередатчик в шлеме скафандра и сообщили, что его возвращения ждет некий посетитель. Эндер не хотел никого видеть, а потому особо не торопился. Он закончил монтировать щит для корабельного ансибля, вытащил свой крюк, пролетел вдоль борта корабля и нырнул в шлюз.

Она ждала его прямо у дверей раздевалки. На какое-то мгновение он разозлился, что какого-то колониста впустили в святая святых, но потом присмотрелся и понял: эту девушку он знает. Вернее, знал — когда она была еще девочкой.

— Валентина, — сказал он.

— Привет, Эндер.

— Что ты здесь делаешь?

— Демосфен вышел в отставку. Я улетаю с первым транспортом в колонию.

— Дорога займет пятьдесят лет.

— Два года по корабельному времени.

— Но если ты захочешь вернуться, все, кого ты знаешь на Земле, уже будут мертвы.

— Именно об этом я и думала, когда соглашалась. Правда, надеялась, что кое-кто из моих знакомых на Эросе полетит со мной.

— Я не хочу жить на планете, которую мы украли у жукеров. Я хочу всего-навсего вернуться домой.

— Эндер, ты никогда не вернешься домой. Я позаботилась об этом, прежде чем улететь.

Он молча смотрел на нее.

— И честно говорю тебе об этом. Если ты решишь меня возненавидеть, лучше это произойдет раньше, чем позже.

В маленькой каюте, отведенной Эндеру на межзвездной станции, она все объяснила. Питер хотел, чтобы его брат вернулся на Землю — под защиту Совета Гегемона.

— Видишь ли, Эндер, таким образом ты бы очутился полностью во власти Питера. Половина Совета танцует под его дудку. А те, кто еще не превратился в дрессированных собачек Локка, боятся противоречить ему.

— Им известно, кто он?

— Да. Широкая публика не в курсе, но в верхах знают. Это больше не имеет значения. В его руках сосредоточилось слишком много власти, чтобы кого-нибудь беспокоил его возраст. Он совершил невероятное, Эндер.

— Я заметил, что соглашение, которое все подписали год назад, носит его имя.

— Это был большой прорыв. Питер через друзей-политиков в общественных сетях закинул свою идею, а Демосфен поддержал его. Этого-то Питер и ждал — возможности объединить влияние Демосфена на толпу и власть Локка над умами интеллигенции, чтобы достичь чего-нибудь знаменательного. Он предотвратил жестокую войну, которая могла тянуться десятилетиями.

— Он хочет стать государственным деятелем?

— Думаю, да. Однажды в очередном припадке цинизма — а они весьма нередки — Питер сознался, что, позволь он Лиге развалиться, мир пришлось бы покорять по кусочкам. А пока существует Гегемония, он может добиться этого одним махом.

Эндер кивнул:

— Именно таким я его и помню.

— Смешно, правда? Питер спас миллионы

жизней…

— Тогда как я погубил десятки миллиардов.

— Я не это имела в виду.

— Он хотел использовать меня?

— Да, у него были виды на тебя, Эндер. В день твоего прибытия он собирался выйти из подполья, встретил бы тебя на космодроме прямо перед видеокамерами. Старший брат Эндера Виггина, великий Локк, созидатель мира. Рядом с тобой он казался бы взрослым. И ваше внешнее сходство велико, как никогда. После этого ему было бы совсем нетрудно захватить столь желанную власть.

— Почему же ты остановила его?

— Эндер, а ты был бы счастлив такой участью? Провести всю оставшуюся жизнь в пешках у Питера?

— Я всегда был чьей-то пешкой.

— Я тоже. Поэтому я показала Питеру собранные мной доказательства — достаточные, чтобы в глазах общественности выставить его психопатом и убийцей. Цветные фотографии замученных им белок, записи с монитора — того, как он обращался с тобой. Пришлось приложить немало усилий, чтобы собрать все это, зато, внимательно ознакомившись с моими свидетельствами, он

согласился дать мне все, что я захочу. А хотела я свободы — для тебя и для себя.

— Я должен буду поселиться в доме тех, кого я убил. Это не входит в мое понимание свободы.

— Эндер, что сделано, то сделано. Миры жукеров теперь пусты, а наш переполнен. И мы можем принести на эти планеты то, чего не знали жукеры. Там возникнут города, полные людей, людей, живущих собственной жизнью, кого-то любящих, кого-то ненавидящих. На всех планетах жукеров происходило одно и то же, одна и та же незамысловатая история, а мы принесем туда множество историй и будем импровизировать, каждый день их меняя, придумывая им новый конец. Эндер, Земля принадлежит Питеру. И если ты не полетишь со мной, он затянет тебя в свои сети и будет использовать, пока ты не пожалеешь, что появился на свет. Это твой единственный шанс сбежать.

Эндер молчал.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Эндер. Тебе кажется, что я пытаюсь управлять тобой. Как Питер, как Графф.

— Была такая мысль.

— Добро пожаловать в человеческую расу. Жизнь человека никогда ему не принадлежит.

Лучшее, что ты можешь сделать, — это вверить свою судьбу в руки хороших, любящих тебя людей. Я прилетела сюда не потому, что мечтаю о поприще колонистки. Я здесь потому, что провела всю свою жизнь рядом с братом, которого ненавидела. А теперь хочу узнать брата, которого люблю, — пока не поздно, пока мы еще дети.

— Мы уже не дети.

— Ошибаешься, Эндер. Думаешь, ты вырос, устал, износился, но в глубине души ты такой же ребенок, как и я. Но мы будем держать это в секрете от всех остальных. Пока ты будешь управлять колонией, а я — писать труды по политической философии, никто и не догадается, что во мраке ночи мы пробираемся друг к другу в комнаты, чтобы поиграть в фантики или подраться подушками.

Эндер рассмеялся, но все же обратил внимание на фразу, брошенную слишком небрежно, для того чтобы быть случайной.

— Управлять колонией?

— Эндер, я же все-таки Демосфен. Я ушла, хлопнув дверью и оповестив публику, что вера в необходимость колонизации призывает меня улететь первым же кораблем. А министр по делам колоний, бывший полковник по фамилии Графф,

объявил, что первый корабль поведет великий Мэйзер Рэкхем, а губернатором колонии станет Эндер Виггин.

— Они бы хоть меня спросили.

— Вот я тебя и спрашиваю.

— Но это твое объявление?..

— Его пока не было. Обо всем объявят завтра, если, конечно, ты примешь предложение. Мэйзер уже согласился.

— И ты откроешь всем, что ты и есть Демосфен? Четырнадцатилетняя девочка?

— Будет известно только, что Демосфен улетел первым кораблем. И пусть все любопытные еще пятьдесят лет роются в списке пассажиров, пытаясь докопаться, кто из колонистов был великим демагогом эпохи Локка.

Эндер рассмеялся и покачал головой:

— Вижу, ты развлекаешься вовсю, Вэл.

— А почему бы и нет?

— Ладно, — вздохнул Эндер. — Я лечу. Даже согласен стать губернатором, если ты и Мэйзер будете мне помогать. Здесь меня, мягко говоря, недооценивают.

Валентина взвизгнула и обняла его. Картина маслом: обычная девочка-подросток получает от младшего брата долгожданный подарок.

— Вэл, — остановил ее восторги Эндер, — только я хочу прояснить одну вещь. Я еду не из-за тебя. Не ради карьеры губернатора. И не от скуки. Я знаю о жукерах больше, чем кто-либо из живущих, и, если поеду с тобой, смогу понять их еще лучше. Я украл у них будущее. Не дав умереть их прошлому, я смогу вернуть хотя бы часть своего долга.

Перелет оказался долгим. К тому времени, как они достигли цели, Вэл уже закончила первый том истории войн с жукерами и от имени Демосфена передала его на Землю по ансиблю. А Эндеру удалось заполучить кое-что получше слепого обожания пассажиров-колонистов. Когда они узнали его поближе, их благоговейный страх сменился любовью и уважением.

На новой планете Эндер трудился не покладая рук. Он быстро понял разницу между тем, военными ты командуешь или гражданскими, и правил скорее убеждением, нежели железным кулаком. Тяжелой работы хватало сполна: чтобы выжить, колония должна была перейти на самообеспечение. Но самым важным из всех его занятий — и это признавалось всеми — оставались исследования. Он разбирался с наследием жукеров, искал среди инопланетных зданий, машин и полей то,

что сейчас или со временем может пригодиться людям. Здесь не нашлось книг — жукеры в них не нуждались. Все, что хранила живая память, их так и не облеченные в слова мысли — все это погибло вместе с жукерами. Но все ли?..

Мощные перекрытия сараев и загонов для скота подсказали Эндеру, что зимы будут суровыми, снежными. Высокие изгороди из заостренных кольев, ощетинившиеся шипами, навели на мысль, что здесь водятся травоядные, которые могут погубить твой урожай, и достаточно крупные хищники, представляющие опасность для людей и скота. Осмотрев мельницу, Эндер понял, что отвратительного вкуса фрукты, растущие в одичавших садах, можно высушить, перемолоть — и получится прекрасная мука. А еще он нашел котомки, в которых носили детей с собой на поля. Пусть жукеры и не обладали индивидуальностью, они тоже любили детей.

Годы шли, жизнь устраивалась. Люди жили в деревянных домах на поверхности, а подземные города жукеров использовали под склады и фабрики. Колонией теперь управлял совет, переизбиравшийся ежегодно, и Эндер, хотя люди все еще называли его губернатором, на самом деле исполнял лишь функции мирового судьи. Здесь

среди доброты и взаимопомощи тоже встречались преступления и ссоры; были люди, любящие всех вокруг, и те, кто не любит никого, — в общем, это был самый обычный человеческий мир. Повседневная жизнь засасывала, и никто уже особенно не интересовался новостями, приносимыми ансиблем. Имена, популярные на Земле, ничего не значили для колонистов, за исключением имени Питера Виггина, Гегемона Земли. Ансибль извещал только о мире и процветании, о больших кораблях, покидавших границы Солнечной системы и уходивших за кометный пояс, чтобы заполнить людьми оставленные жукерами миры. Скоро и на этой планете, Мире Эндера, возникнет еще одна новая колония, у первопроходцев появятся соседи, они уже на полпути сюда, но это никого не беспокоило. Старожилы помогут новеньким, когда они прилетят, и научат их всему, что те должны знать. Впрочем, первопоселенцев теперь гораздо больше интересовало, кто на ком женится, кто болен и кто здоров, когда сеять и «почему это, спрашивается, я должен ему платить, если этот проклятущий теленок издох всего через три недели после того, как я его получил».

— Они стали людьми земли, — говорила Ва-

лентина. — Здесь уже никого не интересует, что Демосфен отослал сегодня по ансиблю седьмой том своей истории. На этой планете никто его не прочтет.

Эндер нажал кнопку, и компьютер вывел на экран следующую страницу.

— Очень прозорливо, Валентина. А сколько томов еще осталось написать?

— Один. Историю Эндера Виггина.

— И что ты будешь делать? Подождешь, пока я не умру?

— Нет, буду писать и писать, а когда дойду до нынешнего времени, остановлюсь.

— У меня есть идея получше. Окончи книгу днем последнего боя. С тех пор я ничего не сделал для истории.

— Может быть, — сказала Валентина. — А может, и нет.

Ансибль принес известие, что кораблю, несущему новую партию колонистов, осталось лететь только год. Эндера просили подыскать место, где новички могли бы поселиться. Не слишком далеко от старой колонии, чтобы можно было торговать, но и не очень близко, чтобы у вновь прибывших было свое правительство. Эндер взял вертолет и полетел осматривать окрестности. Он

прихватил с собой одного из бойких мальчишек, одиннадцатилетнего паренька по имени Абра; мальчугану было всего три года, когда основали колонию, и он не помнил другого мира. Они с Эндером улетали настолько далеко, насколько позволял запас топлива, на ночь разбивали лагерь, а утром шли на разведку пешком.

На третье утро у Эндера возникло смутное подозрение, что он уже однажды бывал в этом месте. Он огляделся: ерунда, никогда он здесь не был и пейзаж этот видит впервые. Он позвал Абру.

— Хо, Эндер! — откликнулся мальчик, стоявший на вершине низкого холма. — Иди сюда!

Эндер вскарабкался на холм, песок и мелкие камешки летели из-под ног. Абра смотрел куда-то вниз.

— С ума сойти. Глазам своим не верю, — пробормотал он.

Холм оказался полым. Внутри его лежала глубокая ложбина, наполненная водой; над ней опасно наклонялись крутые своды, чем-то напоминавшие ребра. В одну сторону от нее тянулись две гряды, образующие V-образную долину, с другой — поднималась белая скала, напоминавшая череп, изо рта которого росло дерево.

— Как будто здесь умер великан, — заметил

Абра, — и земля поднялась, чтобы укрыть его скелет.

Теперь Эндер знал, почему пейзаж показался ему знакомым. Тело Великана. Он слишком часто играл здесь ребенком, чтобы не узнать это место. Но все равно быть этого не может! Компьютер Боевой школы не мог обладать этими знаниями. Эндер поднял к глазам бинокль и устремил взгляд в знакомом направлении, одновременно боясь и надеясь, что увидит еще кое-что из прошлого.

Качели и горки. Решетки для лазанья. Карусель. Все заросло травой, но очертания те же.

— Кто-то построил все это, — прошептал Абра. — Посмотри на череп. Это же не скала, он из бетона.

— Знаю. Они построили его для меня, — ответил Эндер.

— Что?

— Я знаю это место, Абра. Жукеры построили его для меня.

— Когда мы прилетели сюда, все жукеры уже были пятьдесят лет как мертвы.

— Ты прав. Это невозможно. Но я знаю, что говорю. Абра, мне не следует брать тебя с собой. Это может быть опасно. Если они знают меня достаточно хорошо, чтобы построить такое, то,

возможно…

— Возможно, они хотят поквитаться с тобой?

— Да, за то, что я их убил.

— Так не ходи туда, Эндер. Не делай того, что они от тебя хотят.

— Если они хотят отомстить, я не возражаю. Но может, дело не в этом. Наверное, они пытались поговорить со мной. Написали мне записку.

— Они же не умеют писать. Не знают, что это такое.

— Наверное, они этому учились, перед тем как умереть.

— Так или иначе, я не собираюсь болтаться здесь без дела. Я отправляюсь с тобой.

— Нет. Ты слишком мал, чтобы рисковать…

— Да ладно! Ты же Эндер Виггин. Только не рассказывай мне про возраст.

Они сели в вертолет и полетели над детской площадкой, над синим лесом, над колодцем из нетесаного камня, одиноко стоявшим на поляне. А потом перед ними возник утес, на вершине его виднелся выход из пещеры и маленькая ровная площадка — та самая, где когда-то находился Конец Света. А вдалеке, точь-в-точь как в фэнтези-игре, поднимались в небо башни замка.

Он посадил вертолет.

— Не ходи за мной. Если через час меня не будет — лети домой.

— Фиг тебе, Эндер, я тебя не брошу.

— Фиг *тебе*, Абра. Зато я брошу тебя.

Абра понял, что, несмотря на веселый голос, Эндер вовсе не шутит. И остался.

Стены башни были изъедены временем, местами камни вывалились из гнезд, образуя уступы, по которым легко было взбираться. Жукеры хотели, чтобы он попал внутрь.

Комната оказалась именно такой, какой ей полагалось быть. Эндер опасливо глянул на пол, рассчитывая увидеть змею, но там лежал только коврик с вышитой на нем змеиной головой. Имитация, а не дубликат; для народа, не знавшего даже понятия «искусство», жукеры отлично справились с задачей. Они вытащили все эти образы из сознания Эндера, через пропасть в десятки световых лет дотянулись до него и проникли в его сны. Зачем? Конечно, чтобы привести в эту комнату. Чтобы оставить послание. Но где же это послание и как Эндер сможет его прочесть?

На стене висело зеркало. Тусклый блеск полированного металла. В центре процарапаны контуры человеческого лица. «Они пытались изобразить то, что я каждый раз видел в зеркале».

И, глядя в тусклую кривую поверхность, он вспоминал, сколько раз крушил это зеркало, сколько раз из потайной ниши на него бросались змеи, чтобы вонзить в его тело ядовитые клыки.

«Как хорошо они меня знают! — удивился Эндер. — Достаточно хорошо, чтобы понимать: я не боюсь смерти, наоборот, — часто думаю о ней. Достаточно хорошо, чтобы быть уверенными: страх смерти не помешает мне снять зеркало со стены».

Он подошел к зеркалу и снял его. Ничего не произошло. На Эндера никто не выпрыгнул. В нише лежал белый комок, как будто обмотанный шелковой нитью, которая периодически рвалась. Яйцо? Нет. Куколка королевы жукеров, уже оплодотворенная и готовая произвести на свет сто тысяч жукеров, среди которых будут и рабочие, и самцы для размножения, и даже несколько королев. Эндер, как наяву, видел темные туннели, брачную комнату, где по стенам висят похожие на слизняков самцы, видел, как огромный взрослый жукер вносит на руках малютку-королеву, как самцы по очереди проникают в нее, и бьются в экстазе, и падают, умирая, на гладкий каменный пол. А затем новую королеву приносят к ногам старой — прекрасного существа, заверну-

того в мягкие, шуршащие, сверкающие крылья, уже давным-давно не годные для полета, но еще отмеченные печатью величия. И старая королева целует свою дочь на ночь, погружая ее в сон нежнейшим на свете ядом, а затем одевает в шелковый кокон и приказывает ждать, а когда исполнится срок — стать собой, королевой, новым городом, новым миром и даровать жизнь другим королевам и мирам…

«Откуда я знаю все это? — удивился Эндер. — Я как будто вспоминаю свое прошлое…»

И, словно в ответ, перед глазами Эндера встала картина его самого первого сражения с флотом жукеров. Раньше он видел его на симуляторе, но сейчас смотрел на происходящее глазами сотен жукеров, глазами их королевы. Флот построился в шар, а затем из темноты космоса налетели вражеские истребители, и Добрый Доктор превратил всех жукеров во вспышку света. Он чувствовал то же, что чувствовала королева. Смерть пришла слишком быстро, чтобы ее избежать, но понимание неизбежности смерти пришло еще быстрее. Однако в памяти не было ни боли, ни страха. В сознании королевы плыла печаль, нечто вроде тихого отчаяния. Ее тоска не была сформулирована в словах, но именно слова сложились в мозгу

Эндера. Глядя на людей, пришедших убивать, королева думала: «Они не простили нас. Теперь, конечно, мы умрем».

— Как возвратить вас к жизни? — спросил он.

Королева из шелкового кокона не могла ответить ему словами, но, когда он закрыл глаза и сосредоточился, откуда-то из глубины сознания пришли новые образы. Кокон нужно положить в прохладное место, темное и тихое. Там должна быть вода, чтобы запустить внутри кокона определенные реакции. Несколько недель куколка будет постепенно изменяться. А потом, когда кокон потемнеет и станет пыльно-коричневым, Эндер должен будет разрезать шелк и помочь маленькой и хрупкой королеве появиться на свет. Вот он берет ее за переднюю лапку и помогает перебраться из вод ее рождения в гнездо, мягкое, устланное высохшими листьями. «И я оживу, — всплыло в мозгу. — Я проснусь. И дам жизнь тысячам и тысячам моих детей».

— Нет, — сказал Эндер. — Я не могу.

В ответ — страдание.

— Твои дети ушли в прошлое, превратились в чудовищ, являющихся к нам теперь только в ночных кошмарах. Если я разбужу тебя, мы всего-навсего снова вас убьем.

В его мозгу пронеслись десятки картин того, как жукеры убивают людей, и с ними пришло столько горя, такая боль, что он не смог вынести этого и заплакал.

— Если ты сможешь передать другим людям свои чувства, как передала их мне, вполне возможно, они простят вас.

«Нет, никому, только мне, — понял он. — Жукеры отыскали меня через ансибль, проследовали по его лучу и проникли в мой мозг. Агония мучительных снов открыла им мою суть, хотя днем я продолжал убивать их. И они поняли: я боюсь их, но не знаю, что убиваю их не в игре, а на самом деле. За несколько последних недель они построили для меня это место — тело Великана, и детскую площадку, и утес за Концом Света, чтобы глаза и память привели меня в башню. Я единственный, кого они знают. Они могут говорить только со мной или через меня».

«Мы совсем как вы, — вспыхнуло в его мозгу. — Мы не хотели вас убивать и, когда осознали свою ошибку, ушли навсегда. Мы считали себя единственной разумной расой во Вселенной, пока не встретили вас, но мы даже не представляли, что одинокие животные, не способные делить друг с другом свои сны, способны породить мысль.

Откуда нам это было знать? Иначе мы бы пришли с миром. Верь нам, верь нам, верь нам».

Эндер засунул руку в нишу и вытащил кокон. Он был слишком легким, чтобы хранить в себе надежду, все будущее некогда великой расы.

— Я заберу тебя и унесу, — сказал Эндер. — Я полечу из мира в мир, с планеты на планету, пока не найду время и место, когда и где ты сможешь проснуться. Где никто не тронет тебя. И я расскажу людям историю твоего народа, чтобы они поняли и со временем простили вас, как вы простили меня.

Он завернул шелковый кокон в куртку и выбрался из башни.

— И что там было? — спросил Абра.

— Ответ.

— На что?

— На мой вопрос.

Это было все, что Эндер сказал ему. Они вели поиск еще пять дней и наконец нашли подходящее место для новой колонии, далеко на юго-востоке от башни.

Через много недель Эндер пришел к Валентине и попросил прочесть кое-что написанное им. Она вызвала из корабельного компьютера нужный файл и стала читать.

Повествование шло от лица королевы муравейника, которая рассказывала историю своего народа: чего хотели жукеры и что они сделали. «Вот наши ошибки и преступления, вот наше величие, мы не хотели вам зла и прощаем вам нашу смерть». Рассказ начинался с появления первой искры разума на некой далекой планете и кончался пожаром последней войны, уничтожившей их родной дом. Он был скуп, как древнее сказание. Эндер поведал о великой матери, что первой решила растить и воспитывать новую королеву, вместо того чтобы убивать или изгонять ее. Сколько раз приходилось ей уничтожать плоть от плоти своей, частицу себя, пока наконец она не родила дочь, способную оценить ее тягу к гармонии. Такого еще не видел их мир: две королевы любили друг друга и помогали друг другу, вместо того чтобы сражаться. Их муравейник был сильнее любого другого. Они процветали и дали жизнь множеству дочерей, что разделили с ними новый мир. Это было начало мудрости.

«Если бы мы только могли объясниться с вами! — говорила устами Эндера королева. — Но этого не случилось, и мы просим только об одном: чтобы в вашей памяти мы остались не врагами, а родичами, с которыми столкнули вас судьба,

эволюция, Бог… Если бы мы поцеловали друг друга, это чудо сделало бы нас людьми в глазах друг друга. Но вместо этого мы стали убивать. И все же мы приветствуем вас как друзей, как гостей. Придите в наш дом, дочери Земли, собирайте урожай с наших полей, живите в наших городах. Теперь вы — наши руки. Делайте то, что уже не можем делать мы. Цветите, деревья; зеленейте, поля; даруйте им тепло, солнца; будьте плодородными, планеты, ибо мы удочеряем их, и они пришли домой».

Книга, которую написал Эндер, была короткой, но в нее вошло все то зло и все то добро, что знала королева жукеров. Эндер подписал ее не своим именем, а псевдонимом:

ГОВОРЯЩИЙ ОТ ИМЕНИ МЕРТВЫХ

Без излишней шумихи книгу опубликовали на Земле, и она переходила из рук в руки, пока не стало очевидным, что ее прочитали все. Одни нашли ее довольно любопытной; другие не могли отложить в сторону, а потом перечитывали и перечитывали. Многие пытались жить заветами книги и, хороня близких, вставали у могил, чтобы стать Говорящими от Имени Мертвых, исповедаться за ушедшего из жизни, не скрывая

его вины и не претендуя на добродетели. Люди, посещавшие эти службы, часто находили их слишком жестокими и растравляющими души, но было и множество других, кому казалось, что их жизни, несмотря на все ошибки, чего-то да стоили, а значит, когда они умирали, Говорящий должен был рассказать за них всю правду.

На Земле просто стало одной религией больше. Но для тех, кто путешествовал по великой темной пещере космоса, кто жил в туннелях королевы муравейника и собирал урожай с ее полей, — это была единственная вера. Ни одна колония не обходилась без своего Говорящего.

Никто не знал, да и не хотел знать, кто был первым Говорящим. Да и сам Эндер не собирался никому раскрывать это.

Когда Валентине исполнилось двадцать пять, она закончила последний том своей истории войн с жукерами и включила в приложение полный текст маленькой книжки Эндера, но так и не сообщила, кто ее написал.

Сразу после этого по ансиблю с ней связался старый Гегемон. Питеру Виггину было уже семьдесят семь, и у него отказывало сердце.

— Я знаю, кто написал эту книгу, — сказал Питер. — Если он смог стать голосом жукеров, то

сможет говорить и за меня.

Через пятьдесят световых лет по ансиблю говорили Эндер и Питер. И Питер выцеживал по капле истории своих дней и лет, повести доброты и жестокости. И когда он умер, Эндер написал вторую книгу и опубликовал под тем же псевдонимом. Книги назывались «Королева Муравейника» и «Гегемон» и с годами стали нечто вроде Священного Писания.

— Давай улетим, — сказал однажды Эндер Валентине, — и будем жить вечно.

— Так не бывает, — ответила она. — Есть чудеса, которые не может сотворить даже теория относительности.

— Нам нужно лететь. Я почти счастлив здесь.

— Так оставайся.

— Я так долго жил с моей болью, что теперь не могу без нее.

И они сели на космический корабль и полетели из мира в мир. И где бы ни останавливались, он всегда был Эндрю Виггином, бродягой, говорящим от имени мертвых, а она — его сестрой Валентиной, летописцем, записывающим истории живущих. И всегда и всюду Эндер возил с собой маленький белый кокон. Он искал планету, где королева сможет проснуться и жить в мире.

Поиск его был долог.

Благодарности

Отдельные части этой книги воспроизводились в моем первом опубликованном научно-фантастическом рассказе (повести) «Игра Эндера», вышедшей в журнале «Аналог» в августе 1977 года. Тогда журналом заведовал Бен Бова, и его вера в меня и в эту повесть стала краеугольным камнем всей моей карьеры.

Харриет Макдугал из издательства «Тор» — редчайший из редакторов. Она не только понимает историю, которую автор хочет рассказать, но и может помочь ему сделать ее именно такой, какой, по его мнению, она должна быть. Харриет сильно недоплачивают. Впрочем, со мной ей было достаточно легко, а все благодаря великолепной работе моего «домашнего» редактора Кристины Кард. Ей я, кстати, тоже недоплачиваю.

Также я благодарен Барбаре Бова, которая была моим другом и агентом и в худые времена, и в тучные, а также Тому Догерти, моему издателю, который на съезде Ассоциации книгопродавцов в Далласе поддался на мои уговоры и позволил мне написать эту книгу. Сей факт либо доказывает его

исключительный нюх, либо то, как устает порой издатель на всякого рода конвенциях.